

Жан
МАРКАЛЬ

Жизор
и
загадка
тамплиеров

Историческая
библиотека

Жан МАРКАЛЬ

Жизор и загадка
тамплиеров

Какую роль в Жизоре играли тамплиеры? Спят ли еще тайны в подземельях этой старинной крепости?

ЖАН
МАРКАЛЬ

**ЖАН
МАРКАЛЬ**

**ЖИЗОР И ЗАГАДКА
ТАМПЛИЕРОВ**

ЕВРАЗИЯ
Санкт-Петербург

УДК 821.133.1-311.6
ББК 84(4Фра)-44
М27

Jean Marcale
CISORS ET L'ÉNIGME DES TEMPLIERS

Перевод с французского А.Ю. Карачинского, М.Ю. Некрасова

Маркаль, Ж.

М27 Жизор и загадка тамплиеров / Жан Маркаль; пер. с фр. А.Ю. Карачинского, М.Ю. Некрасова. — СПб.: Евразия, 2008. — 301, [3] с.

ISBN 978-5-8071-0265-2 (С.: И.Б.(84))
Серийное оформление С.Е. Власова
Компьютерный дизайн Н.А. Хафизовой

ISBN 978-5-8071-0276-8 (С.: ПКДВ(84))
Серийное оформление А.А. Кудрявцева
Компьютерный дизайн М.Р. Хафизова

Тайна разрушения ордена Храма по приказу Филиппа Красивого вот уже почти семь веков не перестает волновать умы. Но последние лет двадцать проблема, связанная с уничтожением этого ордена, вновь стала вызывать особый интерес и породила разнообразные толкования, прежде всего по поводу Жизора и его странного замка. Чей это все-таки замок? Какую роль в Жизоре играли тамплиеры? Спят ли еще тайны в подземельях этой старинной крепости?

Жан Маркаль очень объективно отвечает на все эти вопросы. Результаты его расследования могут удивить: может быть, тамплиеры, которых чаще всего считают жертвами темных интриг, скорей послушно осуществляли папскую политику подчинения мира? И за какую скандальную тайну они умерли?

Тем не менее одна загадка остается абсолютно неразрешимой: тамплиеры, по-прежнему считая себя христианами, отрекались от Иисуса. Почему?

Полностью считаясь с историческими источниками, Жан Маркаль старается прояснить эту жгучую тайну, отделяя бесспорные факты от гипотез, слишком часто выдвигаемых без всяких оснований.

УДК 821.133.1-311.6
ББК 84(4Фра)-44

© Éditions Pygmalion / Gérard Watelet, 1986
© Перевод. А.Ю. Карачинский, М.Ю. Некрасов, 2006
© Издательство «Евразия», 2007

Часть первая

МЕСТА

Глава I

ТЕНИ ЖИЗОРА

Насколько я помню, куда бы ни забрасывала меня судьба, странные и непонятные узы всегда притягивали меня к Жизору и долине реки Эпты. Я родился совсем в другом месте, и с Жизором у меня не было ничего общего. Я попал в эту область только в двадцать лет. Однако это место казалось таким близким, вроде тех, что являются человеку в детских грезах; при виде жизорского пейзажа создается впечатление, будто ты уже был там однажды, пусть это было в предыдущей жизни. Но, как бы то ни было, Жизор, долина Эпты будоражили мое воображение.

Я всегда гордился своей интуицией, своего рода врожденным даром, который, не сомневаюсь, я унаследовал от своих кельтских предков и который позволяет мне смутно ощущать истинную сущность вещей, незаметную за внешним фасадом. Я всегда хотел, чтобы мои мечты стали реальностью, потому что верю во всемогущество разума. Но я понял: чтобы эти мечтания воплотились в настоящей жизни, надо подчинить их игре в материю, то есть внешнего облика, наполнить их реальным содержанием. Мой рационалистический ум не склонен верить предположениям, даже самым незначительным, если я не узнаю, на чем они основываются. Я вовсе не отрицаю существование смутных сил бессознательного — напротив, я предоставляю им средство для воплощения. Так, я задался вопросом, почему и как мой разум путешествует по просторам

Вексена в поисках затемненной зоны, располагающейся вдоль извилистого русла Эпты, под самыми стенами Жизорской крепости. Как говорится — кто ищет, тот найдет.

Из глубин моей памяти всплывает картинка времен моей юности, которая, однако, связана не с Жизором, но с Сен-Клер-сюр-Эпт. Речь идет о глуповатой иллюстрации из школьного учебника по истории Франции для начальных классов. На ней был изображен норманнский вождь Роллон, приносящий оммаж французскому королю Карлу III Простому. Подпись под рисунком гласила, что гордый норманн, которому предстояло поцеловать ногу государя, не захотел преклонять колени: он смело взял королевскую ногу и рванул ее вверх, сбросив несчастного Карла с его трона. Да, подчас поражаешься, как сильно детские иллюстрации из наших «Историй Франции» повлияли на наше воображение! И к эпизоду с Роллоном присоединяется другой: картинка со стареющим Карлом Великим в кресле, с печалью наблюдающим через окно своего дворца за ордой неистовых норманнов, готовых разграбить и сжечь монастырь. Однажды стоило бы написать историю по мотивам картинок из наших учебников!

Но именно в эти картинки и уходит корнями моя мечта о Жизоре. Поначалу это не имело никакого отношения к тамплиерам. Но, напротив, норманны напирают со всех сторон, обгоняемые своей жуткой славой, которая, скажем прямо, была не чем иным, как обманом, поскольку викинги были не более — впрочем, и не менее — жестокими грабителями, чем другие, так называемые христианские народы той эпохи.

В данном случае долина реки Эпты с раннего возраста представлялась мне границей, за которой все еще обретаются грозные норманны, о чьих грабительских набегах мне рассказывали в школе. Кроме того, для меня, жителя Парижа, долина Эпты была самой близкой природной границей. Я чувствовал, что между французским и нормандским Вексенами должно существовать фундаментальное различие, что Нормандия не Иль-де-Франс и даже не Франция. Я знал, что долгое время

Нормандия принадлежала англичанам; мне еще рассказывали, что нормандцы завоевали Англию: как в таких условиях не рассматривать Нормандию как колыбель будущего государства Великобритании?

Эта мысль о присутствии в самом сердце Франции «чужой земли» захватила меня, тем более что я напоминал себе, как множество бретонцев участвовали в завоевательном походе на проклятых англосаксов, изгнавших моих далеких предков с их родного острова, заставив их пересечь Ла-Манш и обосноваться в Арморике. Вдруг нормандцы из врагов превратились в моих союзников, и цитадель Жизора, расположенная в семидесяти километрах от Парижа, стала первой вехой на пути, ведущем меня в воображаемую страну, которую я создавал по велению сердца и зачастую неосознанных устремлений, которые так характерны для ностальгических мечтаний юноши, считающего себя изгнанником из родных краев.

Другие факторы побуждали меня верить в реальность этой границы, особенно знакомство со средневековой литературой. Я довольно быстро выяснил, что большинство старых текстов этой литературы, которую называют французской, были составлены на англо-нормандском диалекте, начиная с знаменитой «Песни о Роланде». Что же касается «бретонских романов», то есть романов артуровского цикла, то, за исключением произведений Кретьена де Труа, они были написаны нормандскими клириками, в той или иной степени подчинявшимися королю Генриху II Плантагенету: «Роман о Бруте» (то есть о бретонцах) Роберта Васа, «Тристан» Беруля и Фомы Англичанина, «Безумие Тристана» (оксфордский манускрипт), лэ Марии Французской, которая, невзирая на свое имя, принадлежала к англо-нормандскому роду и, вероятно, приходилась сводной сестрой Генриху II. Мне, в то время все сильнее ощущавшему себя настоящим бретонцем и гордившемуся славными бретонскими традициями, было очевидно, что нормандцы не могут быть никем, кроме как друзьями. Ну разве не их стараниями удалось познакомить мир с кельтскими легендами? Ведь именно

благодаря им я заинтересовался их историей, литературой, готическим и романским искусством.

Увы, все это произошло во время Второй мировой войны. Каждый день я узнавал, что тонны бомб обрушиваются на нормандские города. Что могло уцелеть там после таких разрушений? Сколько великих произведений искусства погибло под этим яростным смерчем? Эти скорбные события только увеличили мою симпатию к Нормандии, где все еще жил, я знал это, дух прежнего рыцарства и творения строителей соборов. По другую сторону Эпты, по другую сторону «границы», целая цивилизация была на грани исчезновения.

Первый раз я побывал в Жизоре в 1948 году. Старенький поезд, унесший меня за пределы парижского времени, долго петлял среди пригородных садов, затем пересек по мосту Уазу и выехал на озаряемое солнцем и продуваемое ветрами вексенское плато. На выходе из вокзала у меня вдруг появилось чувство, будто я оказался *вне*, на другой стороне границы, которую так давно хотел перейти. Правда, этот вокзал находился на левом берегу Эпты, то есть на французской стороне. Но напротив возвышалась внушительная громада замка. При виде этой твердыни я вспомнил слова французского короля Филиппа-Августа, сказавшего о ней: «Я хотел бы, чтобы стены этой крепости были украшены драгоценными камнями, а каждый камень был из золота и серебра — при условии, что об этом не знал бы никто, кроме меня». Эта фраза юного короля была, без сомнения, шуткой, но шуткой, которая показывает, какую важность придавали во Франции и Англии жизорскому замку как звену политической и матримониальной стратегии. Но эти слова приобрели особое значение, когда их связали с легендарным сокровищем тамплиеров, якобы хранившимся в этих местах.

Однако в 1948 году я еще равным счетом ничего не знал об этом кладе, как и о раскопках, начатых хранителем замка. Дряхлый автобус провез меня по улицам города. Повсюду виднелись следы войны: руины напоминали о немецких бомбар-

дировках, уничтоживших центр Жизора в 1940 году. Нельзя было без слез смотреть на обгоревший, полуразрушенный остров собора. На мгновение мне показалось, что я снова очутился в том ужасном времени, когда смерть ливнем падала с небес, извергаемая из недр германских самолетов с черными крестами, этими кошмарными Стукас, которые пикировали с поистине адским воем. Я был знаком с такими сценами войны не понаслышке. В 1940 году мне уже доводилось переживать немецкие бомбардировки. Мне вспомнилось, как мы вдвоем с бабушкой, растерянные и перепуганные, скитались по дорогам Верхней Нормандии в бессмысленной надежде попасть в недоступную Бретань. Заслышав рев моторов Стукас, мы сразу бросались во придорожную канаву. Этот рев навеки останется у меня в памяти, как и стрекотание пулеметов и черные кресты на крыльях этих кошмарных железных птиц. Для нас все происходившее было настоящим кошмаром. Только значительно позднее я узнал, что эти кресты ранее принадлежали тевтонским рыцарям, извечным соперникам тамплиеров.

Но в июле 1948 года, когда я, двадцатилетний юноша, приехал в Жизор, солнце навевало лишь радость и надежду. Вскоре покинув Жизор, я углубился в территории нормандского Вексена, в направлении леса Лиона. Миновав Безю-Сент-Элуа, Этрепани, Дудовиль я, наконец, добрался до Пюшей, где меня ждали: повсюду глазам открывались мирные пейзажи полей, где урожай злаков должен был превратиться во вкусный хлеб, как и много лет назад, выпекаемый в больших печах в деревнях, окруженных живыми изгородями. Жизнь налаживалась. В Пюшей — тогда я еще не знал, что в то же время там остановился поэт Луи Гильом, еще один бретонский изгнанник, ставший потом моим другом, — я увидел деревянную паперть у маленькой церкви, столь характерной для Верхней Нормандии: следы пребывания викингов в этом месте были очевидны, хотя о них тогда редко вспоминали. Пюшей, эта деревушка, едва виднелась на фоне зелени, посреди равнины, ныне отданной под индустриальное окультуривание. При первом взгляде

она напоминала мне садик, где везде росли цветы — у оград и стен домов.

Я вспоминаю, как жил в группе молодых людей в одном из этих домов с цветами, стоявших перпендикулярно к дороге, за которым начинался сад, выходящий прямо в окрестные поля. Пожилая женщина, чьего имени я никогда не знал, но которую мы звали «матушкой», управлялась с делами на кухне; ей помогал мальчишка, выполнявший любые поручения. Дом принадлежал францисканцу, странному, замечательному человеку, бретонцу по происхождению, отцу Мари-Бернарду. Я познакомился с ним случайно, при других обстоятельствах, но так никогда и не понял, чем он занимается, ни с какой целью он время от времени собирает всех нас в то одном, то другом доме, где, неизвестно в силу каких таинственных соглашений, ему предоставлялась власть над людьми и вещами. В общем, не важно. Я пережил немало интересных мгновений посреди этой маленькой братской общины, которая подчинялась только одному правилу — правилу дружбы. Вечером, после ужина, начиналось бдение: каждый из нас рассказывал свою историю, либо веселую, либо серьезную, исполнял песню, вспоминал о своем прошлом. Эти вечерние беседы заканчивались молитвой и песнопением во славу Богородицы.

Вот там я еще раз услышал рассказы о Жизоре. Мне сказали, что неподалеку от церкви есть меровингское кладбище, с могилами, где лежат драгоценные предметы. И эти предметы, заверили меня, не были потеряны для всего мира. Местные жители якобы верили в то, что в подвалах Жизора на протяжении долгих веков клад стережет сам дьявол. И горе тому, кто проникнет в подземные крипты единственно ради того, чтобы присвоить сокровище! Ему грозит вечно корчиться в адских языках пламени. Другие наши собеседники, настроенные куда более прозаически, считали, что никакогоклада и в помине не было: просто немцы соорудили в крепости огромный резервуар, где хранили бензин во времена оккупации. Так они надеялись уберечь топливо от английских бомбарди-

ренок, поскольку жизорская цитадель была священным и полным исторических воспоминаний местом для граждан Соединенного королевства. История с резервуаром для бензина действительно имела место, и поэтому в 1964 году по распоряжению министерства двор замка залили бетоном. Тем не менее, хоть имя тамплиеров на наших сборищах и не произносилось вслух, намеки на сокровище, погребенное где-то в подземельях Жизора, звучали постоянно, пусть и в виде самых разных легенд.

Что же касается подземелий, то о них мы тоже говорили. В Жизоре они были повсюду. По словам моих товарищей, нормандский Вексен напоминал громадную головку сыра, так много в нем ходов и таинственных подземных коридоров. То была истинная правда, и один из таких ходов существовал между замком и церковью Сен-Жерве-Сен-Проте: во время бомбардировок 1940 года случайно открылся вход в ранее никому не известное подземелье. Другой подземный коридор вел от того же замка до донжона Нефль-Сен-Мартен, что довольно логично, поскольку нефльская крепость построена раньше, чем Жизор, те, кто возводил Жизор, приходили из Нефля, и было бы странно, если бы они не наладили сообщение между двумя укрепленными точками оборонительной системы в долине Эпты. Кроме того, добавил еще один мой приятель, есть еще одно большое вымощенное плитами (откуда всплыла эта подробность?) подземелье, связующее Жизор с Шато-сюр-Эпт, чьи развалины можно увидеть на Сен-Клер-сюр-Эпт, словно они все еще защищают въезд в Нормандию от тех, кто по национальной дороге № 14 направляется в Руан. Потом все мы говорили о подземном сообщении между Жизором и Андели, точнее, Шато-Гайяром. В этом пункте я не был согласен, поскольку известно, что Шато-Гайяр построил Ричард Львиное Сердце, чтобы восполнить потерю Жизора. Но я готов был поверить в подземные залы под церковью Безю-Сент-Элуа и таинственную символику прекрасного креста в Нефле. И мне понравился рассказ о Мортемере.

Об этом цистерцианском аббатстве, разрушенном во времена Французской революции и теперь частично восстановленном, где Генрих I Английский умер от несварения желудка (вот такие изыски нормандской гастрономии), ходили странные легенды. Иногда вечерами там слышали необъяснимый шум. Во время Первой мировой войны один английский шофер встретил там призрак монаха и детально описал его кюре из Лион-ля-Форе, который распознал по рассказу костюм цистерцианца XII века. Кроме того, дама Бланш часто в безлунные ночи приходила поплакать под окна замка, и нередко можно было встретить там молчаливую вереницу призрачных монахов, перебитых в эпоху Революции, идущих по направлению к церкви. Наступала ночь, и тогда мы начинали вместо подземлий рассказывать друг другу страшные истории про привидения. Да, вот бы у нас было больше времени, мы вполне могли бы найти хоть какую-нибудь вещицу, может, клад или обрывки ценного документа.

Отчасти такой энтузиазм объясняется тем, что отец Мари-Бернар, который искренне забавлялся, слушая наши глупости, можно сказать, подлил масла в огонь, приготовив для нас великолепный грог (смесь воды, сахара и рома, который горел в стакане). Ясно, этот напиток только распялял наше воображение. Местные молодые люди из нашей компании пересказывали то, что они слышали на подобных вечеринках в кругу семьи или друзей. Мысль о тайном подземелье, спрятанных — и проклятых, поскольку их стерегли злые силы, — кладах, документах, способных сотрясти весь мир, стали для нас реальностью. *И все это происходило в 1948 году*, то есть за двенадцать лет до того, как публикация одной книги, внешне серьезной, но на деле такой же нелепой, как и наши беседы в Пюшей, не привлекла внимание читающей аудитории о загадке золота тамплиеров из Жизора. Речь шла о кладе, спрятанном в Жизоре и подземельях всего Вексена.

Так, этот край, который некогда будоражил мое воображение, край, о котором я в основном знал только по книгам, стал

мне близким и родным. Это пребывание в Пюшей помогло мне увидеть в Жизоре не только одно из звеньев нормандской оборонительной системы против французских королей, но также своего рода загадочный полюс, средоточие тайн. Я посетил Мортемер со своими друзьями. Там мы попытались вызвать местных призраков. По правде, мы просто забавлялись. Но на обратном пути грузовик, в который мы набились, вышел из строя. Совпадение? Я побывал и в Безю-ла-Форе. Меня все больше начинала интересовать этимология, и это странное название привлекло мое внимание: оно было явно кельтского происхождения, но означало ли оно просто «березы», «могилы» (что более правдоподобно), или оно образовалось от сокращения древнего *albodunum*, иначе говоря, «белой крепости», и почему в краю Од, точнее, в Разе, неподалеку от Ренн-ле-Шато, есть еще один Безю, где в свое время обосновались тамплиеры — при довольно смутных обстоятельствах?

Это название — Безю — заинтриговало меня еще сильнее, когда я услышал о существовании Безю-Сент-Элуа, совсем рядом с Жизором; также я узнал, что слово «Безю» входит в название другого прихода в Нижней Нормандии, милой деревеньки Безанкур. Все мы тут же отправились в это местечко, на том же самом грузовичке, чтобы присутствовать на празднике Св. Христофора, покровителя прихода. По случаю этого праздника устраивали торжественную мессу, процессию и традиционное благословение средств передвижения. Было общеизвестно, что кюре Безанкура открыто сожительствовал со своей служанкой и имел от нее ребенка, которого очень любил. Архиепископ Руанский было захотел перевести в другое место этого малоцепетильного служителя Церкви, но прихожане, которые питали привязанность к своему кюре, резко воспротивились этому решению. В конце концов, даже папа Климент V, один из главных действующих лиц дела тамплиеров, в свое время беззастенчиво тратил церковную казну — то есть деньги, формально принадлежавшие верующим, — чтобы оплатить расходы своей любовницы, прекрасной графини Маршской.

Но тогда никто и слова не осмелился бы об этом молвить. В нашем же случае все все знали, и прихожане были не единственными, кто помогал — зная истинную причину — этой необычной семье. В то время я еще не слышал об аббате Беранже Соньере, ни даже о кюре Юруфля, который всколыхнул общественное мнение в 50-е годы зверским убийством своей беременной любовницы. В любом случае, кюре Безанкура не находил клад в одной из алтарных опор своей церкви, как Соньер. Он жил очень скромно. Это был симпатичный и открытый человек, а его «служанка» отличалась добрым и отзывчивым нравом. Я не знаю, что стало с этим священником, но мне говорили, что св. Христофор никогда не существовал и речь идет о благочестивой легенде. Он якобы творил чудеса вместе со св. Георгием, который также не существовал на самом деле. Определенно я могу сказать про эту поездку в Безанкур только одно: 25 июля 1948 года мы пели в хоре от чистого сердца во время торжественной мессы, а затем в полном составе присутствовали на традиционной церемонии благословения.

В этой церемонии, которую нынешняя Церковь считает недостойным пережитком прошлого суеверия, на самом деле есть что-то очень трогательное и достойное. По правде сказать, Римская церковь не совсем еще от нее отказалась. И если я иронизировал по поводу св. Христофора, который не существовал на самом деле и, однако, совершал чудеса, то потому, что знаю — надо уметь видеть дальше официальных версий, распространяемых персонажами, приобретшими себе право считаться непогрешимыми, право, на которое никогда не претендовали первые апостолы.

Итак, 25 июля 1948 года, когда в лучах полуденного солнца мы возвращались в Пюшей, плато Вексена сверкало всеми своими яркими красками. Поднялся ветер и качал колосья, издавдала похожие на волны. Я был влюблен в этот край. Мне нравился ветер, приносящий запахи моря. Мне нравились дороги, пересекавшиеся посреди полей; я представлял себе, как по ним брели путешественники прошлого, пешком, к закату;

унося с собой свои горести и радости, останавливаясь на каждом перекрестке, чтобы поклониться кресту или статуе св. Христофора, там, где некогда наши галльские предки почитали своих двуликих богов, оберегавших их во время далеких странствий. Я уже знал, что орден тамплиеров был основан как раз для того — по крайней мере, официально, — чтобы охранять дороги, по которым паломники шли в Иерусалим, а затем стал контролировать крупные торговые маршруты в Западной Европе. Но в то время тамплиеры меня мало интересовали. Вечером мы снова погрузились в свои восторженные фантазии: кому будет суждено найти сокровища, погребенные в городе Жизоре, Безю-Сент-Элуа, Нефле или даже в Мортемере. Я отчетливо помню эти недолгие часы, проведенные с друзьями: они были одними из самых счастливых во всей моей жизни.

Впоследствии я часто возвращался в Жизор, в долину Эпты и на плато Вексена. И каждый раз испытывал то же восторженное чувство, ту же глубокую ностальгию, то же яростное желание проникнуть глубже в тайну, окутывающую этот край.

Больше, чем всегда, эта земля казалась мне кельтской, насыщенной необъяснимой атмосферой, которая восходила к безвременной ночи, когда все цивилизации были смешаны и только начинали зарождаться в великом ореоле тайны. В Вексене жило галльское племя велиокассов, которое во времена римского завоевания входило в Великую Белгику, как и все земли к северу от Сены. Но велиокасссы тоже были пришельцами в этом краю, уже обжитом предшествующими им народами. Проходной регион, последний обломок великой равнины Северной Европы, где встречались дороги, связывавшие Северное море с атлантическим побережьем. Край-перекресток, продуваемый ветрами со всех сторон света, где, как своего рода позвоночник, римская дорога (то есть подновленная галльская) иногда просматривается под национальной дорогой № 14. Историческое место, где сначала сражались франки и викинги, а затем французские короли и их вассалы, англо-нормандские монархи. Посреди этого края, в 911 году разделенном на две

части по договору в Сен-Клер-сюр-Эпт, подобно маяку сверкает крепость Жизора, как магнит притягивающая всех, кого она выхватывает лучом света...

Я проникал в этот заповедный регион по трем маршрутам: через Шомон-ан-Вексен и Три-Шато, где все напоминает о французских крепостях, охранявших подступы к Жизору; через Маньи-ан-Вексен после краткой остановки в музее Гири-ан-Вексен, свидетельствующем о древней истории этой земли; по маленьким тропинкам, пересекающим французский Вексен, проходящим по этим очаровательным долинам, словно изолированным от остального мира.

В Три-Шато я всегда исполнял своего рода обет паломника, посещая знаменитую крытую аллею, которая располагается немного в стороне; там до сих пор ощущается магнетическая мощь, присущая любой сакральной постройке. Эта крытая аллея прекрасно сохранилась. В ней есть одна примечательная деталь: в опоре, преграждающей вход, пробита круглая дыра. Конечно, во многих крытых аллеях парижского региона есть такая же отличительная особенность. Так, похожие предметы можно увидеть в понтуазском музее, во рвах музея национальных древностей в Сен-Жермен-ан-Ле. Но в Три-Шато монумент находится на своем родном месте и производит более волнующее впечатление. Мне говорили, что по некоторым дням здесь и поныне проходят тайные церемонии, странные ритуалы посвящения. Если верить моим информаторам, участники этих церемоний как-то связаны — или, по крайней мере, утверждают это — с тамплиерами.

По правде сказать, я с трудом сдерживаю улыбку. Посвящение во что? Ритуалы, зародившиеся в чьем воображении? Синкретизм губительно сказался на завершающемся, точнее сказать, загнивающим XX веке, где верования и ценности смешались настолько, что никто не может их различить. Мы ничего не знаем о секретном ритуале тамплиеров по той простой причине, что он был и остается секретным. Мы не знаем ничего или почти ничего о религии строителей мегалитов, потому что

никакой *гитаемый* документ не дошел до нас от этих времен, что восходят к третьему и второму тысячелетию до нашей эры. По крайней мере...

Некоторые археологи называют отверстие в опоре крытой аллеи в Три-Шато «дырой души». Оно, *возможно*, указывает на веру в то, что душа умершего и погребенного в крытой аллее по истечении какого-то времени покидает тело и устремляется в мир иной. Исследователи уже не раз замечали, что во многих черепках, найденных в мегалитических монументах, есть дыра, вероятно возникшая в результате трепанации. Была ли это операция по излечению раненого или ритуальная трепанация, произведенная над покойным с религиозной целью, чтобы позволить душе вырваться наружу из черепной коробки? Мы не можем дать точного ответа. Однако известно, что в обвинительном списке, предъявленном тамплиерам, присутствует поклонение идолу в форме головы, знаменитому бафомету, который кажется скорее мифическим, нежели реальным. Совпадение? Крытая аллея в Три-Шато по-прежнему надежно хранит свои тайны.

Попадая в Маньи-ан-Вексен, я не устаю восхищаться старыми домами, этими почтовыми станциями, где в прошлом останавливались дилижансы. Сегодня они погружены в летнюю дремоту, отгородившись от шумного мира моторов. Для меня приезд в это место сродни возврату к прошлому, которое постепенно открывается перед тобой, словно ты перелистываешь страницы книги, которую еще никто не читал. Дальше мой путь лежит через Сен-Клер-сюр-Эпт: клирос романской церкви напоминает мне о временах Роллана и Карла Простого, которыми я грезил с моего детства. Сен-Клер-сюр-Эпт — это примечательное место, где все еще ощущается присутствие тех, кто подписал договор, оказавший судьбоносное воздействие на историю Западной Европы: едва покидаешь эту деревню, как оказываешься посреди заводов, построенных на берегах Эпты, в местечке Бордо-Сен-Клер, возле перехода через заброшенную железную дорогу. Это там начинается Нормандия. И с холма

над окрестностями господствует крепость Шато-сюр-Клер, точнее, то, что от нее осталось: укрепления и донжон медленно разрушаются в зарослях буйной растительности, а некоторые части древнего здания уже используют на нужды сельского хозяйства. Очень жаль, что забвению предан замок, который ранее был одним из самых красивых во всей Нормандии и занимал важное место в нормандской оборонительной системе, проходившей по Эпте.

Но самый любимый мой маршрут пролегал через Брай-Лю. Оставив позади миазмы парижских предместий, я пускался в путь по извилистым дорогам, петлявшим среди пригорков и цветущих долин. В полях, засеянных злаками, то и дело мелькали цветы мака, поскольку в ту эпоху не практиковали селективные гербициды. Вдоль дорог цвели маргаритки, которые еще не успели выполоть рабочие. Я входил в пределы Нормандии под прохладной сенью фруктовых садов и огородов.

Но я недолго шел по долине. Быстро поднявшись вверх по руслу Эпты до Авени, я взбирался по склону на плато и двигался по нему в направлении Даммениля. Немного в стороне от моего пути, в глуби лесосеки, можно увидеть еще одну крытую аллею, правда, не такую внушительную и хорошо сохранившуюся, как в Три-Шато. Тем не менее эта аллея остается красноречивым свидетельством мистицизма темных веков предыстории. Что поражает в этом месте, так это гравюра, изображающая две женские груди, и круг в несколько рядов. Ничего оригинального здесь нет: такие памятники старины можно найти в других мегалитах области и внутри неолитических пещер долины Пти-Морен, особенно в Куазаре. Этот переходный жанр от фигуративного к символическому изображению вообще характерен для дольменического искусства и близок к гравюрам на подножии многочисленных монументов в Морбиане. Скульптурное изображение частей женского тела явно перекликается со знаменитым идолом из Пьерр-Плат в Локмариаке, с длинноволосой богиней и кругами, неоднократно встречающимися на холмах острова Гаврины. В них, несомненно,

надо видеть божеств загробного мира — поскольку дольмены и крытые аллеи выполняли функции захоронений — и также, исходя из контекста и распространения декоративных элементов, напоминающих о море и растительности, богов жизни. Это предполагает наличие уже оформившейся метафизической мысли: жизнь и смерть — суть два аспекта одной и той же реальности.

Как бы то ни было, символы всегда что-то обозначают. Круг — знак могущества, а груди — изобилия. Вероятно, это послание можно означает триумф жизни. В этих условиях к чему задавать другие вопросы? Крытая аллея в Авени говорит сама за себя: достаточно некоторое время постоять, повернувшись спиной к камню, как начинаешь чувствовать — все возможно; мощная энергия словно исходит от земли в этом месте, подобно молнии вырываясь через кроны деревьев к небу. Я глубоко убежден, что мегалиты Три-Шато и Авени являются ключами, необходимыми для того, чтобы открыть настоящие двери Жизора, которые ведут за пределы этого мира. Ведь прямые дороги приводят только к бестолковой суете.

Бывало, я часами бродил вокруг крытой аллеи в Авени. В то время лишь немногие посетители, высмотрев этот монумент в своем туристическом путеводителе, отправлялись посмотреть, что же на самом деле он собой представляет. Как правило, они быстро уезжали, прибавив к своим сувенирам кусочек камня. Но случалось, что некоторые из них задерживались, исследовали камни, фотографировали их, впитывая окружающую атмосферу. Когда же я ощущал потребность «подзарядиться», набраться новых жизненных сил, то возвращался по тропинке, петлявшей меж деревьев.

Чем чаще я возвращался в долину, тем ближе становилась мне романтика этого заброшенного места: уверен, что долина Эпты вот уже по меньшей мере столетие прекратила принадлежать этому миру — она стала забытой долиной. Такое впечатление, что там можно было заснуть простым весенним вечером под кустом цветущей сирени и проснуться только в конце

времен, когда яблони на острове Авалон будут плодоносить круглый год. На старом мосту веет прохладой от воды. Клод Моне долгое время жил в долине Эпты, в Живерни, где все еще можно увидеть его дом и сады, неподалеку от того места, где Эпта впадает в Сену. Импрессионизм, символизм, стиль «конца века», зов Рэмбо, пытавшегося разбудить фей, спящих в глициниях, растущих в домах, истрепанных ветрами прошлого: все в этом месте готово для того, чтобы шагнуть навстречу восходящему солнцу, когда божественный свет золотыми нитями протянется к земле.

От Авени я поднимался вверх по течению Эпты. Маленькая тропинка, отчасти повторявшая очертания крупной дорожной магистрали, шла вдоль берега. Параллельно нее тянулась железная дорога из Вернона в Жизор. Полотно этой дороги было настолько ветхим, что я всегда начинал думать о сценарии из сайн-фикш, в котором поезд идет по заброшенной ветке и исчезает в мраке потустороннего мира. Действительно, было в ней что-то ирреальное. Можно ли быть уверенным, что в домах в хуторе Бертенонвиль живут человеческие существа? Вокруг этой тропинки и железной дороги все настолько спокойно и тихо, что невольно задаешься этим вопросом. Нельзя избавиться от таких же подозрений и в отношении деревни Шато-сюр-Эпт, тем более что кажется, будто призрачные развалины древнего замка насмеются над путешественником и указывают ему неправильную дорогу, на которой ему суждено потеряться. В то время я еще не знал — и не так уж это было для меня важно, — что замок этот построил английский король Вильгельм Рыжий в конце IX века и долгое время она называлась Шато-Неф, тогда как группа домов на склоне холма носила имя Фюсельмон. Для меня эта твердыня была одним из тех бесчисленных замков, которые встречаются в романах артуровского цикла, одним из замков, где отважного рыцаря поджидали невиданные испытания. Проведя всю ночь в борьбе с порождениями зла, этот рыцарь утром обнаружил, что замок пуст, двор его порос сорняками, а строения обратились в руины,

словно целые столетия сюда не ступала нога человека. Уж не в таком ли замке Персеваль присутствовал при сцене торжественного выноса Грааля: он ничего не понял, но постеснялся спросить о нем у хромого короля, пригласившего рыцаря разделить с ним ужин?

Атмосфера полностью изменяется при приближении к Бордо-Сен-Клер. Дорога, ведущая из Парижа в Руан, буквально кишит автомобилями и тем самым безжалостно развеивает мечту, навеянную тишиной долины. Однако заводы, находящиеся поблизости, имеют одну общую с долиной черту: они также заброшены и зарастают зеленью. Именно благодаря этим заводам железная дорога все еще существует, подобно драгоценному артефакту. Признаюсь, я не могу удержаться от ностальгических воспоминаний, когда думаю о Бордо-Сен-Клер; память об одном весеннем вечере 1971 года только усиливает это общее чувство. Когда пересекаешь Эпту, словно переходишь границу того, что кельты называли иным миром, миром, населенным странными существами, которые как две капли воды похожи на людей, но буквально растворяются в дымке, когда думаешь, что уже схватил их. Какое послание мне несла женщина, которая отзывалась на имя, ей не принадлежавшие, и, прежде всего, кем она была? Существом из плоти и крови или одной из тех фантазий, что неустанно преследовали меня с самого детства. Не знаю. Быть может, то был символ чар Вексена, этого края, куда меня влекло, эдакой свечой, где мне, как мотыльку, грозила опасность опалить крылья...

Вернувшись в долину, я поднимался к Дангю, более крупному поселку, где возвышалась романская церковь, значительно перестроенная в XVI веке. Рядом находился нормандский дом с фахверковыми стенами, характерными для старых построек этого региона. Дангю, раскинувшийся между берегом Эпты и высшей точкой плато, занимает привилегированное положение, которое свидетельствует о его важном стратегическом значении. Сначала там на холме была возведена галльская крепость, затем в долине — римский лагерь. После договора

911 года это место стало передним краем нормандской обороны, ее крепостью, контролировавшей долину Эпты к югу от Жизора. Вокруг замка вырос город, который в XII веке спалил Роберт Чандос, не желавший, чтобы его захватил французский король Людовик VI Толстый. В конце этого столетия Дангю стал театром ожесточенных военных действий между англо-нормандцами и французами, которые поочередно занимали замок и, по-видимому, разоряли его дотла. В 1400 году старая цитадель была заброшена по приказу Жака де Бурбона, распорядившегося построить себе другой замок. В эпоху Второй империи он принадлежал графу де Лагранжу, тренировавшему там коней для Наполеона III. От этого здания, полностью разрушенного, остались только подвалы. Напротив, с 1908 года над поселком доминирует другой замок: речь идет о замке, некогда построенном по воле мадам де Помпадур в Монтрету и перевезенном в Дангю вплоть до последнего камня.

Место войны и памяти, Дангю хранит свидетельства и той эпохи, когда друиды исповедовали свой культ посреди природы, вдали от любых строений, на *nemeton*, священной поляне в глубине леса. Их святилище было, без всякого сомнения, христианизировано и превратилось в собор Нотр-Дам дю Шен (*Chene* — дуб), возвышающийся в лесу, куда ведет простая тропинка, по которой непрерывно снуют паломники. Название говорит само за себя, и место это было очень посещаемым, как видно по внушительному числу приношений по обету. От друидического святилища — к христианскому паломничеству, тень матери-богини среди древних дубов все еще витает в этих краях, сохранившись, невзирая на перемены и катаклизмы, в верованиях и ритуалах на протяжении столетий.

По дороге в Жизор можно слегка отклониться и посетить Нефль-Сен-Мартен. На дороге к этому месту высится необычный крест. Издалека кажется, будто перед вами кельтский крест вроде тех, что до сих пор можно увидеть в Ирландии. На самом деле крест этот был воздвигнут в XIV веке: его присутствие в этом месте связано с существованием древнего святилища. Мы

находимся на плато, открытом всем ветрам. Крест господствует над однообразным пейзажем. Создается впечатление, будто он касается неба. Чуть дальше, в направлении Нефля, вырисовывается силуэт донжона, все, что осталось от важной крепости, предшествовавшей Жизору. Легенда гласит, будто эта твердыня была связана с жизорским донжоном через подземный ход; но точно известно лишь то, что нефльский замок служил резиденцией «Даме Бланш» — знаменитой королеве Бланке д'Эврё. Правда, все возможно в этом краю полутонув, куда влекло столько художников.

Я уже вспоминал Клода Моне в связи с нижней долиной Эпты. Но память о Пабло Пикассо все еще жива в хуторе под Жизором, где он жил некоторое время, и в верхней долине Эпты, в Эраньи, все еще можно увидеть дом Камиллы Писарро, черпавшей вдохновение для своего творчества в пейзажах этого региона. Эпта, поднимающаяся к Гурне, по-прежнему служит границей между Нормандией и Францией. Вся долина усеяна цветущими деревушками с грустноватыми на вид церквями. С другой стороны начинается Пикардия, к северу — область Брей, холмистая местность, покрытая выгонами. Остатки лесов все еще встречаются в этих краях, напоминая, что в свое время Лион-ле-Форе находился в центре самого прекрасного букового массива во Франции. Вообще, с трудом представляешь Вексен в те годы, когда дровосеки еще не выполнили свою задачу по систематической вырубке лесов. Сколько священных полей древних друидов могли бы открыться нашим глазам! По правде сказать, на месте старых святилищ, как правило, возникали христианские церкви и часовни. Сакральное не умирает. Оно изменяет форму. Только все тот же ветер по-прежнему веет над урожайными полями на плато. Архаическая богиня загробного мира просто стала называться по-иному с течением времени. Святые, пришедшие, как и в Бретани, из других земель, пробивали землю своими посохами пилигримов. Они открыли источники, к которым припало население, впоследствии угодившее под ярмо

захватчиков-пришельцев — галлов, римлян и их легионов, франков, викингов. И многих других!

Лишь те земли наиболее насыщены историей, что страдали больше других. Именно из-за этой истории и страданий они достойны интереса, именно поэтому привлекают внимание исследователей, побуждая их к воодушевленному поиску всего того, что не видно в первого взгляда, всего, что сокрыто под руинами. Ибо под разрушенными памятниками всегда что-то есть — и это не только мечта тех из нас, кто не способен удовольствоваться внешним фасадом истории.

Так я думал о Жизоре в тот день, когда впервые отважился подняться вверх по течению реки Эпты.

Глава II

ВЕЛИКИЙ ЧАС ДЛЯ ЖИЗОРА

На холме, где ныне возвышается Жизор, раньше находилась одна из тех крепостей-убежищ, которые служат характерным признаком кельтской цивилизации. Известно, что галльское общество было по преимуществу сельским; как правило, галлы жили на берегах рек или в долинах, на окраине леса. Городов в нашем понимании у кельтов практически не было. Скорее речь шла о временных крепостях-убежищах, где укрывалось в случае войны окрестное население. И только в I веке до н. э., незадолго до римского завоевания, некоторые из этих крепостей переросли в города-рынки, вмещавшие немало народу. Там оседало на постоянное жительство все большее количество ремесленников, особенно кузнецов. Именно так дело обстояло в случае с Руаном или Ланом, Мон-Бевреем, древним Бибрактом, а также Герговией, столицей арвернов. Можно без труда представить себе Жизор во времена галлов: крепость на холме и жилища пахарей и пастухов по берегам реки Эпты. Само название Жизора, которое в древности звучало как Гизортиум, подтверждает нашу догадку: оно включает в себя известный кельтский топоним *git-* (его латинская форма звучит как *gitum*), в переводе означающий «брод». Скорее всего, полностью Гизортиум означает «выгон у брода». В любом случае, у подножия холма через брод проходила дорога — впоследствии ставшая римской, — которая вела из Бове и Лана к Руану.

Что известно доподлинно, так это, что римляне обосновались в Жизоре. Во время многочисленных раскопок и реставраций

церкви было найдено немало следов римского присутствия. Уже тогда Жизор был важным стратегическим пунктом: конечно, он находился в стороне от Сены, но зато позволял контролировать окрестности, поросшие густыми лесами и населенные племенами, которым римляне не вполне доверяли. Именно в это время под холмом, в излучине Эпты, представляющей своего рода природную защиту, и возник город как таковой.

В эпоху правления династии Меровингов город существенно увеличился в размерах. Мы знаем, что в силу акта дарения короля Хлотаря II большая часть территории Жизора подчинялась капитулу кафедрального собора в Руане. От этого периода до нас дошло несколько важных находок: особенно много свидетельств той поры было найдено на кладбище, которое находилось к северу от церкви, под нынешней улицей дез Эпузе. Случайного открытия этого кладбища в 1947 году во время восстановительных работ и расчистки завалов после бомбардировок военных лет, а также обнаружения древнего подземного хода из замка в церковь было более чем достаточно для того, чтобы подогреть интерес к проблеме. Плюс еще и наличие саркофагов. От этого до слухов о сокровищах, погребенных в подземельях Жизора, — один шаг. И он был сделан. Уже во время моей поездки в 1948 году мне довелось услышать немало историй о подземных кладах Вексена.

В каролингскую эпоху Жизор, кажется, играл немаловажную роль в политической жизни, средоточием которой был Лан, и жизни религиозной — а ее центром являлся Руан. Значение Жизора, который занимал ключевую позицию на пути из Лана в Руан и, без сомнения, на стыке дороги, ведущей из Парижа в Шомон и затем поворачивающей на Руан, не могло не возрасти со временем, особенно в эпоху нашествий викингов. Известно, что норманны были прекрасными моряками и предпочитали вторгаться на земли противника через реки: именно так они появились на Руси. Можно предположить, что — хотя этому и нет точного подтверждения — норманны, обосновавшиеся в нижнем течении Сены, добирались до долины Эпты.

Но действительно важное место на политической арене Жизор занял после договора на Сен-Клэр-сюр-Эпт, заключенного в 911 году, и судьбоносного события, произошедшего в 1066 года, — завоевания Англии герцогом Нормандии Вильгельмом после победы при Гастингсе — сражения, полностью изменившего соотношение сил на континенте и впоследствии приведшего к Столетней войне.

Чтобы понять подлинную значимость Жизора и проникнуть сквозь покров тайны, окутывающий его крепость, будет нелишним изучить его историю, начиная с прихода скандинавских захватчиков.

Известно, что набеги викингов на континент затронули три сектора: Бретань, близ устья Луары, Фрисландию, то есть будущие Нидерланды, и Нейстрию (западную Францию) возле устья Сены. Нас будет интересовать последний сектор.

В 820 году тринадцать ладей из Скандинавии впервые проникли в Сену. Восемь викингов погибли в битве с береговой охраной, которая частично состояла из бретонцев. Не забудем, что левый берег устья Сены был церковным анклавом, подчинявшимся юрисдикции епископства — аббатства Дольде-Бретань.

Но 12 мая 841 года огромная флотилия под предводительством Асгайра вошла устье Сены. 14 мая Асгайр захватил Руан. 24 мая он сжег монастырь Жумьез, в свое время основанный ирландцами. Через день он получил откуп от аббатства Сен-Вандрий, который тогда еще назывался Фонтенель. Затем, в 845 году, вождь Рагнар в свою очередь вторгся в пределы франкского королевства с двадцатью ладьями и примерно шестью тысячами воинов. Он поднялся вверх по Сене и накануне Пасхи появился под стенами Парижа. Король Карл Лысый заплатил ему выкуп в шесть тысяч ливров, чтобы сохранить город от разграбления. Но на обратном пути Рагнар опустошил долину Сены.

Асгайр вернулся в 851 году и 9 января 852 года сжег и разграбил монастырь Сен-Вандрий, а затем обосновался в Руане.

Оттуда он устраивал набеги на Вексен и Бовези, а чтобы избежать мщения франков, зазимовал на укрепленном по его приказу острове Жефосс, между Верноном и Бонньером, практически у самого слияния с Эптой. Вскоре викинги предприняли новый поход под предводительством Сигтрюгга и Годфрида. Карл Лысый напал на них, но так и не смог вытеснить противников с острова Жефосс. В 853 году король решил договориться с Годфридом, который получил откуп и ушел восвояси. Но Сигтрюгг не принимал участия в соглашении и продолжал планомерно опустошать область. В 857 году Карл Лысый сразился с норманнами, которые нанесли ему полное поражение. 3 апреля 858 года, в день Пасхи, Париж пал под натиском людей с севера. Карл Лысый еще раз попытался напасть на остров Жефосс, но поход не увенчался успехом. Тогда король решил изменить тактику: он договорился с другим викингским вождем, Веландом, и поручил ему изгнать банды скандинавов с земель в нижнем течении Сены.

С двумя сотнями ладей Веланд блокировал Жефосс. Осажденные, у которых закончилась продовольствие, заплатили ему выкуп и покинули эту территорию вместе со своими победителями. Но поскольку контракт, который Веланд заключил с Карлом Лысым, истек, Веланд развернулся и со своими недавними противниками снова начал опустошать франкские земли. Зимой 861–862 годов он провел в Мелене, с другой стороны от Парижа, в то время как франки спешно сооружали укрепленный мост в Пон-де-л'Арш.

Впрочем, эти меры предосторожности не помешали скандинавской флотилии подняться вверх по Сене и в 885 году осадить Париж. Новый король Карл Толстый был вынужден заплатить большой выкуп, и удовлетворенные захватчики уплыли обратно. Но не все викинги потупили таким же образом. Немало их осело на Сене, прежде всего в Руане. Во главе их стоял храбрый и упрямый вождь по имени Хрольф, которого мы привыкли называть Роллоном: между 887 и 911 годами он сумел добиться того, чтобы все викинги Нижней Сены признали

его своим предводителем. Он нисколько не боялся франков и продолжал устраивать на них набеги. Но времена менялись: франки пришли в себя и собрались с силами. Именно в этот период оформляется новая иерархическая система — она приведет к возникновению феодализма — в рамках которой король только царствует, а герцоги и графы управляют вверенными им надзору землями.

Эта новая система претворялась на практике как раз то время, когда Хрольф покинул свой плацдарм в Нормандии и осадил город Шартр. Франкская армия под предводительством Роберта Нейстрийского, Ричарда Бургундского и Эбля Пуатевинского встретила викингов под стенами осажденного города. Говорят, что в битве полегло не меньше шести тысяч скандинавов, что нам кажется слишком завышенной цифрой. Как бы то ни было, Хрольф был вынужден снять осаду и отступить к низовьям Сены; но совершенно не собирался уплыть из Галлии. Напротив, он, кажется, намеревался увеличить число укрепленных лагерей на излучинах Сены.

Именно тогда в дело вмешался молодой король Карл III Простой. Он не принимал участия в сражении, но умело воспользовался победой магнатов (которая, вероятно, не имела бы никакого ощутимого продолжения), чтобы найти политическое решение и окончательно устранить угрозу со стороны викингов. Его соображения основывались на неопровержимой логике: Хрольф был разбит, но не побежден. Вождь викингов крепко держал бразды правления над Руаном и всей областью, поэтому нужно было официально признать за ним титул графа Руанского, добившись, чтобы взамен он принял христианство, вошел в состав франкского королевства и защищал земли, ставшие его собственностью, от любых вторжений скандинавов. Римляне придерживались той же самой политики в отношении с некоторыми бриттскими народами на севере Британии, чтобы ослабить угрозу со стороны пиктов Шотландии.

Так был заключен договор на Сен-Клэр-сюр-Эпт. Король принял оммаж и клятву верности от крестившегося Хрольфа-

Роллона (он получил новое имя Роберт), назначив его графом Руанским и пожаловав ему несколько пагов вокруг Руана: владения Хрольфа простирались до реки Эпты к северу от Сены, рек Ер и Авр на юге, что соответствует современному округу Верхней Нормандии. Под властью франков осталось маленькое графство Иври (Иври-ла-Батай) и восточная часть округа Вексен (*pagus Velcassini*), которая позднее стала французским Вексеном, в отличие от нормандского Вексена. Впоследствии Хрольф присоединил к жалованным ему владениям земли, которые соответствуют департаментам Орн и Кальвадос, а его наследники — Контантен (отнятый у бретонцев) и Пассе (область Домфрон). Так родилась Нормандия.

Договор в Сен-Клэр-сюр-Эпт был выгоден всем заинтересованным сторонам: титул графа Руанского означал, что Хрольф становится единственным законным правителем среди викингов; он также представлял власть короля в своей области. Но, кроме того, он был законным «франкским» графом по отношению к галло-франкскому населению своих земель. Король не мог больше напрямую договариваться с викингами или галло-франками новых уступленных Хрольфу территорий: его единственным партнером был граф Руанский, который волен был править в своих владениях по-своему усмотрению.

Известно, что было дальше. Нормандия, в то время являвшаяся малонаселенным регионом, была вдобавок опустошена во время набегов викингов. Юг и восток области были покрыты густыми лесами. Берега Сены, процветавшие во времена галло-римлян, почти обезлюдели. Именно там (а также в Ко и на канской равнине) стали в массовом порядке оседать викинги. Позднее норвежцы, приплывшие из Ирландии, поселились на севере Контантена: лингвистическая граница, очерчивающая зоны скандинавского влияния — ее можно установить по топонимическим данным, — шла от Гранвиля к Жизору через Аржентан и Конш. К югу от этой границы заселение земель викингами имело лишь спорадический характер. Постепенно «люди Севера», ставшие христианами, смешались с галло-франками

и перешли со скандинавского наречия на романский язык, правда, привнеся в него немало своих слов и особенностей.

Конечно, франкам и викингам удалось нелегко достичь согласия. В 925 году Хрольф начал войну с франкской аристократией: этот «наихристианнейший» граф Руанский нисколько не колебался, когда настало время бороться против франкского короля, призвать себе на помощь язычников датчан. Более того, викинги, осевшие на Луаре, совершали набег за набегом и разграбили Бретань. Викингская угроза никуда не исчезла. Вот почему королю и франкским сеньорам в конце концов пришлось оставить почти весь север Нейстрии — область между Сеной и Луарой — руанским норманнам, взамен чего они должны были отвоевать территории, занятые луарскими норманнами, а также бретонцами. Именно этим временем датируется знаменитый спор о Бретани, которая никогда не была фьефом франкской короны: несмотря на это обстоятельство, каролингские государи пожаловали ее в арьер-фьеф норманнам, причем тем еще предстояло ее захватить — что в итоге руанцам так и не удалось.

Но эта политика существенно увеличила могущество и престиж графов Руанских, которые чуть позже стали герцогами Нормандскими. Конечно, эти графы Руана были готовы признать авторитет Церкви и короля, а также вместе со своими вассалами стать частью аристократии королевства — результат несомненного политического успеха, который не мог не сказаться на будущем объединении Франции. Но одновременно графы Руанские, сознавая свою силу, стремились вести свою собственную игру и долго поступали так, как им было угодно. Реальность, которая стала еще более заметной после того, как они взошли на английский престол, к несчастью для королей из династии Капетингов, которые с тех пор были вынуждены иметь дело со своими вассалами за Нормандию, фактически вдвое более могущественными.

Именно в этом точно определенном контексте и нужно рассматривать Жизор и роль, которую он играл на протяжении

свыше трех веков, до того момента, как французский король Филипп-Август присоединил Нормандию к королевским владениям. Через Жизор, находившийся на полпути между Парижем и Руаном, то есть двумя столицами королевства, пролегла дорога, ведущая по направлению к епископствам Пикардии, Валуа и Шампани, чьи иерархи привыкли смещать королей и возводить на престол новых. Жизор все время переходил от французов к нормандцам и обратно и всегда был предметом неустанного торга и борьбы, что не мешало французским и английским королям встречаться под его стенами и пытаться положить конец этим войнам.

Возле Жизора рос старый вяз, чей ствол был укреплен железными клиньями — как утверждают хронисты тех времен. Он высился посреди поля (на этом месте сейчас находится вокзал), на правом берегу Эпты, на французской стороне. Этот вяз был гордостью горожан, которые любили сравнивать его с другим знаменитым вязом, росшим в Париже перед церковью Сен-Жерве-Сен-Проте. По поводу этого могучего дерева ходило немало слухов и легенд, связывавших его с тамплиерами: причем стоит отметить, что вяз в Париже, перед Сен-Жерве-Сен-Проте, рос рядом с владениями ордена Храма, а приходская церковь Жизора носит то же самое имя — Сен-Жерве-Сен-Проте. Совпадение? Единственное, что можно утверждать наверняка, — жизорский вяз был особым символом: в его прохладной тени не раз встречались французские и английские короли. Шарль Нодье не мог сдержать эмоций, когда говорил о нем: «Его листва служила шатром для королей и балдахином для исповедников и понтификов. Каликст и Иннокентий забывали под его сенью о своих заботах и помпезности Рима. Св. Бернард мечтал там в одиночестве. Св. Фома Кентерберийский готовился там принять мученический конец. Вильгельм, архиепископ Тирский, проповедовал там крестовый поход; и его красноречие убедило Филиппа-Августа и Филиппа Фландрского начать войну за веру Христову». Нужно ли добавлять, что Вильгельм Тирский был первым, кто оставил нам сведения об основании

ордена тамплиеров, хотя сам он довольно прохладно относился к военным орденам, особенно к тамплиерам.

Как бы то ни было, в 1031 году после смерти второго капетингского короля Роберта II Благочестивого новая династия пошатнулась под тяжестью междоусобных конфликтов. Корона должна была достаться старшему из троих сыновей Роберта, Генриху I. Но вдова Роберта, Констанция Арльская, хотела видеть на троне своего младшего сына, Роберта, который впоследствии стал герцогом Бургундии. Она без колебаний призвала магнатов королевства восстать против их государя. Пораженный, оставшийся в одиночестве, Генрих укрылся в Фекампе, где попросил о помощи герцога Нормандского Роберта Великолепного, который не принимал участия в мятеже и охотно поддержал своего сюзерена в трудную минуту. Счастье изменило их противникам, и Генрих снова вернулся в Париж в качестве законного короля. Но, желая отблагодарить своего верного союзника, Генрих уступил ему французский Вексен. Таким образом, граница с Нормандией стала проходить по руслу Уазы, и на время Жизор был потерян для французской короны, утратив свое стратегическое значение.

Но король Филипп I отлично сознавал, какую опасность представляет такая близость Парижа к нормандской границе. Он завладел французским Вексеном, решив никому его не отдавать. Вильгельм Завоеватель потребовал у французского короля вернуть ему то, что он считал своими землями, но напрасно. Тогда Вильгельм двинулся на Париж. Капетингский король, столкнувшись с тяготами войны, был на грани поражения, когда король Англии и герцог Нормандии был ранен под Мантом и несколько дней спустя, 7 декабря 1087 года, скончался в Руане. Его наследник не стал требовать возвращения французского Вексена, и тот окончательно вошел в состав королевского домена. С этого момента Жизор вновь обретает свою стратегическую важность.

С французской стороны границы были построены грозные крепости Шомон и Три-Шато, которые не только защищали

дорогу в Париж, но и сами могли служить плацдармом для вторжения в Нормандию. С нормандской стороны Шато-сюр-Эпт утратила всякое значение, поскольку главная дорога отныне проходила через Жизор. Что касается замка Нефль-Сен-Мартен, то он хоть и был прекрасно укреплен, но находился в стороне от Эпты. Вот почему в 1097 году герцог-король Вильгельм Рыжий решил построить цитадель в самом Жизоре. План постройки был составлен архитектором Лефруа, и работы поручили нормандскому рыцарю Роберту де Беллему, который слыл опытным военачальником и обладал опытом инженера.

Сложно установить, что представлял собой первоначальный план замка, поскольку постройки, которые мы можем сегодня увидеть в Жизоре, по большей части датируются концом XII века. Кроме того, они неоднократно перестраивались в дальнейшем. Военная архитектура постоянно совершенствовалась, и в любой цитадели видны следы переделок, сносов и дополнений, отмечающих эту эволюцию. Например, в Монсегиуре замок в его нынешней форме был построен в конце XIII века войсками французского короля — спустя значительное время после знаменитой осады 1244 года: поэтому крайне сложно понять, как выглядел тот замок в начале XIII века, когда его переделывали по просьбе катаров. То же самое можно сказать и о Жизоре.

Вероятно, что сначала крепость была просто деревянным донжоном на холме, окруженном крепостной стеной. Затем, в правление Генриха I Боклерка и Генриха II Плантагенета, донжон выстроили в камне, дополнив и усовершенствовав оборонительную систему. И только в 1223 году, после стычки населения Жизора с замковым гарнизоном, цитадель окружили высокой крепостной стеной, которую мы можем видеть сегодня.

Говорят, что план жизорского замка был составлен с учетом необычных астрономических и *астрологических* законов. То же самое утверждают и о Монсегиуре, и если поискать хорошенько, можно найти немало подобных примеров в большинстве военных построек XII века. Замки строили те же люди, что возводили кафедральные соборы. У них были свои правила,

своя техника, свои секреты строительства — которые они передавали в рамках цехов и товариществ — и особенно общие взгляды: конечно, любой может сказать, что эти взгляды во многом были *эзотерическими*: факт есть факт, и нельзя отрицать секретные или мистические составляющие средневековой архитектуры под тем предлогом, что мы ее не понимаем. Впрочем, не стоит напрасно огорчаться по этому поводу, поскольку нет ничего постыдного в признании своего незнания. В любом случае, интерпретация средневековой архитектуры, будь то религиозная, гражданская или военная, относится — и еще долго будет относиться — к области догадок.

Нет сомнений, что жизорский замок построен по тщательно продуманному плану. Крепостная стена имеет форму многоугольника с двенадцатью сторонами. Этого достаточно, чтобы некоторые исследователи увидели в этом плане изображение двенадцати знаков зодиака. Но учитывая, что любое число обладает своим символическим значением, можно истолковать в эзотерическом смысле первое попавшееся на глаза здание или постройку. Но это не все: искали, кто был автором плана замка. И естественно, авторов тут же нашли: вроде бы ими были тамплиеры.

Считать так — значит забыть о том, что в 1097 году, когда начали строить цитадель Жизора, тамплиеров еще не существовало. Конечно, тамплиеры одно время жили в замке — *но всего три года*, в 1158–1161 годах. Таким образом, тамплиеры не имели отношения к строительству замка, и ничто не указывает, что они вели работы по укреплению крепости, которая им не принадлежала: ведь они только временно ее охраняли. Остается неопровержимый факт: тамплиеры привезли с Востока строителей и оказывали всевозможное покровительство цехам каменщиков и камнетесов. Собственно говоря, их можно назвать одними из самых ярких приверженцев готического стиля. Правда, они не числились среди изобретателей готического собора, но зато были активными сторонниками этого архитектурного направления — правда, скорее по политическим, а не религиозным, а уж тем более эзотерическим мотивам.

Но это другая история. Важно, что мы можем уверенно заявить, и археология подтверждает наше высказывание: у тамплиеров *никогда не было своего особого стиля*. Об этом много и сумбурно писали, но реальность проста: тамплиеры довольствовались — когда нужно было построить мирское, военное или религиозное здание — тем, что использовали архитектурный стиль и строительные методы, которые уже были хорошо известны в ту эпоху. Правда, иногда они знакомили с ними те страны, в которых о подобной технике и зданиях еще не знали.

Следует, однако, упомянуть о нескольких смущающих фактах. В 1108 году, когда Людовик VI Толстый стал королем Франции, он заключил соглашение с Генрихом Боклерком, королем Англии. По условиям этого договора охранять Жизор должен был некий рыцарь де Пейен или де Пейн. Но в 1109 году Генрих Боклерк отнял у него цитадель. Людовик VI незамедлительно объявил войну английскому государю, чтобы заставить его соблюдать соглашение. Генрих Боклерк ничего не желал слышать, поскольку для него было очень важно владеть Жизором. Война затянулась надолго, и в 1119 году Людовик VI был разбит под Бренневилем. Папа Римский Каликст II, приехавший во Францию по случаю Реймского собора, взял на себя обязанности посредника между двумя королями. Он прибыл в Жизор и обязал стороны подписать мирный договор, согласно которому наследник Генриха Боклерка, Вильгельм Аделин (позднее погибший во время кораблекрушения), должен был принести оммаж французскому королю за Нормандию. Но Жизор остался нормандским городом.

Это история. Теперь позволим себе несколько соображений. В 1119 году был основан орден тамплиеров, куда вошли девять рыцарей, прозванных «бедными рыцарями Христа». И инициатором возникновения ордена Храма, неоспоримым вождем нового воинства был Гуго де Пейен или Пейн. Мы не знаем имени рыцаря, которому в 1108 году поручили охранять Жизор, но в голову невольно закрадывается мысль: а не идет ли речь об одном и том же человеке?

В 1123 году горожане Жизора при поддержке нескольких нормандских баронов подняли бунт против коменданта замка, Роберта Чандоса. Комендант приказал запалить город, чтобы помешать мятежникам ворваться в цитадель. К несчастью, ветер раздул огонь, и большая часть города, в том числе и церковь, сгорела. После этих событий вокруг замка возвели знаменитую крепостную церковь и восстановили город, который не переставая развивался с этого момента. Дубильное производство, составлявшее основу процветания города, захирело, но на смену пришли другие ремесла. Кроме того, благодаря подъему благочестия было заложено множество монастырей. Изначально в пределах городских стен существовало только одно бенедиктинское приорство, подчинявшееся аббатству Мармутье; но теперь в Жизоре появились монастыри реколлетов, урсулинок и кармелитов, а за городской чертой — дом тринитариев и лепрозорий.

Смерть Генриха Боклерка предоставила французскому королю удобный случай потребовать обратно Жизор и Вексен. По правде сказать, ситуация была запутанной. Сын и наследник английского короля, герцог Вильгельм Аделин, утонул в 1120 году. Тогда внук Вильгельма Завоевателя, Стефан Блуаский, захватил английскую корону, но дочь Генриха Боклерка, императрица Матильда, вдова германского императора, сохранила за собой герцогство Нормандское. Матильда состояла во втором браке с графом Анжуйским, Жоффрау Плантагенетом, которого звали Красивым, и он считал себя герцогом Нормандии. Но нормандцы его ненавидели из-за тяжелых поборов, которые он взимал с герцогства. Поэтому по возвращении из крестового похода, в котором он участвовал вместе с королем Людовиком VII, Жоффрау отдал герцогство своему сыну от Матильды — Генриху Плантагенету. В 1151 году под пристальным взглядом Алиеноры Аквитанской, в то время еще французской королевы, Жоффрау Плантагенет заключил соглашение с королем Франции, и будущий Генрих II принес оммаж Людовику VII за герцогство Нормандское. Правда, оммаж дался Генриху легко;

в то время его уже интересовали две вещи — рука и сердце Алиеноры и ее герцогство Аквитанское и право, которое он унаследовал от своей матери, на английский престол.

В следующем, 1152 году церковный собор в Божанси аннулировал брак Людовика VII и Алиеноры, которая несколько недель спустя вышла замуж за Генриха Плантагенета, принеся ему в приданое почти половину современной Франции. А в 1154 году Генрих Плантагенет стал королем Англии.

Жизор оказался в центре не только борьбы между Людовиком VII и Генрихом II, но и в самом сердце интриг вокруг французского трона.

Дело в том, что у Капетинга не было наследника мужского пола. Его первая жена, Алиенора Аквитанская, родила ему лишь двух дочерей, Марию и Алису, вторая жена, Констанция Кастильская, — еще двух дочерей, Маргариту и Аделаиду. И только в 1165 году у Людовика VII родился сын от третьей жены, Адели Шампанской, — будущий Филипп-Август. Но в ожидании этого радостного события Алиенора не переставая плела интриги — ее мечтой было увидеть, как ее дети от Генриха Плантагенета взойдут на французский престол, — которые завершились серией брачных союзов: Маргарита была помолвлена со старшим сыном Плантагенета, Генрихом Молодым, а Аделаида — со вторым сыном, Ричардом Львиное Сердце. Кажется, что рано или поздно французский престол достанется Плантагенету. Переговоры о помолвке вел сам Фома Бекет, тогда канцлер Англии, и после долгих обсуждений, в которых участвовали английские и французские тамплиеры, в 1158 году было заключено соглашение. Но из-за уловок Алиеноры и Генриха II в дураках остался французский король.

Призом в игре была корона Франции. Но также и власть над Жизором, ключевым плацдармом, от которого зависело равновесие сил между двумя королевствами. Ведущими актерами в комедии стали Генрих Молодой, сын Алиеноры и Генриха Плантагенета, и Маргарита, дочь Людовика VII. Маргарита должна была принести своему нареченному в приданое

Жизор и Вексен. Но в 1158 году обоим обрученным едва исполнилось три года, поэтому до свадьбы было еще далеко. Тогда решили превратить Жизор в *нейтральную территорию*, в ожидании, пока дети не подрастут. Крепость передали внешне нейтральной стороне, которой в данном случае был орден тамплиеров. Выполнить эту задачу орден отрядил трех рыцарей: Роберта де Пиру, Тоста де Сент-Омера и Ричарда Гастингского. *Только три тамплиера — по крайней мере из тех, кто был рыцарем, — охраняли жизорский замок*, и всего лишь на протяжении трех лет. Понятно, что считать Жизор крепостью тамплиеров, своего рода святилищем ордена Храма, где якобы втайне оберегали сокровище или орденский архив, больше чем ошибка. Реальная история неумолимо диктует свои законы, и что поделатъ, если она разрушает фантастические теории отдельных писателей.

Итак, решительно отбросим всякие эзотерические легенды в сторону; но все же тамплиеры сыграли важную роль в этом деле, хоть это и не должно повлиять на наши выводы касательно глубоких и тайных движущих мотивов ордена тамплиеров. Не было бы загадки, связанной с именем тамплиеров, если бы орден не был замешан во множестве дел по причинам, которые не всегда легко установить.

Соглашение 1158 года предусматривало, что юные обрученные смогут вступить в брак только после достижения совершеннолетия, и для этого нужно испросить разрешения у понтифика. Итак, Церковь выступала гарантом договора. Пока же Вексен — по крайней мере, «нейтральный» Жизор — останется во власти короля Франции, за исключением нескольких фьефов, отданных английскому королю. Если Маргарита умерла бы до свадьбы, Вексен окончательно отошел бы к Людовику VII, кроме фьефов, уступленных Генриху II Плантагенету. Внешне все было просто и понятно.

В 1160 году соглашение было официально закреплено в договоре, составленном по всей форме. В нем уточнялось, что маленькая Маргарита принесет в приданое своему будущему

супругу крепости Жизор, Нефль и Нефшатель, а свадьбу сыграют через три года. Однако несколько месяцев спустя, в ноябре того же года, Алиенора и Генрих Плантагенет отпраздновали свадьбу между двумя королевскими отпрысками в Руане, с соблюдением всех формальностей и с разрешения церковных властей. Сразу после этого трое тамплиеров, которые охраняли Жизор, отдали ключи Генриху II, который не замедлил разместить там сильный гарнизон — и не напрасно, поскольку Людовик VII, чувствуя себя обманутым, приготовился начать войну против своего вассала английского короля.

Если верить легенде, король Франции приказал схватить трех охранявших Жизор тамплиеров в их резиденции в Эраньи, которая находилась неподалеку от города, и приказал их повесить на первом же дереве. В действительности судьба их сложилась иначе: Роберт де Пиру, Тост де Сент-Омер и Ричард Гастингский были изгнаны из Франции и нашли пристанище в государстве Генриха II, который, как пишут хронисты того времени, осыпал их милостями. И действительно, они заслуживали хорошей награды за то, что так близко приняли к сердцу интересы английского короля. «Экс-бедные» рыцари Христа, став рыцарями Иерусалимского Храма и банкирами короля Англии, может, и продолжали соблюдать обет бедности, но сам орден мог принимать дары — и принимал охотно. Для той эпохи это вовсе не было чем-то исключительным: цистерцианцы после периода нестяжательства вскоре разбогатели, братья нищенствующих орденов последовали их примеру столетием позже. Однако когда монашеский орден богат — особенно если речь идет об ордене рыцарей-монахов, — члены этого ордена, в теории ничем не владея, на практике ни в чем не нуждались. Из хроник и счетов первой половины XII века известно, что тамплиеры получали огромные суммы от двух претендентов на английскую корону, Стефана Блуаского и императрицы Матильды, матери Генриха II. Выступая в качестве посредников между двумя соперниками, тамплиеры, как говорят, «служили и нашим и вашим» и не спешили официально встать на чью

либо сторону до самой смерти Стефана. Почему бы и сыну Матильды не осыпать своими щедротами орден Храма, который уверенно чувствовал себя как Лондоне, так и в Париже? В любом случае, роль, сыгранная тамплиерами в деле с Жизором и браком королевских детей, далека от ясности.

Создается впечатление, будто тайные переговоры велись за спиной несчастного французского короля, дважды обманутого своей первой женой — сначала свадьбой с Плантагенетом, затем спешной женитьбой детей. Можно подумать, что лондонское командорство тамплиеров, находившееся в Сити и всецело преданное англо-нормандским королям, которые были главными «спонсорами» крестовых походов, просто договорилось с парижским Тамплем — главной резиденцией ордена в Западной Европе. Некоторые историки обвиняют тамплиеров в том, что они получили взятку за то, чтобы ускорить свадьбу и сдать Жизор Генриху Плантагенету. Но это далеко не единственная причина.

Часто забывают, что рыцари — а также и другие члены ордена — обязаны были слепо повиноваться великому магистру, который в свою очередь подчинялся *только* папе римскому. Если тамплиеры явно благоволили к королю Англии, то немислимо, чтобы они поступали так без приказа — или, по меньшей мере, без согласия — понтифика. Итак, искать объяснения нужно в Риме. К тому же разрешение на брак между двумя королевскими детьми мог дать только сам папа. Епископ Лизье, участвовавший в переговорах, оставил нам красноречивое свидетельство. Если верить этому служителю Церкви — который, как кажется, пишет искренне, — «никогда папские легаты не давали такого разрешения (на свадьбу), если не были принуждены к этому необходимостью или самыми благими последствиями такого шага».

Вот все и прояснилось. Хотя Францию традиционно именовали «старшей дочерью Церкви» (людям всегда нравились красивые слова), в 1160 году папство предпочло династию Плантагенетов, — отвергнув династию Капетингов, которая,

как тогда казалось, скоро пресечется. Более того — и это весомая причина — организация крестовых походов напрямую зависела от англо-нормандской знати, которая предоставляла большие субсидии и самые крупные отряды. В своей макиавеллистической политике, целью которой было господство над Европой и средиземноморским миром, папство поочередно использовало в своих интересах то одних, то других, а то и натравливало их друг на друга. Примеры такой политики не были редкостью: чтобы бороться с возрастающим влиянием кельтских христиан на британских островах, Рим буквально выдал бриттов англосаксам в VII веке, а ирландцев — Генриху II Плантагенету в XII веке. Самое меньшее, что можно сказать по этому поводу, то, что ирландцы, слывшие самими ярыми «папистами» среди католиков, явно никогда не были злопамятными. И то правда, что намерения Господа непостижимы, особенно если люди присваивают себе право говорить от его имени.

Итак, в этом-то и заключалась вся важность роли тамплиеров на политической сцене того времени. Орден, основанный, чтобы защищать паломников, посетивших Святую Землю, в 1160 году стал огромной разветвленной организацией, пустившей корни повсюду. От Святой Земли до Испании, где братья-рыцари приняли деятельное участие в Реконкисте, и по всей Европе, в том числе и Ирландии; орден создал сложную систему резиденций, командорств и хозяйств, стратегических пунктов вдоль крупных дорог и храмов. В 1160 году, получая бесчисленные дары, пользуясь покровительством высших сановников Церкви, восхваляемые Бернардом Клервоским — который был настоящим лидером христианского мира в первой половине века, — бывшие «бедные рыцари Христа» были на вершине своего могущества. Они стали грозной силой, опиравшейся на действенную иерархию, для которой не существовало границ и препятствий. То была сила *международного* порядка, состоявшая, повторимся, на службе папы римского.

Незаменимый, когда требовалось обеспечить подготовку к крестовому походу, переправить денежные средства из Европы

в Палестину, распорядиться королевской или княжеской казной, дать займы (в то время, как в ту эпоху ростовщичество было запрещено), наладить контакты между отдельными народами, орден тамплиеров был востребован во всем христианском мире: он разрешал тяжбы, подготавливал подписание договоров, выступил с посреднической миссией. Ни для кого не было секретом, что Нормандия, где уже насчитывалось немало учреждений тамплиеров, была не только богатой областью, но и в то же время «буферным государством», если воспользоваться термином, которым сегодня принято называть подобные территории. Интересы тамплиеров — и, естественно, папства — заключались в том, чтобы укрепиться в этом пограничном регионе и играть там решающую роль. Для этого следовало поддерживать «равновесие» между двумя соперниками в Нормандии, Францией и Англией, чтобы получить максимум выгоды и от французов, и от англичан. Передача Жизо-ра англичанам существенно ослабила позиции французского короля и могла ограничить с его стороны возможные притязания. Достаточно было посоветовать королю Англии распорядиться своим новым владением, не злоупотребляя своим преимуществом: иначе баланс мог склониться на сторону французов. Эта система усиливала автономию Нормандии. То была большая политика, и подобное повторилось в XIX веке, когда было создано королевство Бельгия.

Итак, Жизор угодил в руки Генриха II Плантагенета. Он приказал усилить крепостные укрепления, и строительные работы продлились до 1184 года. В 1169 году Фома Бекет, бывший канцлер английского королевства, укrywшийся в аббатстве Понтины после своей ссоры с Генрихом II Плантагенетом, остановился в Жизоре. Людовик VII способствовал его примирению с английским королем, и тот попросил Фому снова занять кафедру архиепископа-примаса Англии и Нормандии в Кентерберии. Известно, что несчастный Фома погиб на ступенях алтаря от рук убийц, неправильно истолковавших слова Генриха II. Впоследствии Бекет будет причислен к лику святых,

и в Жизоре до сих пор видны обломки часовни, возведенной в его честь. Но во время своего пребывания в Жизоре Бекет якобы встречался с одним влиятельным тамплиером по имени Жан де Жизор, с которым долго беседовал. Поскольку не известно точно, о чем они могли разговаривать, некоторые авторы не упустили случая пофантазировать на тему возможного соглашения между архиепископом Кентерберийским и орденом тамплиеров. Но мы не можем сказать ничего определенного об этой встрече — кстати, вообще подозрительной, — пусть это даже придется не по вкусу сторонникам теории, согласно которой Жан де Жизор был инициатором раскола в ордене, который якобы произошел в 1188 году под знаменитым жизорским вязом.

Мысленно перенесемся в 1188 год под сень этого вяза. Генрих II расположился на поле вместе со своими военачальниками. Туда же прибыл и новый король Франции, Филипп II, которого позднее назовут Августом, и тоже в сопровождении своих командиров. Почетным гостем на этой встрече стал архиепископ Вильгельм Тирский, тот самый, который первым написал об основании ордена тамплиеров. Вильгельм Тирский призывал в проповеди к крестовому походу, который должен был стать третьим по счету. Красноречие архиепископа возымело свое действие, и всех присутствовавших охватил порыв энтузиазма. Бароны приняли крест под крики: «Так хочет Бог!» Событие имело серьезные последствия — и с того дня на гербе города Жизор появился «золотой крест на лазурном поле» под короной, помеченной 1188 годом. Несколько столетий спустя, в 1555 году французский король Генрих II пожаловал Жизору «три золотые лилии» в благодарность за верность и пышный прием, устроенный ему горожанами.

Но на смену восторженным чувствам пришли междоусобицы. Еще одна встреча старого Плантагенета с молодым Капетингом под прославленным вязом закончилась плохо. Хроники, повествующие об этом событии, излагают факты с незначительным расхождением. Согласно одной из версий, на лугу

перед Жизором единственное тенистое место было под пресловутым вязом, причем достаточно обширное. Вяз отбрасывал большую тень, поскольку восемь человек едва могли охватить руками ствол. Генрих Плантагенет и его свита прибыли на встречу первыми и с удобством устроились под гигантским деревом. Жара была страшной. Филипп-Август приехал с опозданием и был вынужден расположиться под лучами солнца. Солнце припекало, и люди начали терять терпение: слово за слово, стороны обменялись оскорблениями и бросились в рукопашную. Французов было больше, англо-нормандцы должны были бежать в крепость. Филипп-Август зло пошутил, приказав срубить вековой вяз, проворчав: «Я приехал сюда не для того, чтобы стать дровосеком!»

История живописная, что и говорить. Согласно же другой версии король Франции, раздраженный тем, что англо-нормандцы придают такую символическую важность вязу, угрожал его срубить. Английский король приказал укрепить ствол дерева железными клиньями. На следующий день отряд французов, вооруженных пращами, секирами и палицами появился на поле, намереваясь срубить вяз. Англо-нормандцы во главе с Ричардом Львиное Сердце вышли защитить дерево. Схватка длилась до вечера, но французы, прогнав противника, все-таки срубили вяз.

Какими бы ни были обстоятельства этого дела, нет сомнений, что жизорский вяз, символ встреч англо-нормандцев и французов, стал жертвой борьбы за престиж между двумя государями. Конечно, это был простой инцидент в сложной и долгой истории взаимоотношений Капетингов и Плантагенетов. Но, как ни странно, именно это событие позднее сделали отправной точкой в «историко-фантастическом романе» с множеством эпизодов. Под предлогом сходства (?) между именем вяз (*orme*) и Ормусом, неким мистиком, крещенным Св. Марком и ставшим основателем гностической секты — в реальности речь, должно быть, идет о Ормузде (Ахура-Мазда) маздаистско-персидской традиции, — придумали, будто рубка вяза

символизировала раскол в ордене тамплиеров, точнее, разделение между собственно храмовниками и выдуманым Приоратом Сиона, который якобы существовал с самого основания ордена и вышел из его состава только в 1188 году.

После смерти Генриха II его сыну Ричарду Львиное Сердце довелось отправиться воевать в Святую Землю вместе с Филиппом-Августом. Французский король путем интриг добился возможности первым вернуться из крестового похода домой и, вероятно, заключил тайное соглашение с императором Германии о том, что тот схватит Ричарда на обратном пути. Это позволило Филиппу сговориться с братом английского короля, Иоанном Безземельным, всегда готовым продолжить династию Плантагенетов. В 1193 году при содействии Иоанна французский король заставил нормандского губернатора сдать ему Жизор и тотчас же начал укреплять замок. Но Ричард, выйдя из плена, захотел вернуть себе все, что считал несправедливо захваченой собственностью. Сначала он серьезно усовершенствовал замок Шато-Гайяр, чтобы избежать любых неожиданностей, и затем начал наступление через Вексен. Филипп-Август был разбит в 1198 году между Верноном и Гамашем. Чуть позже он потерпел еще одно поражение между Курселем и Жизором. Вместе со своими воинами король бросился искать спасения в Жизоре. Но в тот миг, когда Филипп пересекал Эпту по мосту, тот рухнул под тяжестью бегущих французских рыцарей. Король едва не утонул, и легенда гласит, что он выплыл лишь благодаря данному обету: он обещал поставить украшенную статую Богородицы в том месте, где упал в воду. Он сдержал слово, и ныне статуя на мосту через Эпту напоминает о событии, которое когда-то произошло на другом берегу реки.

Победив Иоанна Безземельного в 1204 году, Филипп-Август стал хозяином Жизора и правителем всей Нормандии: тогда он превратил жизорский замок в мощное укрепление, предназначенное не только надзирать над окрестными землями, но и защищать парижский регион от вторжений с северо-запада. Король повелел расширить вторую крепостную стену и построить

башню, прозванную «Башней пленника»: это была круглая башня, которая располагалась в юго-восточной части крепости и доминировала над рвами замка. Высота ее достигала двадцати восьми метров, диаметр равнялся четырнадцати метрам, толщина стен — четыре метра. В башне было три смежных зала: в первом размещалась стража; во втором зале, находившемся этажом ниже, хранили архивы; в третий можно было попасть только по узкой лестнице, куда свет проникал только через четыре маленькие бойницы. Скорее всего, последнее помещение использовали в качестве темницы. На его стенах сохранились рисунки, которые, возможно, отражают влияние тамплиеров, а также настоящие маленькие скульптуры, посвященные тем же религиозным сюжетам, что часто изображают в церквях. Есть предположение, что пленники, заключенные в этой зале, были либо священниками, либо рабочими, участвовавшими в оформлении внутрицерковного убранства.

Но до нас дошла легенда, которая, возможно, основана на вполне реальных событиях. Некий Никола Пулен, который был любовником одной из французских королевы — какой именно не уточняется, — якобы был брошен в эту темницу. Ему удалось прорыть туннель и бежать; но по пути он попал в подземелье, в котором находилась таинственная часовня: «Он проник в комнату возле своей камеры, поднялся оттуда по каменной стенке, проломил настил и оказался в помещении по соседству с часовней Св. Екатерины; затем он вошел в вышеупомянутую часовню, где находилась артиллерия нашего замка». Эта была та самая знаменитая часовня, которую так настойчиво искали в 50–60 годах XX века, поскольку считалось, что в ней могли храниться сокровища или секретные архивы тамплиеров.

Согласно легенде, Никола Пулен был застрелен стражником в тот момент, когда готовился переплыть ров, чтобы вернуться к своей возлюбленной королеве. Сюжет этого рассказа не может нас не заинтриговать. Кем был этот таинственный пленник? Его фамилия — точнее, прозвище, так как фамилии тогда еще не вошли в обиход, — Пулен наводит на определенные

мысли, поскольку именно так называли христиан, родившихся в Святой Земле в эпоху крестовых походов. В рядах тамплиеров было немало «пуленов», и в ордене их высоко ценили, поскольку они прекрасно разбирались в делах и нравах Востока. Не скрывается ли за именем Никола Пулена некий персонаж или, по меньшей мере, послание, оставленное тамплиерами? Отбрасывать такую возможность не стоит, но и доказательств тому у нас нет. И рисунки в «Башне Пленника» вовсе не обязательно свидетельствуют о влиянии тамплиеров. Религиозные сюжеты в Средние века были доступны каждому, и любой мог использовать их сообразно своим убеждениям.

Как бы то ни было, Жизор оставался под властью французов до Столетней войны. Только в 1419 году английский король Генрих V захватил крепость после трехнедельной осады. Боевые действия вокруг Жизора и во всем Вексене продолжались до 1449 года, когда английский военачальник Ричард Мербери сдал крепость французскому сенешалю Пьеру де Брезе. В 1465 году во время сумятицы, сопровождавшей войну «Лиги Общественного блага», город и замок Жизора были захвачены отрядами герцога Калабрийского. И с этого момента в области воцарились мир и процветание. Жители воспользовались затишьем, чтобы восстановить церковь, сильно пострадавшую во время недавних сражений.

Хоры, построенные в 1249 году, дошли до нас в целостности и сохранности, так же как и два боковых нефа. Но в стене хоров пробили угловую арку, через которую можно было попасть в часовни, идущие вокруг собора и составляющие что-то вроде галереи. В северном нефе начали строить часовню Успения Богородицы. Только в 1515 году восстановили поперечный неф и южный портал, а в 1526 году — башню большого западного портала и внушительную южную башню. Но строительство этой башни не удалось закончить из-за начала Религиозных войн. Отличительной чертой этой церкви Сен-Жерве-Сен-Проте являются пять нефов, как у кафедрального собора, два ряда боковых часовен, поперечный неф с двумя порталами,

хоры с проходом позади алтаря, заменяющие апсиду. Тот памятник архитектуры, который мы можем увидеть сегодня, на самом деле почти полностью реконструирован: во время воздушных налетов в 1940 году церковь была на три четверти разрушена, и от нее остался лишь обгоревший остов.

Именно тогда и была построена часовня Св. Екатерины, ставшая предметом стольких спекуляций, которую искали повсюду — под холмом, где стоял донжон, под церковью, в подземелье между замком и церковью. Ее так и не нашли, но в 1898 году во время работ в церкви заалтарное украшение, которое, по всей видимости, было частью этой забытой или тайной часовни. Тайна, окружавшая эту часовню, лишь придавала силы слухам об сокровищах и секретных документах. Мы же знаем только то, что часовня Св. Екатерины была построена около 1530 года на средства семейства Фуйез, сеньоров де Флавакур и находилась она — до того, как была разрушена по неизвестной нам причине, — в южном нефе церкви, возле часовни, прилегающей к южному portalу. Но доподлинно известно, что король Франции Генрих II посетил город в 1555 году в день Св. Екатерины и пожаловал жизорцам право добавить три лилии к городскому гербу. Совпадение?

Во время Религиозных войн горожане Жизора оставались верны католической религии и были яркими врагами гугенотов. Когда после официального отречения от протестантизма в Сен-Дени король Генрих IV захотел торжественно въехать в город, жители поставили ему несколько условий. Рассказывали, что кюре Жизора Пьер де Неве потребовал от короля, прежде чем войти в церковь, публично отказаться от «дурных обычаев», приверженцем которых он недавно был. Генрих Наваррский вроде бы соизволил удовлетворить просьбу священника и после воскликнул: «Ну вот я и стал жизорским королем!»

На самом деле в 1528 году король Франциск отдал графство Жизорское в приданое за своей золовкой Рене, дочерью Людовика XII и Анны Бретонской, которая, была истинной наследницей герцогства Бретань. Рене вышла замуж за Гектора д'Эсте,

ставшего герцогом Феррарским, и графство перешло во владение домов Эсте и Савойи, вернувшись в королевский домен только в 1707 году. Но в 1718 году маркиз-маршал де Бель-Иль уступил королю свой бретонский остров, занимавший очень важное стратегическое положение, в обмен на различные земли, среди которых было графство Жизор. Итак, человек, ставший графом Жизорским, был не кем иным, как внуком Никола Фуке, чье имя навечно оказалось связано с тайной; в той или иной мере он был замешан в делах области Разе, над которыми витает тень тамплиеров. Совпадение? Как бы то ни было, графство Жизор было преобразовано в герцогство и пэрство, и последними обладателями столь пышного титула были граф д'О и герцог де Пентьевр.

После Великой Французской революции Жизор утратил все свое значение. Главным городом административного округа вместо него выбрали Лез Андели. Маленький провинциальный городок в семидесяти километрах от Парижа, Жизор еще не раз испытал тяготы войны. В 1870 году в нем велись ожесточенные бои. В 1940 году город на три четверти был разрушен во время бомбардировок, что не помешало борцам Сопротивления активно в нем действовать и помочь английской армии освободить Жизор в августе 1944 года. Помнили ли англичане, что никогда Жизор был бастионом Соединенного королевства в самом сердце Франции?

Итак, вот богатое событиями прошлое Жизора. Это прошлое свидетельствует о том, что городу довелось играть важную роль во французской истории: ведь никто не станет биться за земли, не имеющие никакого веса. Оно также свидетельствует о живучести идеала, который можно назвать рыцарственным; и в этих условиях, пожалуй, нет ничего удивительного, что в этом прошлом иногда мелькает, пусть даже эпизодически, тень рыцарей ордена тамплиеров. Поскольку тамплиеры волей-неволей были связаны с политической жизнью своего времени, абсолютно нормально, что они и Жизор, важнейший стратегический пункт, упоминаются рядом — даже если эти

упоминания скорее близки к выдумке, нежели к исторической реальности.

И что из этого прошлого остается на виду? Явно очень немного. Но речь идет о необычайно ценных и интересных следах. Сначала — замок: один из самых красивых и лучше всего сохранившихся образцов военной архитектуры XII–XIII веков. Стены поражают своей величиной. Знаменитую «Башню Пленника» окружает аура таинственности, которая скоро рассеется. Другая башня, квадратная, называется «Башней Губернатора»: в ней находились главные городские ворота. Кроме того, по лестнице из башни можно было попасть прямо на улочку, которая носит название «Улочка Великого Монарха». Название несколько удивляет, поскольку имеет значение, знакомое большинству любителей эзотерики: приверженцам милленаризма, профетизма, герметизма, для которых термин «Великий монарх» — надежда на то, что однажды придет Тот, кому суждено объединить братское царствие людей. Но настоящее объяснение, увы, куда более прозаично: этой улочке присвоили название «Улочка Великого Монарха» потому, что по ней проехал славный король Генрих IV в день, когда стал «жизорским королем».

Но наибольший интерес, без сомнения, вызывает донжон. По правде сказать, это внушительное здание. Он был построен на насыпном холме посреди замка, и туда входили по лестнице, которая вела наверх от самого основания. Впоследствии лестницу заменили на окружной путь, шедший вокруг холма. По нему можно было попасть в многоугольный двор, окруженный стеной двухметровой толщины. Направо во дворе до сих пор видны остатки часовни XII века, посвященной Св. Фоме Бекету. Прямо начиналась винтовая лестница с сотней ступеней, которая вела на верхушку донжона. Отметим, что этот донжон был превосходной площадкой для наблюдения за окрестностями. Он не только доминировал над долиной Эпты, но с верхушки открывался прекрасный вид в сторону Три-Шато и Иль-де-Франс. Понятно, почему английские и французские короли так яростно боролись за обладание этой крепостью...

Церковь Сен-Жерве-Сен-Проте производит трогательное впечатление, особенно если учитывать, с какой заботой ее восстанавливали после Второй мировой войны. По ее грандиозному плану видно, что в свое время строительство собора прошло несколько стадий. Готические колонны хоров перекликаются с двадцатичетырехметровыми колоннами нефа без капителей, которые теряются в полумраке под сводом храма, как огромные буки из лионского леса. Колонны поперечного нефа выделяются своим оригинальным стилем: там можно увидеть колонну с капителями в форме дельфинов, колонну Св. Иоанна с ракушками и особенно колонну, построенную в 1525 году на средства цеха кожевников — долгое время они были самыми богатыми ремесленниками в Жизоре, — со сценами кожевенных работ на четырех ее сторонах. В церкви есть фреска XVI века, изображающая Преображение, витраж XVI века с образом Св. Клавдия, покровителя кожевников, несколько других оконных стекол, посвященных Св. Крепину и Крепиниану, патронам сапожников. Из этой церкви, выстоявшей во смутные времена стольких братоубийственных битв, мы смогли спасти главные ценности — и это не так уж плохо.

В целом же в городе осталось не так уж много свидетельств глубокой старины, за исключением портала лепрозория, нескольких средневековых фасадов на Улочке Великого Монарха. При первом впечатлении Жизор кажется спящим городом. Но затем начинаешь ощущать, как за кажущимся спокойствием другой мир скрывается в этой истерзанной войнами земле — мир, который сложно различить под покровом теней. Ведь в Жизоре, несомненно, есть подземелья. И далеко не все, что про них рассказывают, — выдумка. И кто может сказать, что происходит в этих таинственных галереях, куда не проникает луч дневного света?

Глава III

СОКРОВИЩЕ ЖИЗОРА

В 1962 году внимание широких слоев общественности было приковано к Жизору, точнее, к секретным предметам или документам, которые могли храниться втайне от людских глаз в подземельях под донжоном или церковью. Кроме того, «предполагаемое» существование сокровища снова стали связывать с именем тамплиеров, опираясь на некую рукопись, которая, как уверяли, хранилась в архивах Ватикана¹. Поводом для этого взрыва довольно-таки необычного энтузиазма послужила публикация книги Жерара де Седа «Тамплиеры среди нас»². Можно только удивляться успеху этого тезиса, который основан на одном-единственном утверждении, якобы сделанном неким тамплиером, Жаном Шалонским, который рассказал, что накануне 13 октября 1307 года, дня, когда братья ордена были арестованы по приказу французского короля, три повозки выехали из ворот орденской резиденции в Париже; содержимое повозок должны были вывезти за границу на кораблях, принадлежавших ордену. А может, эти повозки, которые якобы

¹ С этой рукописью было якобы позволено ознакомиться Жерару де Седу с разрешения ватиканского библиотекаря по просьбе французского посла и атташе по культуре в Риме. Жерар де Сед опубликовал ее фотографический снимок; но, несмотря на это, подтвердить его истинное значение и, особенно, подлинность представляется довольно сложным делом.

² *Les templiers sont parmi nous*. Paris; Julliard, 1962. После этого книга неоднократно переиздавалась.

проезжали через Жизор, так и не были переправлены за рубеж? Этого предположения более чем достаточно, чтобы утверждать, будто сокровище на самом деле закопали в подземельях Жизора¹.

С этого момента проблема не только была поставлена ребром, но о ней громогласно объявили перед лицом всей общественности. И какое бы решение проблемы ни было бы найдено, с какими бы оговорками бы оно ни прелагалось, было бы глупо и даже преступно ее избегать и упрямо отрицать реальность «Сокровища».

История «Сокровища» тамплиеров уходит корнями далеко в прошлое, и, возможно, уже в Средние века искатели не прекращали исследовать городские подземелья в поисках золота, драгоценных камней и документов. Но даже если им и посчастливилось что-нибудь отыскать, они явно не были расположены оповещать всех о своей находке, удовольствовавшись тем, чтобы использовать найденное к собственной выгоде. Так дело обстоит везде, где сохранились древние постройки, и хорошо известно, например, что многочисленные дольмены и крытые галереи были заботливо «освобождены» от своего содержимого. Однако Жизор притягивал к себе внимание и настоящих историков и археологов.

В 1857 году местный археолог Гедеон Дюбрей заявил, что жизорские подземелья тянутся в западном направлении — от донжона Жизора к донжону Нефль-Сен-Мартен. Однако никто,

¹ В своей книге «Жизнь и смерть ордена тамплиеров» историк Ален Демюрже пишет о трех тамплиерах, которые охраняли жизорский замок по условиям соглашения между Генрихом Плантагенетом и Людовиком VII: «Продолжительность их пребывания в замке обратно пропорциональна тоннам написанной или рассказанной лжи, распространенной средствами массовой информации» (Demurger A. *Vie et mort de l'ordre du temple*. Paris; Seuil, 1985. P. 185). Это суровое суждение скорее относится ко всему, что последовало за публикацией книги Жерара де Седа, нежели к книге как к таковой. Я воздержусь от любых комментариев на этот счет и ограничусь тем, что приложу этот труд к «досье» о жизорском деле.

по крайней мере, на официальном уровне не считал возможным проверить справедливость его слов. Напротив, прекрасно известно местонахождение подземного хода, связующего жизорскую церковь и донжон: о нем стало известно во время бомбардировок; когда в некоторых местах ход обвалился. Впоследствии провалы засыпали. По мнению археолога Эжена Пепена, речь идет о «сети подземных подвалов, связанных центральным коридором длиной в сорок пять метров, шедшим в направлении с востока на запад; их дополняли еще два перпендикулярных прохода». Направо и налево от этих коридоров в глубоких нишах с арками должны были храниться продовольственные запасы замка. После того как замок перестал быть обитаемым, об этих подземельях забыли и вспомнили об их существовании лишь в тот момент, когда в городе стали разбивать сады; один жизорский историк рассказывал, что «в праздничные дни туда спускались с факелами». Часть центрального туннеля можно датировать XII веком. Перпендикулярный туннель был построен позднее и, как кажется, должен был соединять старый коридор с жилыми помещениями. Другой отрезок подземелий начинался в подвалах домов на улице Вены: он шел в южном направлении, к переулку Супругов, то есть к церкви. Во время бомбардировок Жизора во время Второй мировой войны на одном из участков образовался провал — впоследствии его закопали, — в котором исследователи опознали меровингское кладбище.

Итак, между церковью и замком Жизора полно подземных переходов и помещений. О них известно не только из расплывчатых преданий, но и благодаря случайным находкам. По данным археолога Эжена Анна, опубликованным 23 марта 1950 года в журнале «Париж-Нормандия», рабочие, расширявшие переулок Супругов, что находится к северу от церкви, наткнулись на «четыре каменных саркофага» вблизи от церковного портала. В заключении к своей статье археолог предположил, что в конце XV века «жизорское кладбище начиналось прямо у северной стороны храма. Когда же пришло время продолжить строительство и возвести северный портал, кладбище решили

уничтожить. К юго-западу от церкви выбрали место для нового. Все останки со старого погоста перенесли в оссуарий, а на прежнем месте оставили только саркофаги, где, без сомнения, покоились влиятельные персонажи».

Земельные работы после открытия меровингского кладбища продолжались. И несколькими днями позднее ковши эскалаторов расчистили свод, за которым виднелась дыра. По рассказу все того же Эжена Анна, «рабочие расширили вход и спустились вниз. На глубине шести метров пред ними представало удивительное подземелье, своего рода подземный перекресток. Меж толстыми стенами с ровной надежной кладкой на высоте человеческого роста взгляду открывались четыре большие ниши, увенчанные круглыми арками. Великолепный замок свода объединял в вышине перекрестка римские аркады совершенной работы, из тщательно вытесанных и подогнанных камней. Все это было в прекрасной сохранности, и известняк по большей части остался белым. Кажется, что это место было остановкой на подземном пути, ведущей из замка в церковь. Кроме того, справа от третьей ниши находился темный и узкий лаз, наполовину заваленный строительным мусором; как подтверждают недавние исследования, он пересекал под землей большую улицу и приводил в старинные подвалы двух домов, уцелевших во время бомбардировок. Там можно было снова увидеть ниши и даже колонны со скульптурными капителями. Но проход, ведущий в сторону церкви, был уничтожен во время налетов вражеской авиации». Странно, но после этих находок обнаруженные провалы были снова засыпаны, и ничего не было сделано, чтобы спасти развалины прошлых лет.

Большого и не требуется, чтобы взбудоражить воображение. Так что же прятали в этих таинственных подземельях? Сокровища, документы или богов? И почему городские власти так поспешно распорядились засыпать найденный вход и продолжить работы по благоустройству города? Велик соблазн видеть в произошедшем систематическую обструкцию: нельзя, чтобы кто-либо узнал, что именно находится внизу. Отсюда

один шаг до разговоров об оккультном вмешательстве, сознательном стремлении *скрыть что-то важное*. Почему бы не предположить, что речь идет о вселенском заговоре, любой ценой стремившемся умолчать о произошедшем, заговоре, в котором непременно должны быть, как в хорошем шпионском детективе, замешаны таинственные персонажи, считающие себя наследниками великих обществ посвященных? Вот это-то и произошло, и в результате тайна над Жизором стала еще более непроницаемой.

Однако напомним здесь о нескольких прописных истинах. После Второй мировой войны, на протяжении пятидесяти лет, истекших с того времени, большинство муниципальных властей мало заботились о том, чтобы спасти археологические свидетельства прошлого, польза от которых не всегда была очевидной. Прежде всего нужно было восстанавливать города и приспособлять их к требованиям современной жизни. Остальное было уделом археологии, а члены городского управления, как правило, не приветствовали вмешательство археологов, действовавших по своему распорядку. Подобные вещи были распространены повсюду в то время, а не только в Жизоре. Чтобы избежать административной волокиты и приостановления городских работ, муниципалы предпочитали засыпать «дыры», где находились исторические или археологические останки. Прискорбно, но это правда. И нет равным счетом ничего, что позволило бы кричать на все стороны света о вселенском заговоре или видеть в произошедшем воздействие оккультных сил. Кроме того, научные раскопки, проводимые по всем правилам, стоили необычайно дорого, и бюджет, выделенный на такой вид деятельности, был весьма ограничен. Если в подземельях Жизора и есть сокровища, то там они покоятся в полной безопасности. В более благоприятные времена их наверняка найдут.

Однако людская фантазия не приемлет таких приземленных материальных объяснений. Нужно было любой ценой найти другую причину, которая дала бы пищу воображению

искателей кладов и «посвященных» самых разных мастей. В результате было найдено не одно, а множество объяснений, которые, по большей части, абсолютно неправдоподобны и противоречивы. Любители сенсаций ухватывались за малейший документ, даже если о нем было известно из вторых или третьих рук. Рассказывали, будто некий священник получил от одного из своих собратьев, аббата Оффе — чье имя встречалось в связи с историей Ренн-ле-Шато, и вряд ли случайно, — копию рукописи XVII века, написанную Александром Бурде. Последний в своих «Заметках об истории Жизора» указывал на существование подземной часовни в холме под донжоном и прилагал ее план. Ссылались и на письмо, якобы принадлежавшее канонику Вейяну, кюре-декану Жизора в 1938 году, в котором он просил у адресата вернуть ему «латинский документ 1500 года», где шла речь о тридцати железных сундуках, вроде бы находящихся в жизорской церкви. И наконец, в угоду публике, жадной до сенсаций, приукрасили и исказили данные, полученные в ходе раскопок, проводившихся с 1898 года.

7 ноября 1898 года в церкви Жизора проводились работы в целях обновить пол в часовне Утешения Богородицы. Именно тогда обнаружилось, что «на оборотной стороне некоторых больших плит присутствует ярко выраженный рельеф» (Луи Ренье, журнал «Вексен», 20 ноября 1898 года). К несчастью, рабочие разбили плиты, когда выламывали их из пола, поэтому они дошли до нас только в обломках. Впрочем, плиты удалось собрать, и оказалось, что вместе они составляли заалтарное украшение высотой в тридцать, шириной в восемьдесят метров. Это изображение было декорировано горельефами и барельефами сообразно занимаемому ими месту и обрамлено «архитектурой в стиле Франциска I, представляющей собой три аркады или круглые арки, разделенные пилястрами». Пожалуй, было от чего прийти в восторг.

Вот как писали о скульптурах в газете «Вексен» от 20 ноября 1898 года: «В центре два стоящих человека — головы скульптур не сохранились — вероятно, изображали прощание Иисуса со

своей матерью; этот сюжет, пользовавшийся популярностью у художников и скульпторов XVI века, был заимствован из апокрифических Евангелий. В подтверждение этому можно привести хотя бы прекрасный витраж церкви в Конше. Слева за балюстрадой стоят апостолы (Св. Петр, Св. Иоанн и третий, от которого осталась только нижняя часть корпуса). Перед ними коленопреклоненный заказчик, который изображен, следуя правилам средневекового и ренессансного искусства, в меньших масштабах, чем прочие фигуры. Справа представлена молящаяся заказчица, за балюстрадой, схожей с той, что была расположена с левой стороны, стоят Св. Магдалина со святой, чье имя так и не удалось установить, несмотря на открытую книгу, которую она держит в руках... В центре изображена сцена входа Иисуса в Иерусалим. Раньше все фигуры были раскрашены и позолочены».

Остается лишь узнать происхождение тех фрагментов заалтарного украшения, которые, несомненно, были использованы в других целях после разрушения изначального памятника, но датируются периодом не ранее правления Франциска I. Историк Луи Ренье, которому мы обязаны подробным описанием находки, дает ответ: украшение составляло часть убранства часовни Св. Екатерины, расположенной в южном нефе, которая была построена около 1530 года и разрушена после 1629 года. Именно в 1629 году торговец оловянной посудой по имени Антуан Дориваль сочинил поэму, в которой описал эту часовню, золоченый алтарный престол и изображенные на нем сюжеты. «В их числе, как и в нашем случае, Иисус и Дева Мария, сцена на Масленичной горе и Мария Магдалина; но там также присутствует сцена с самаритянкой и Фомой неверующим. В то же время автор ни словом не обмолвился ни о молящихся, ни о Св. Петре, ни о входе в Иерусалим».

В поэме Антуана Дориваля нет ничего оригинального: она соответствует правилам, соблюдаемым в салонах той эпохи, в ней даже упоминается об Урании, столь дорогой сердцу Венсана Вуатюра, Маллевиля и прочих завсегдаев салона мадам де

Рамбуе или мадам де Скюдери. Но было бы ошибочным считать поэму криптограммой — она представляет собой не что иное, как элегантно сочиненное на относительно религиозную тему. Но некоторые выражения, вроде «нить перевозчика» или «медведица-дева» и библейские цитаты стали идеальным материалом для всех тех, кто старается найти эзотерические ключи там, где их на самом деле и в помине нет. Вот так поэма Дориваля стала «священным» текстом, указующим путь к Сокровищу Жизора, и все следы ведут в одно место — часовню Св. Екатерины...

Конечно, повезло, что этой часовни больше нет — поэтому про нее можно рассказывать все, что в голову придет. Ну конечно же, ее сознательно разрушили, поскольку некто не желал, чтобы «секреты», сокрытые в ней, стали всеобщим достоянием. Вселенский заговор сыграл в этом свою зловещую роль. Впрочем, как и оккультные силы. Само собой, рукопись поэмы Дориваля, известная по фрагменту, опубликованному Луи Ренье, испарилась из архивов департамента Ор, где она хранилась. Что же касается заалтарного украшения, найденного в 1898 году, то отыскать его не представляется возможным. Единственным доказательством его существования является описание Ренье и одна фотография. Конечно, все это довольно странно, но, однако, недостаточно для того, чтобы провозглашать, будто в этом украшении «сокрыта тайна, которую способны расшифровать одни лишь посвященные». Но несколько раздражает, что когда нам говорят о *посвященных*, то не уточняют, *во что именно* они были посвящены. Этот прием позволяет создать впечатление, будто автор слов «*в курсе*», если можно так выразиться, и представить реальностью то, что на самом деле просто рабочая гипотеза. Как бы то ни было, часовня Св. Екатерины действительно существовала. Она была снесена по неизвестным нам причинам, и вероятно, что фрагменты заалтарного украшения, найденные в 1898 году, не потеряны для, по крайней мере, части общества: везде есть коллекционеры предметов искусства, избегающие огласки.

Интрига в деле о сокровище Жизора началась с некоего Роже Лемоя, ставшего информатором Жерара де Седа, который, опираясь на полученные от него сведения, написал книгу «Тамплиеры среди нас». Если верить воспоминаниям, пусть и несколько противоречивым, об этом человеке, умершем в 1974 году в нищете, Роже Лемой был одержимым кладоискателем. В юности он якобы тайно проводил раскопки по всему Вексену и продавал заинтересованным лицам найденные им достопримечательности. Но деятельность эта — не говоря уже о том, что она была незаконной, — не принесла ему ощутимой прибыли. Тогда в 1929 году Лемой нанимается гидом и садовником жизорского замка. Занятая им позиция была удобной, особенно в эту эпоху, и он смог свободно заниматься своим любимым делом. Он слышал, что под замком и городом Жизор есть подземелья. Лемой занялся раскопками, но втайне ото всех, и никому не рассказывал о своих находках. Причем Лемой уверял, что действовал с одобрения местного духовенства. Но подтверждения тому нет. Все, кто помнил Лемоя, описывали его как довольно неотесанного крестьянина, искреннего, упрямого и наивного человека, который часто принимал свои грезы за реальность. Знавшие его лично испытывали к нему определенную симпатию. По всей видимости, он был тем, кого обычно называют «славным малым». Но приписываемая ему деятельность настолько подозрительна, что трудно отличить реальность от выдумки, поэтому говорить о нем нужно в условном наклонении.

После освобождения Франции от гитлеровских войск Роже Лемой с головой погрузился в раскопки под донжоном замка, которые, по своему обыкновению, вел ночью и в полном одиночестве. Он знал, что во время немецкой оккупации вермахт устроил в замке хранилище пятнадцати тысяч литров бензина и ремонтную мастерскую для танков. Чтобы осуществить свой замысел, немцам пришлось провести в замке строительные работы, и, быть может, им посчастливилось сделать какое-нибудь открытие. Как бы то ни было, но в 1944 году группа

военных прибыла из Германии, чтобы исследовать подвалы донжона. Официального подтверждения этому нет; в любом случае раскопки так и не были начаты, возможно, по причине разгрома немцев в 1944 году. С другой стороны, во время гитлеровской оккупации в одном из залов донжона — зале турниров — коллаборационисты, без сомнения, из французской милиции вроде бы пытали, а затем расстреляли двадцать семь борцов Сопротивления, принадлежавших к подпольной сети, которую возглавлял жокей из Нефль-Сен-Мартен, англичанин по происхождению. Обстоятельства этого таинственного дела так и не были выяснены до конца, но кажется странным, что пленников расстреляли внутри замка, а тем более французы, хотя замок находился в руках немцев: а ведь немцы предпочитали сами выполнять задачи такого рода и, как правило, выводили жертв наружу. Все это показывает, в каких условиях и в насколько гнетущей атмосфере Лемой вел свои поиски.

Лемой уверял, что перекопал под донжоном всю землю метр за метром и рыл вертикальный ход вдоль старого колодца, пока едва не погиб при обвале. Он якобы выбрался со сломанной ногой и затем возобновил поиски, роя другие ходы, на этот раз горизонтальные, которые выходили к подножию холма. По его словам, холм был перерыт вдоль и поперек: его испещрили множество узких, ничем не закрепленных ходов, в которые едва ли мог протиснуться человек нормального телосложения. Можно только удивляться, как Лемой удалось вести такие работы и не погибнуть при обвалах, если он, как утверждал, не принял никаких мер предосторожности. Точно так же можно позволить себе и скептицизм другого рода: ведь обычный человек рисковал бы быстро задохнуться, надолго задержавшись в таких подземных туннелях.

Но в один прекрасный мартовский день 1946 года Роже Лемой предстал — как утверждают — перед городским советом Жизора, заявив, что он нашел подземную часовню. Вот рассказ, который ему приписывают:

«Я только что нашел под донжоном романскую каменную часовню, длиной в тридцать метров, шириной в восемь, высотой в четыре и пятьдесят в основании. Алтарь сделан из камня, так же как и дарохранильница. У стен на консолях стоят статуи Христа и двенадцати апостолов. На полу у стен находятся восемнадцать каменных саркофагов длиной в два метра и шириной в пятнадцать сантиметров. И в нефе лежат тридцать металлических сундуков, расположенных в три ряда по десять в каждом».

Есть от чего глазам загореться! Городские власти пришли в место, указанное Лемоем, у подножия донжона. Но поскольку пролезть в узкий туннель не представлялось возможным, большинство отправилось восвояси, напоследок обозвав садовника безумцем. Только один из муниципалов попробовал протиснуться в вертикальный проход: им был начальник пожарной службы, но и он не смог пройти далеко. В результате Лемоя сочли выдумщиком. Немецким военнопленным было приказано засыпать сквозные ходы, представлявшие собой реальную опасность для любого, кто решит попытаться счастья в замке.

Но Лемой и не думал сдаваться. Он обратился за разрешением вести раскопки в государственный секретариат при министерстве культуры. И он его получил. Но теперь городские власти якобы были настроены абсолютно враждебно, мешали ему начать поиски и угрожали их запретить. Определенно можно сказать только одно: Лемой был уволен с занимаемой должности и ему запретили оставаться в Жизоре. В 1952 году Лемой, который не отказался от дела своей жизни, в компании с двумя жителями Версаля добился повторного разрешения на раскопки. На этот раз муниципалитет ему не препятствовал, но зато запросил такой большой залог, что трое искателей должны были забросить свой проект. Правда, Лемой время от времени возвращался в Жизор и продолжать копать холм под донжоном. В конце концов он познакомился с Жераром де Седом, который внимательно выслушал кладоискателя и загорелся

мыслью расследовать дело о жизорских сокровищах. Так родилась книга «Тамплиеры среди нас».

Дальше начинается полоса неизвестности. Жерар де Сед утверждает, что ему угрожал странный человек, назвавшийся «хранителем Храма»: якобы он посоветовал де Седу отказаться от расследования. Де Сед рассказывал, будто однажды заряд дробы пробил дверцу его машины. Правда ли это? Существовал ли на самом деле этот «хранитель Храма»? Предположим, что да: но откуда он появился и, главное, зачем, если Роже Лемой ни разу не упомянул о тамплиерах? Пожалуй, стоит задаться вопросом, кто же первым провел параллель между делом о предполагаемом подземелье и событиями 1307 года, когда, вероятно, тамплиеры упрятали подальше от чужих глаз сокровище или, по меньшей мере, компрометирующие документы. Роже Лемой, которому Жерар де Сед помог выступить в телевизионной передаче, подтвердил свое сообщение об открытии часовни и заверил телезрителей, что в подземелье Жизора полно других тайн.

Конечно, заслуженные университетские преподаватели подняли настоящую бурю, протестуя против высказываний Лемоя; особенно негодовали те из них, кто занимался памятниками Жизора. Нет смысла приводить здесь содержание этих протестов: они сводились к полному отрицанию заявлений Лемоя. В мае 1962 года министр культуры Андре Мальро распорядился опечатать донжон замка. Спустя три месяца начались официальные раскопки, которые проводились «согласно общепринятому порядку и не были связаны с делом де Седа». Однако раскопки не увенчались успехом, и городские власти приказали засыпать туннели, оставшиеся после археологов.

12 октября 1962 года Роже Лемоя пригласили выступить перед прессой и многочисленной публикой, собравшейся перед донжоном. Ему предложили спуститься в прорытый им туннель, где он и нашел свои старые инструменты. Но туннель заканчивался тупиком. Однако Лемой стоял на своем, заверяя

присутствовавших, что до крипты осталось всего каких-то полтора метра. Напрасный труд. Официальные лица, сочтя, что зря потеряли время и деньги, поверив рассказам фантазера, распорядились свернуть поиски. Туннель засыпали. Но окончательно работы были прекращены только в 1964 году, после серии раскопок, проведенных по инициативе министра культуры; а поскольку здание донжона пошло трещинами, власти, опасаясь обвала, приказали забетонировать все следы раскопок и ходы.

Вот тогда-то все, кто верил в существование подземной часовни, подняли крик — от них скрывают правду, потому что опасаются последствий ее разглашения. Прочие, как скептики, так и люди, совершенно не согласные с предположениями о подземном сокровище, тотчас же возразили, что это был единственный способ сохранить здание от разрушения и обеспечить безопасность многочисленных посетителей Жизора. О цистерне, в которой, быть может, все еще хранилось около пятнадцати тысяч литров бензина, упомянуть побоялись! В любом случае, произошедшие события надолго обеспечили тему для оживленной полемики и пищу для самых невероятных гипотез и слухов. Впрочем, в последующие годы это нисколько не помешало бесчисленным искателям сокровищ тайно, несмотря на запрет, вести раскопки, которые, как и следовало ожидать, не увенчались успехом. Правда, некие «посвященные» время от времени под строжайшим секретом уверяют, будто «Сокровище» все же было найдено и ныне хранится в надежном месте...

Проблема заключается в том, нашел ли действительно Роже де Лемой часовню в подземельях донжона или нет. А поскольку Лемой один, кто их видел — а как известно, единственный свидетель и не свидетель вовсе, — можно сомневаться в правдивости его слов, даже если считать, что подземелье Жизора еще не раскрыло всех своих тайн.

Однако кажется, что Лемой позволил себе пооткровенничать: он якобы заявил, что на самом деле его раскопки были

безрезультатны и он просто придумал сундуки¹. Но упорство, с которым он предавался поискам сокровища и пытался уверить окружающих, что все же достиг своей цели, несопоставимо с этим признанием в обмане. Так как же обстоит дело в реальности? Увы, узнать это не представляется возможным. Конечно, сейчас есть множество людей, которые верят в правдивость слов Лемоя, потому что он детально описал найденную им крипту с сундуками и это описание совпадает со сведениями старого документа. Но такая точка зрения ни на чем не основана. Есть и те, кто считает, что Лемой приукрасил несколько незначительных находок, которые мог сделать во время раскопок. Но и тому доказательств тоже нет.

Вся эта путаница вызвана тем, что никто не может точно установить местоположение знаменитой крипты. Кроме того, непонятно, о чем идет речь: о крипте, часовне или простом подземном зале, куда якобы положили сундуки. Создается впечатление, что в этом деле каждый настаивает на своей собственной точке зрения, не обращая внимания на версии остальных. Не забудем о жесткой позиции, которую заняли те, кто считает жизорское дело совершеннейшей мистификацией.

И все же мы располагаем несколькими достоверными фактами. Под донжоном Жизора никогда не было часовни. Но зато часовня была в *другом месте*, вероятно под приходской церковью. Есть доказательства ее существования и даже описание. Но она никак не связана с тамплиерами, поскольку рыцари-монахи исчезли, по крайней мере официально, в 1312 году, а часовня Св. Екатерины была построена где-то около 1530 года.

Единственная гипотеза, которую можно предложить в данном случае, — в XVI веке в эту часовню могли перевезти и

¹ «Все, о чем я рассказывал Жерару де Седу и остальным — выдумка. Мои раскопки не увенчались успехом... Сундуки же я просто придумал». На эти слова Роже Лемоя сослался Робер Шарру во время беседы с Жаном-Люком Шомейем, в 1974 году. См.: Chaumeil J.-L. *Du premier au dernier templier*. Paris, 1985. P. 235. Заметим все же, что речь идет об информации из вторых рук.

спрятать предметы и/или документы, как-то связанные с тамплиерами, и которые до этого времени находились в другом месте. Почему нет? Ведь не раз случалось, что архивы переправляют в иное хранилище, чтобы сохранить их в целости и безопасности. В XVI веке во Франции шли Религиозные войны. Если допустить, что содержание документов тамплиеров содержало порочащие сведения о Римской церкви, вполне можно предположить, что некие католики сочли своевременным уничтожить их или спрятать в надежном тайнике. Но была ли только что построенная часовня, остававшаяся у всех на виду, таким безопасным хранилищем?

Сколько вопросов! Роже Лемой как-то обмолвился, что к поискам его подталкивал некий служитель Церкви. В этом нет ничего невероятного. Известно, что некоторые представители местного духовенства интересовались историей Жизора и знали о существовании крипты, где хранились сундуки. Один из них вполне мог исподволь подталкивать Лемоя начать тайные раскопки.

Да, но в этом случае решительно непонятно, зачем убеждать Лемоя искать часовню под донжоном, тогда как служителю Церкви должно быть точно известно, что она находится не где-нибудь, а в жизорском соборе. Нет, эта версия не годится, разве что предположить, что Лемоя использовали для отвлекающего момента: он должен был привлечь всеобщее внимание к раскопкам в замке, в то время как настоящие поиски в строжайшей тайне велись в церкви. Такая версия развития событий вполне могла бы стать прекрасным сценарием для шпионского фильма; однако она слишком искусственная, чтобы быть реальностью... В любом случае, выходит, что буквально все в Жизоре и его окрестностях уже давно знали о подземельях и сокровищах или, по крайней мере, археологических достопримечательностях, которые должны были там храниться. Предполагаемое существование часовни под церковью или вокруг нее было секретом Полишинеля.

Итак, надо задать вопрос несколько по-иному: если Лемоем манипулировали, то кто и зачем? К этому прибавим еще один вопрос: почему, даже если Лемой лгал, официальные власти препятствовали кладоискателю проводить раскопки, которые могли бы завершиться лишь доказательством его фантазерства? На данный момент ответа на эти вопросы нет.

Но при чем здесь тамплиеры?

А они присутствуют за тщательно задернутым занавесом. Основная заслуга тамплиеров в глазах любителей загадок прошлого состоит в том, что после официального роспуска ордена в 1312 году они исчезли, не оставив после себя следов. Храмовники разделяют эту честь с друидами, которые слились с природой после начала романизации Галлии. В таких условиях нет ничего удивительного в том, что время от времени всплывают упоминания — реальные или выдуманные — об одних или других в самых глухих закоулках Истории, которых не так уж и мало. Иллюзии, призраки прошлого живут необычайно долго — чтобы не говорили люди с рациональным складом ума — и часто появляются под самым разным обликом. В Бретани легенды гласят, что тамплиеры, названные «красными монахами» или «проклятыми монахами», все еще посещают места, где совершили свои преступления. Это многое говорит нам о репутации тамплиеров, которых многие авторы хотели представить как святых и несчастных жертв несправедного суда. Но это совсем другая история.

Версия, изложенная Жераром де Седом в его книге «Тамплиеры среди нас», не лишена интереса и заслуживает ответа. Версия такова: в Жизоре, в ночь перед арестом братьев ордена, тамплиеры спрятали — и закопали — свои сокровища и секретные документы.

Точно известно, что люди короля Филиппа Красивого, начав утром 13 октября 1307 года аресты тамплиеров и опись их имущества, ничего не нашли, ни золота, ни серебра, ни драгоценной посуды или предметов культа, ни документов. Можно не без оснований заподозрить, что тамплиеры, предупрежденные

вовремя — дата их ареста была оговорена давно, но держалась в секрете, — спрятали все самое дорогое. Для Филиппа Красивого это была явная неудача, поскольку он надеялся захватить не только богатства ордена, но и компрометирующие документы, которые позволили бы вынести тамплиерам быстрый и убедительный приговор. В Тампле, парижской резиденции тамплиеров, королевским лучникам удалось схватить только людей. Все это очень странно.

Устойчивая традиция, о которой недавно напомнил в своей книге Жерар де Сед, гласит, что в ночь перед арестом тяжело-груженные повозки выехали из ворот парижской резиденции ордена и направились на запад, естественно к Жизору, где их содержимое поместили в замковую крипту, о которой было известно только тамплиерам. Иначе говоря, в знаменитой часовне под донжоном, которую так долго искал Роже Лемой — и множество других авантюристов после него, — покоятся архивы ордена Храма. К несчастью, эта блистательная гипотеза не выдерживает никакой критики.

Во-первых, крайне сомнительно, чтобы кортеж повозок смог выехать из парижской резиденции тамплиеров накануне начала арестов не замеченным парижанами или, по крайней мере, шпионами Филиппа Красивого. Во-вторых, если предположить, что этим повозкам удалось проскользнуть сквозь окружение стражников, выставленное по приказу короля, почему груз привезли и спрятали в Жизоре, в *королевском* замке, который охраняли солдаты *короля*? Даже если допустить, что лучшее укрытие — в пасти льва, все это, по меньшей мере, странно. И даже если повозкам удалось вырваться из Парижа, то они направились бы скорее за границу, в земли, не подчинявшиеся французскому королю. Священная Римская империя, Арагон и Бретань были слишком далеко: оставалась одна Англия. По этому поводу надо заметить, что если во Франции долго и настойчиво искали казну тамплиеров, то в Англии о ней слухом не слыхивали. А по логике именно в Англии стоило бы ее искать — если, конечно, эта казна действительно существовала.

Остается гипотеза о перевалочном пункте — правда, им могло стать не командорство, поскольку за всеми владениями тамплиеров уже следили, а монастырь или замок поблизости от Жизора или в самом Жизоре. Оттуда груз должны были переправить дальше. В этом нет ничего невозможного, но ведь доказательств этой гипотезы у нас нет? У нас нет никаких признаков, что события развивались по этому сценарию. Вполне возможно, что папа Климент V предупредил великого магистра Жака де Моле о грозившей ордену опасности. Согласно свидетельствам, полученным во время судебного процесса, Жак де Моле якобы радовался тому, что успел спрятать *тайный устав* ордена Храма до наступления рокового дня. Было бы очень странно, если бы папа римский, единственный, кому подчинялся орден, не принял некоторых предосторожностей, прежде чем дать согласие на арест и пытки тамплиеров: отношения между папством и орденом тамплиеров, отношения нормальные и законные, должны были оставить хоть какие-то следы. Но следов нет.

Между всем вышесказанным и утверждениями, будто казна тамплиеров и орденский архив были спрятаны в крипте под замком Жизора или, в крайнем случае, в часовне Св. Екатерины — построенной спустя два столетия после роспуска ордена, — простирается бездонная пропасть. Сценарий, безусловно, увлекательный, но он не имеет ничего общего ни с исторической реальностью, ни с археологическими данными. И никакая рукопись 1307 года — или предположительно 1307 года, — подлинность которой серьезно поставлена под сомнение, да к тому же обнаруженная при весьма туманных обстоятельствах, никак не может стать весомым доказательством.

Впрочем, жанр исторической загадки тем и хорош, что ничего не потеряно окончательно: вместо прежней неубедительно гипотезы всегда найдут другую. Мы видели, что гипотеза о сокровище тамплиеров в Жизоре крайне шаткая: она основана только на предположениях. Тогда выдвинули иной тезис, который в этот раз был подкреплён обильной документальной базой.

Тезис таков: в искомых сундуках, которые якобы хранились в часовне Св. Екатерины — единственная крипта, чье существование неопровержимо доказано, — находились не бумаги или казна тамплиеров, а секретные архивы таинственного Приората Сиона, основанного первым иерусалимским королем Готфридом Бульонским задолго до тамплиеров. Впоследствии члены Приората *тайно* участвовали в создании ордена тамплиеров, но вышли из него во время знаменитой рубки жизорского вяза. Якобы этот Приорат Сиона существовал параллельно с орденом тамплиеров и продержался до наших дней: именно члены Приората спрятали свой архив в жизорской крипте, прибавив туда часть бумаг ордена Храма. Этот тезис столь же абсурден, как и любой другой. Проблема заключается в том, что подлинность документов, опубликованных так называемым Приоратом Сиона под видом «секретных досье», мягко говоря, сомнительна¹.

Всегда сложно судить о документах, которые созданы в далеком прошлом и как будто всплывают в нужный момент. Точно так же можно только удивиться странному поступку группы, решившей познакомить широкую аудиторию с секретными досье, которые ревниво оберегала от посторонних глаз на протяжении не одного столетия². Такие открытия случаются время от времени, и историки всегда рады использовать их в работе. Но перед этим надлежит установить происхождение документа. Нельзя строить гипотезы на непроверяемых данных, даже

¹ Le Charivari, № 18 посвящен Приорату Сиона. В номере напечатаны якобы секретные документы и многочисленные комментарии. О некоторых из этих документов можно прочитать в книге Ричарда Борда (Bordes R. Les Merovingiens et Rennes-le-Chateau. Paris, 1984), и скептицизм будет вполне оправданной реакцией.

² Некоторые из этих документов были опубликованы самим Приоратом Сиона в книге под названием «Книга уставов» (Le Livre des Constitutions. Geneve, 1956). Представители Приората объясняют свой поступок тем, что пришло время обнародовать то, что долгое время хранилось в тайне.

если иногда приходится делать предположения в силу нехватки точной информации.

В истории немало примеров документов, сфабрикованных ради чьих-то интересов, подложных хартий, придуманных свидетельств и состаренных «пергаментов». В Средние века монахи некоторых аббатств слыли знатоками в таком жанре работ, стремясь либо повысить престиж своей обители, либо привлечь туда паломников, либо добиться налогового иммунитета, либо услужить знатным протекторам. В Гланстонбери, в Англии, по инициативе Генриха II Плантагенета монахи сфабриковали протокол вскрытия могилы короля Артура и королевы Гвинеvры. И поныне посетитель может позволить себе постоять перед гробницей этих именитых исторических персонажей. Вот почему следует быть крайне осторожным, когда речь заходит о документах, якобы проливающих новый свет на историческую загадку.

Кроме секретных досье, ни один документ, ни одна книга, посвященная рыцарским орденам, не упоминают о Приорате Сиона, что не может не удивлять: ведь речь идет об ордене, якобы основанном в незапамятные времена и сыгравшем судьбоносную роль в истории. Если верить членам Приората Сиона, этот орден был создан самим Готфридом Бульонским в 1099 году в Иерусалиме и сначала размещался в аббатстве Пресвятой Богородицы на Сионской горе. Готфрид Бульонский основал его неслучайно; якобы Приорат вел свое происхождение от древней секты, о которой не сохранилось никаких сведений. Более того, Готфрид Бульонский поддерживал связь с таинственными «братьями Красного креста». Нас уверяют, что красный крест был символом неких «мудрецов Света» — братства посвященных, придерживавшихся гностических взглядов, которое якобы было создано неким Ормусом или Ормессусом, жителем Александрии, обращенным в христианство Св. Марком.

Но этого недостаточно, чтобы доказать преемственность с новым орденом. Нас убеждают, что Приорат Сиона родился в результате союза группы Готфрида Бульонского, братьев Крас-

ного креста и сообщества ессеев. Через них Приорат Сиона привязывали к *иоаннитам*. Что могло стать бы с эзотерическими сектами, осторожно называемыми «философскими кругами», если они не прикрывались бы именем Св. Иоанна? Вообще-то нужно разобраться, о каком именно Иоанне идет речь: Крестителе или Евангелисте? А может, это другой Иоанн — Иоанн Апокалипсиса? Нам говорят, что это совсем не важно: в любом случае, уже давно принято различать Церковь Иоанна, несущую миру истинное послание любви, и «искаженную» Церковь Петра, которая пала из-за происков дьявольского эзотеризма и обмирщения. Но говорить так — значит забывать, что подлинным основателем христианской Церкви — вопреки знаменитой фразе из Евангелия — был не Св. Петр, а Св. Павел, чьи послания, написанные еще до Нового Завета, находятся у истоков римско-католической доктрины. Но для представителей Приората это не имеет никакого значения. Исходя из предположения, что в средневековом христианстве присутствовали тенденции иоаннизма (особенно на Ближнем Востоке), можно без труда допустить, что Приорат Сиона, раз уж он существует, был связан и с ними.

Как заявляют члены Приората Сиона, их орден был основан в Иерусалиме, но действовал тайно, без огласки до того момента, когда его руководители осознали, что для наибольшей эффективности им требуется примкнуть к официальной организации, внедренной в повседневную жизнь того времени. Именно тогда якобы и была создана — по приказу таинственных «неизвестных владык» — первая группа «бедных рыцарей Христа», или орден Храма. Ну и, конечно, трое его основателей, Гуго де Пейен, Бизоль де Сент-Омер и Гуго Шампанский, состояли в Приорате Сиона... Орден тамплиеров, «эзотерическое» творение эзотерической организации, стал в какой-то мере воинством, посланным в мир, но всецело подчинившийся Приорату Сиона, за которым сохранялось право принимать важные решения. Все это сильно напоминает добротный шпионский роман. Но не будем заблуждаться: в этом сценарии религиозные

и метафизические составляющие почерпнуты из верных источников, хоть иногда и кажутся подозрительными.

Покровительства Св. Иоанна недостаточно для того, чтобы убедительно доказать преемственность, поэтому в дело пустили все, что касается таинственного Ормуса, вкупе с гностической традицией и изначального маздеизма: «мудрецы Света» являются сынами Света, то есть потомками последователей великого иранского бога Ахура-Мазды, символа Света, ведущего извечную борьбу с силами Тьмы, представленными Ахриманом, которого христиане привыкли называть Сатаной. А Ахура-Мазда известен на Западе под искаженным именем Ормузд. Вот так сюрприз — вновь встретить бога персов в лице мифического Ормузда! Синкретизм всегда оправдывал себя в области религии, особенно если дело касалось так называемых религий «мистерий». От этого «сверкающего» Ормуса-Ормузда не так далеко до жизорского вяза (*орте*); не забудем и о парижском вязе, росшем перед церковью Сен-Жерве, куда частенько приходили франкмасоны. И разве деревья не имеют особого символического значения?

Как бы то ни было, нас старательно убеждают, будто основав орден тамплиеров, Приорат Сиона тайно влился в него. Также нас заверяют, что после окончательной гибели Иерусалимского королевства одни братья Ормуса обосновались в приорстве Сен-Самсон д'Орлеан, в то время как другие беспрепятственно вступили в ряды тамплиеров или осели в маленьком приорстве Мон-де-Сион, в Сан-Жан-ле-Блан около Орлеана. Вот почему с этого времени орден Сиона стал называться Приоратом Сиона. По меньшей мере, об этом написано в секретных досье.

Но это еще не все. В 1188 году под Жизором был срублен вяз. Но, оказывается, срубили его вовсе не из-за ссоры, разгоревшейся между Филиппом-Августом и Генрихом II Плантагенетом, как полагают историки. Событие произошло во время настоящей церемонии разрыва: разрыва между рыцарями тамплиерами и Приоратом Сиона. Нам объясняют причины этого

разрыва, и нельзя отказать им в логике. Известно, что во время падения Иерусалима поведение тамплиеров, в особенности их великого магистра Жирара де Ридфора, было более чем подозрительным. Жирара обвиняли в том, что он стал предателем и вероотступником ради спасения собственной жизни. Доказательств этой версии нет, и тайна Жирара де Ридфора так и осталась нераскрытой. Это факт. Согласно же секретным досье после падения Иерусалима «неизвестные владыки» Приората Сиона якобы возложили всю ответственность за поражение христиан на тамплиеров: тамплиеры предали свое дело и не выполнили задачу, поставленную самим Готфридом Бульонским. Тогда-то лидеры Приората Сиона решили отколоться от ордена Храма, предоставив ему идти своей дорогой, а самим снова создать независимый и тайный орден. По правде сказать, странный разрыв, который, однако, объясняет, почему во время процесса над тамплиерами никто не встал на их защиту. Кажется, что досье Приората считают наказание тамплиеров вполне заслуженным. Наконец, мы читаем в досье, что великим магистром Приората стал некий Жан де Жизор, принявший имя Жана II, поскольку номер I всегда сохранялся за Христом. Позади все так же маячит тень Иоанна, уж не знаю какого именно... Все великие магистры, сменявшиеся на посту руководителей Приората Сиона, носили имя, или, точнее, прозвище Иоанн. Далее в секретных досье следует перечень этих великих магистров, где мы без особого удивления встречаем имена Никола Фламелья, Леонарда да Винчи, Виктора Гюго, Клода Дюбусси и Жана Кокто...

Приорат Сиона якобы пережил орден тамплиеров благодаря своему тайному существованию. И одна из целей этой подпольной организации — по крайней мере, так написано в секретных досье — была возвести на трон Франции истинного наследника Меровингов, прямого потомка Дагоберта II. Получается, что с самого основания деятельность Приората предусматривала низвержение всех узурпаторов. Тогда можно задать вопрос: а не Приорат ли Сиона побуждал представителей

Лотарингского дома, потомков Готфрида Бульонского, притязать на французскую корону, не он ли направлял убийц Генриха III и Генриха IV, посоветовал Никола Пуссену написать его мистическую картину «Пастухи Аркадии», а затем втайне сообщить Никола Фуке об опасном секрете, который привел к его гибели, спустя некоторое время — почему бы и нет — к смертельному приговору для Людовика XVI. Все возможно. В истории есть смутные периоды и события, о которых нам хотелось бы узнать больше. Почему бы не видеть руку Приората в «братстве Св. Причастия» и «заговоре Святош» (XVII век), участники которого, между прочим, из всех сил старались спасти Фуке? Известно, что тремя «руководителями» этого братства были Венсан де Поль, Жан-Жак Олийе, основатель Сен-Сулпис, и Никола Павильон, епископ Але. Нам еще многое неясно в отношении Венсана де Поля, и в его жизни хватает необъяснимых периодов. Что касается Сен-Сулпис и Але, находящихся сравнительно недалеко от Ренн-ле-Бэн, то Приорат, как кажется, интересовался этими краями, что, возможно, свидетельствует о его влиянии. И правда, История — это большой круговорот, где встречаются одни и те же действующие лица.

Но в данном случае История потревожена незначительно. «Если Готфрид Бульонский действительно основал „аббатство Мон-Сион“, то ничего не свидетельствует, что там размещался какой-нибудь орден. На самом деле, это аббатство просуществовало до 1187 года, а затем было переведено в Сен-Леонард, в Акре. Последний из монахов, живших в Акре, умер на Сицилии в 1291 году. Людовик VII привез с собой из крестового похода монахов из Мон-Сион и поселил их в Сен-Самсон д'Орлеан (ранее Сен-Симфорьен), который только что даровал иерусалимскому клиру. Именно туда с XIV века поместили на хранение архивы аббатства Мон-Сион. Пожалование Людовика VII (1152 год) было подтверждено в 1158 году папой Адрианом, который предложил монахам из Орлеана жить по уставу Св. Августина. Монахи жили в Сен-Самсон до 1519 года, до начала их реформирования, а в 1617 году церковь и иму-

щество перешли к иезуитам, основавшим королевский коллеж в Орлеане. В реальности с XIII века Сен-Самсон пребывал в состоянии полного упадка. В нем жило только два капитульных каноника в 1284 году и один в 1291 году»¹. Все вышеизложенное никак не связано с тамплиерами, а уж тем более с Приоратом Сиона.

В реальности — ибо реальность всегда есть — теперь совершенно четко ясно происхождение некоторых документов о Приорате Сиона. «История Приората Сиона текстуально заимствована из произведений Жака-Этьена Марсони де Негра, французского франкмасона и полиграфа XIX века, которого дважды выгоняли из ложи Мисраима (первый раз в Париже под именем Марсони, второй раз в Лионе под именем Негра), что побудило его основать свою собственную ложу — ложу Мемфиса»².

О чем, собственно говоря, идет речь? Согласно этому писателю (Марсони), апостол Св. Марк якобы крестил жившего в Александрии «ангельского священника» по имени Ормус. С шестью своими последователями Ормус основал в Египте общество посвященных «мудрецы Света». Ессеи были связаны с Ормусом и его учениками до 1118 года, когда они передали свои тайны палестинским рыцарям (в то время Гаримонд был патриархом Иерусалимским). Орден восточных масонов осел в Эдинбурге в 1150 году, а во Франции стал действовать только с 1814 года по инициативе неизвестного персонажа, Самуэля Хони. Между 1839 и 1854 годами Марсони вспомнит об этой легенде, изменив имя Ормус в Ормезиус. На этом основании Марсони и создал в 1839 году ложу восточного Мемфиса, включавшего девяносто пять ступеней; иерофант занимал девяносто шестую ступень³. Но пересказывая эту легенду, Жак-Этьен

¹ Robin J. Rennes-le-Chateau, la colline envoutee. Paris; Guy Tredaniel, 1982. P. 87.

² Robin J. Ibid. P. 84.

³ Bayard J.-P. Le symbolisme maconique des hauts grades. Paris; Ed. du Prisme, 1975. P. 259.

Марсони де Негре и словом не обмолвился про тамплиеров и Приорат Сиона. А ведь можно без труда подтасовать карты: заменить «восточных масонов», обосновавшихся в Эдинбурге, на монахов из Сен-Жан-ле-Блан. Дело сделано, и Приорат Сиона обретает многовековую историю и право давать логичные объяснения касательно основания ордена Храма. А как полезно поискать в забытых углах библиотечных фондов никому не известные книги или рукописи, содержание которых никто не станет проверять. Это позволяет их использовать в собственных интересах, чего авторы этих документов, конечно, и представить себе не могли.

Что сказать об этой исправленной и подделанной истории? Первое, что приходит в голову, — отнести ее в разряд фикции, как Железную Маску или несчастного Людовика XVII. Но это слишком легко. Нельзя просто отбросить спорный тезис — все равно остается загадка, которую он призван объяснить. Как говорится — дыма без огня не бывает.

Больше всего раздражает в лживой истории Приората Сиона то, что непонятно, во имя чего она была придумана. Допустим, орден тамплиеров был основан не без тайного содействия уже давно существующего братства — в конце концов, нет ничего невозможного. Допустим, что Готфрид Бульонский действительно приложил руку к созданию этой таинственной организации. Все-таки Готфрид остается довольно необычным персонажем в истории. Не забудем, что Готфрид — или его окружение — распространяли слухи, будто он потомок Лозгрин, знаменитого рыцаря с лебедем, сына Парцифалья. Готфрид явно хотел — или за него хотели — прослыть представителем знаменитого рода, чья история неразрывно связана с Граалем. И в этом он был не одинок: династия Лузиньянов числила среди своих предков фею Мелузину, а Генрих II Плантагенет жаждал, чтобы его считали потомком и наследником короля Артура.

В основании тезиса о Приорате Сиона — вне зависимости, существовал ли этот Приорат на самом деле или нет — есть крупинка правды, даже если документы, представленные в под-

тверждение реальности этого общества, не достойны доверия. Почему бы не выдвинуть следующую гипотезу: жизорское дело было «сварганено» из обрывков легенд и истории, чтобы стимулировать поиски и, возможно, найти подлинные документы, спрятанные в подземельях Жизора? Это объяснило бы упорство, с которым Роже Лемой проводил свои раскопки. Это позволило бы объяснить и связь между Сокровищем Жизора и тамплиерами, а также своевременную публикацию секретных досье Приората Сиона. Главное в этом деле — знать, кто манипулировал всеми этими событиями.

Жизор — сердцевина запутанного клубка предположений, возможностей, неточностей. Но он также своего рода перекресток, куда сходятся все пути, в конце которых, возможно, кроется внятное объяснение загадки Храма. Нет — или, точнее, больше нет — никакой часовни Св. Екатерины. Но подземелья Жизора по-прежнему существуют, и далеко не все они удостоились стать объектом археологических раскопок. Более того, всякий раз, когда вход в подземелья оказывается доступен, раскопки стараются оттянуть — зачем, спрашивается? — вплоть до того, что заливают открытые ходы бетоном. Известно, что у северного фасада церкви находится меровингское захоронение, но никогда не старались узнать, а что же оно собой представляет. Известно, что тамплиеры занимали жизорский замок в течение всего лишь несколько месяцев, за которые они физически не успели бы организовать в нем серьезные строительные работы. Но равным образом известно, что тамплиеры сыграли определенную роль в истории Жизора, пусть даже выступив посредниками между англо-нормандцами и французами. Известно, что строить замок начали еще до основания ордена Храма, и потому тамплиеры никак не могли повлиять на составление его плана. Но некоторые детали крепостной стены и донжона имеют явное сходство с другими памятниками, возведенными уже самими тамплиерами. Известно, что рисунки в «Башне Пленника» созданы значительное время спустя после роспуска ордена и легендарный Никола Пулен никак не мог

числиться в рядах ордена. Но все-таки рисунки несут несомненную печать влияния тамплиеров. Известно, что раскопки проводились под замком и церковью Жизора, но не привели ни к какой существенной находке. Однако не было предпринято ничего, чтобы поиски завершились позитивным результатом.

Это ли причина стольких слухов, версий и догадок о Сокровище, якобы спрятанном в подземельях Жизора? Может ли нам облегчить разрешение загадки тот факт, что план замка совпадал с расположением солнца и звезд на небе в ночь на 25 декабря 1090 года? Могут ли ученые диспуты о числах, зашифрованных в замке или церкви, дать ключ к «двери, ведущей в запертый дворец короля»? Все зависит от того, что найдут позднее, когда решатся наконец разобрать руины, оставшиеся от ордена Храма.

Можем ли мы довериться игре слов в деле, где каламбуры иногда приобретают точное значение? Этот способ часто использовался в Средние века, особенно в эпоху, когда жили тамплиеры, причем нередко серьезными авторами. Все долго считали, что в подземельях Жизора *покоится золото (gisent ors)*; но то была ошибка. Сокровище и архивы тамплиеров, если они сохранились и поныне — и если они вообще существовали, — находятся вне Жизора (*gisent hors*). Быть может, именно нам предстоит узнать, в каком памятном месте оно сокрыто на самом деле.

Глава IV

ТАМПЛИЕРЫ ПОВСЮДУ

Поскольку орден Храма был основан в Палестине с целью защиты паломников, направляющихся в Иерусалим, было бы разумно и логично искать в Святой Земле орденские учреждения. Конечно, они там были и занимали немаловажное место во времена крестовых походов. Также присутствие тамплиеров заметно и на Кипре, который в ту эпоху служил незаменимым плацдармом для крестоносцев и наблюдательным постом за всем Ближним Востоком. Однако нельзя не удивиться тому, как много учреждений тамплиеров существовало в те времена в Западной Европе, Испании, Англии, Ирландии и, прежде всего, во Франции. В Испании присутствие тамплиеров объясняется войной за отвоєвание полуострова у мусульман; тамплиеры сражались там за те же идеалы, что и в Палестине. Но в других странах? Ирландии, как известно, не грозила опасность быть захваченной «неверными» — по крайней мере, если понимать под «неверными» мусульман. А ведь есть неопровержимый факт: начиная с XII века большая часть Западной Европы была просто усеяна — если не сказать изрешечена — учреждениями тамплиеров, их храмами, командорствами, обычными домами или поместьями, крепостями. Окрестные земли также часто принадлежали ордену, и площадь их увеличивалась не переставая. Так что же делали тамплиеры на территориях, находившихся на значительном отдалении от Ближнего Востока?

На этот вопрос историки отвечают просто и понятно: чтобы обеспечить себя материальными средствами, необходимыми

для борьбы с «неверными», пропагандировать идеи крестового похода, вербовать новых крестоносцев, нужно было постоянно присутствовать на землях Западной Европы. В конце концов, население Западной Европы должно было оказывать поддержку христианам Востока. Более того, неслучайно тамплиеры оседали на пересечении крупных дорог и коммуникационных потоков Европы. Это отвечало жизненной необходимости: быстрому перемещению людей, материалов и продовольствия к портам Средиземноморья. Все это логично и разумно. Но есть ли и другие причины?

Разбросанность учреждений тамплиеров по всему пространству Западной Европы вовсе не обязана простой случайности. Конечно, после собора в Труа (1128 год), официально признавшего орден, тамплиеры получили многочисленные дары от крупных сеньоров, желавших внести свою лепту в крестоносное дело, и, по большей части, эти дары, будь то земли или постройки, находились в разных концах Европы. Чаще всего речь шла о целинных землях, которые еще предстояло обработать. Но тамплиеры, которые, по всеобщему признанию, были прекрасными администраторами, практиковали то, что сегодня принято называть «укрупнение земельного хозяйства». Они продавали — или обменивали — одни владения, чтобы затем приобрести другие. На деньги, получаемые от дарителей, они также покупали земли. Кажется, что вся эта деятельность была подчинена строгому плану, имевшему целью превратить владения тамплиеров в связующее звено между самыми отдаленными краями Западной Европы и средиземноморскими гаванями, разместив их поблизости от основных торговых маршрутов. Факт неоспоримый: большинство орденских командорств находились в стратегических точках экономической, социальной и политической жизни Европы. В общем, создается впечатление, что система учреждений тамплиеров сильно напоминает необъятную паучью сеть, наброшенную на Европу. И если такое положение вещей действительно можно объяснить заботой об эффективности ради достижения цели ордена

тамплиеров, ты мы вправе задать вопрос: а в чем, собственной, заключалась эта цель? Часто говорят о «двойном дне» тамплиеров. Но прежде чем приписывать им эзотерические мотивы, быть может, стоит как следует разобраться с политическими? В конце концов, орден Храма был основан для того, чтобы надзирать за дорогами. В Палестине, конечно. Но почему не в Европе? Разве не могла одна и та же структура преследовать две параллельные цели, тем более что они друг другу не противоречили? Тамплиерам приходилось добывать себе средства на континенте, и к их обязанностям вполне могла прибавиться еще одна задача, более секретного характера: папство было всецело заинтересовано в том, чтобы установить контроль над европейскими дорогами, поскольку желало навязать свои идеалы зачастую очень беспокойным государям. Кто контролирует дороги — тот контролирует страну. Нужно иметь в виду эту гипотезу, если мы хотим получить объяснение величия, а затем стремительного падения ордена Храма. В любом случае, этой версией не стоит пренебрегать.

Итак, как мы видели, в ряде важных пунктов тамплиеры основали свои знаменитые командорства, следы которых в наши дни можно найти не только в виде развалин, сохранившихся или реставрированных зданий, но и в форме топонимов. Известно, что название мест сохраняется даже после того, как исчезает социальная группа, давшая им имя. Нужно ли напоминать, что название Париж происходит от галльского племени паризиев, живших там во времена Цезаря и Верцингеторикса?

Однако нужно соблюдать осторожность при составлении карты тех мест, где тамплиеры возводили свои постройки или просто занимали уже существующие здания, или мест, где они владели только землей. Конечно, скорее всего, местность, носящая распространенное название «тамплъ» (Храм), принадлежала ордену. Но это название не указывало на присутствие тамплиеров, напротив, термин «тамплъ» существовал в топонимике еще до основания ордена, и далеко не всегда он связан с рыцарями в плащах с красным крестом. Часто так называли

развалины, особенно римских времен, а иногда этот термин присваивался какой-либо местности из-за того, что там раньше было языческое капище. В Алезе, в Дубе, которая, возможно, раньше была Алезией Верцингеторикса, на выходе из поселка находится место, носящее имя «Тампль Белен»: нет никаких сомнений, что ранее там располагалось святилище солнечного бога галлов Беленоса. Есть и другие примеры. Кроме того, не будем забывать о влиянии протестантизма: в некоторых областях название «тампль» применительно к хуторам и местечкам означает, что в свое время там собирались приверженцы реформатской Церкви, особенно в тот период, когда протестантам, которых преследовали официальные церковные власти и королевская полиция, приходилось исповедовать свою религию подпольно.

Итак, нельзя верить в присутствие тамплиеров в тех или иных местах только на основании данных истории края: термина «тампль» для этого недостаточно. Добавим, кстати, что слово «тампль» далеко не всегда указывает на наличие религиозного здания. Это мог быть простой дом или поместье, земельный участок, принадлежавший ордену тамплиеров и иногда находившийся очень далеко от крупных построек. И уж тем более это не означает, что в указанном месте размещалось орденское командорство. Командорства тамплиеров нельзя было встретить на каждом шагу: оно было своего рода «главной резиденцией» ордена в отдельном регионе, которому подчинялись менее важные здания и поместья, разбросанные по области. В Ло-е-Гаронн на месте современной коммуны Тампль-сюр-Ло раньше находилось командорство тамплиеров: от него сохранились отдельные постройки. Соседняя же коммуна называется Гранж-е-Ло: имя доказывает, что в этом месте были фермы, принадлежавшие командорству. Напротив, в Луар-Атлантис, в коммуне Тампль-ле-Бретань, никогда не было ни командорства, ни самих тамплиеров. Что же касается легенд, то их сохранилось невиданное множество. Например, в небольшом курортном городке с минеральными водами Грей-ле-Бэн

до сих пор гордятся тем, что в их краях когда-то побывали тамплиеры. Рассказывают, будто именно рыцари Храма построили великолепный замок, подступы к которому преграждали овраги со стороны Вердона. Действительно, этот четырехугольный замок, усиленный с западной стороны двумя башнями, является прекрасным примером военной архитектуры средневековья. Однако, к сожалению поклонников тамплиеров, он был построен в середине XIV века госпитальерами, принадлежавшими к другому ордену монахов-рыцарей, которым в 1312 году досталось имущество ордена Храма. Однако местная легенда гласит, что по цитадели до сих пор бродит призрак тамплиера, некогда замурованного в крепостной стене. И это не единственный пример устойчивых легенд о тамплиерах, которые сохранились в тех местах, где на самом деле рыцарей ордена Храма и в помине не было.

Все это показывает, какое важное место занимали тамплиеры в коллективной памяти. Спустя долгие годы после их официального исчезновения, тамплиеров все еще продолжали встречать повсюду. Так, в Париже великих магистров ордена госпитальеров, наследников тамплиеров, еще долго звали «великими магистрами Парижского Тампля», а бретонские легенды, повествующие о знаменитых «красных монахах», имеют в виду не только храмовников, но и госпитальеров. В этой путанице нет ничего необычного: разве мог простой народ различить рыцарей Храма и Св. Иоанна Иерусалимского? Ведь и одни и другие были воинами-монахами и преследовали сходные цели. Однако это обстоятельство вовсе не упрощает поиск мест, где действительно строили или, по крайней мере, жили тамплиеры. Во всяком случае, присутствие слова «тамплъ» в топонимике недостаточно для того, чтобы подтвердить гипотезу о пребывании рыцарей Храма в местности, особенно если об этом совсем не упоминается в архивах и истории края.

Напротив, топоним «Красный крест», который обычно оставляют без внимания, служит точным указанием; в большинстве случаев он действительно свидетельствует о присутствии

тамплиеров в тех или иных краях (даже если речь идет о простом поле). Известно, что красный крест был эмблемой рыцарей Храма (официально с 1148 года), а белый — эмблемой госпитальеров. Итак, говорим Красный крест — получаем тамплиеров, белый — госпитальеров, и путаница в данном случае исключена — при условии, что название возникло действительно давно.

Иначе дело обстоит с местностями, носящими название «Командорства». Конечно, есть большая вероятность, что мы столкнулись со следами присутствия ордена Храма; но речь может идти и о госпитальерах или других орденах с иерархической структурой, включающей степень командора, вроде рыцарей госпитальеров Св. Духа или Св. Антония Вьеннского. Равным образом сложно узнать, обозначают ли топонимы «Рыцарство» или «Кавалерия» места, где разводили лошадей, рыцарский фьеф или командорство. Также обстоит дело и в случае с названиями «Рыцарь» или «Рыцари», нередко встречающимися на карте Франции. Термин «Grange» («рига») чаще указывает на присутствие тамплиеров, чем «Ferme» («ферма»), однако и здесь нельзя быть полностью уверенным; наряду с местами, названными «Grange du Temple», часто встречаются и пункты, обозначенные как «Ferme du Temple». Нужно также учитывать и такие топонимы, как «Вильнеф-дю-Темпль» и «Бург-дю-Темпль»: они указывают не столько на то, что в этих краях ранее существовало орденское командорство, но скорее на любую деятельность тамплиеров. Что же касается названий «Ла Вильдье», «Мадье», «Л'Опиталь», «Л'Оспитале», «Ла Маладрери», то их, конечно, можно отнести на счет тамплиеров (как в случае с Ма Дье де Руссильон), но в целом они одинаково свидетельствуют об активности как ордена Храма, так и других орденов, которые занимались приютом для паломников и лечением больных.

Особо надо выделить топоним, на который никогда не обращали внимания: Ла Башеллери. Этот термин происходит от латинского слова *baccalaria*, первоначально означавшего «уступку земли взамен повинности». Впоследствии *baccalaria*

стали называть важную средневековую повинность, которая в западных регионах Франции выражалась в починке дорог, пристаней и земляных насыпей. Эта обязанность (башелье — *bachelier*) вменялась сеньорам, монахам или простолюдинам, которые взамен освобождались от выплаты налогов. Известно, что в XII–XIII веках самыми крупными башелье были тамплиеры. Поэтому, скорее всего, в большинстве местечек, названных «Башеллери», мы обнаружим следы присутствия храмовников, что, в свою очередь, только подтверждает тезис, согласно которому размещение орденских хозяйств вдоль путей сообщения составляло своего рода сеть, призванную контролировать дороги. Ведь именно в этом, что ни говори, заключалась первоначальная миссия ордена Храма. Просто из Палестины ее распространили на Европу. А поскольку тамплиеры телом и душой были преданы папству, европейские государи косо смотрели на их контроль над дорожными трактами. Это объясняет — по крайней мере, отчасти — почему Филипп Красивый с таким ожесточением стремился уничтожить орден Храма, после того как ему не удалось подчинить его своей власти.

Итак, мы видим, что тамплиеры создали европейскую инфраструктуру, отлаженный и бесперебойно действующий механизм. Именно этой инфраструктуре, отчасти напоминающей паутину, орден Храма обязан своим отлаженным механизмом (обеспечивающим переброску рыцарей в Святую Землю), а также своим экономическим могуществом и, как следствие, политической ролью. Все исследователи, когда-либо занимавшиеся светской деятельностью ордена, обращают особое внимание на очень эффективные и передовые для своего времени методы. Но это внешняя сторона истории ордена — верхушка айсберга. Внутренняя сторона, подводная часть айсберга, будет открываться нам постепенно, шаг за шагом: современники ордена, за исключением самых прозорливых, даже не догадывались о ее существовании. Нужно признать, что системе, созданной тамплиерами, на самом деле была присуща определенная двойственность, что, в конце концов, и привело к гибели

ордена, вне зависимости от того, какой была в реальности тайная сторона деятельности рыцарей Храма. Вот почему орден Храма интриговал столько исследователей; они знали, что за внешним обликом скрывается потайное дно.

Разновидностью этой двойственности, свойственной ордену тамплиеров, является командорство. В нашей памяти это слово отдается странным отзвуком. Правда, в ту эпоху чаще использовали более общий термин, «дом», «резиденция», нежели «командорство». Но речь идет не о простом доме, а о целом пространстве, застроенном самыми разными зданиями. Прежде всего храм, церковь или простая часовня, иногда место посвящения, известное лишь нескольким членам ордена. Но также командорство — это «монастырь, сеньориальное хозяйство, центр сети отношений и клиентелы. Там встречаются самые разные люди: их положение, статус, обязанности сильно отличаются; но все они братья или люди ордена. Командорство укрывает и оказывает покровительство огромной семье ордена Храма»¹. Вот почему Жизор нельзя вычеркивать из списка мест, где обосновались тамплиеры, даже если официально там жили только трое тамплиеров на протяжении нескольких месяцев. За действия троих тамплиеров из Жизора несло ответственность командорство, к которому они были прикреплены, а как следствие, и весь орден. Жесткая структура ордена Храма не разрешала ни малейшего сбоя в своем механизме (частная жизнь храмовников складывалась по-иному). Все было взаимосвязано. И пусть Жизор никогда не был центром командорства, просто крепостью тамплиеров или тайным святилищем, это замок и его подземелья, послужившие отправной точкой нашего расследования, являлись частью гигантской паутины. Есть множество укрепленных замков, мест, чье положение сходно с тем, что занимал Жизор в структуре орденских владений.

Разберем несколько самых интересных примеров. В этом вопросе трудно быть исчерпывающим: говорят, что у ордена

¹ Demurger A. Vie et mort de l'ordre de Temple. Paris, 1985. P. 129.

Храма было около восьми тысяч командорств в Европе, то есть во Франции, Англии, Ирландии, Германии, Италии, Испании и Португалии! Конечно, «эта цифра несколько преувеличена, или, точнее, она включает и сами командорства, и их подчиненные им хозяйства... Во Франции, этой колыбели ордена Храма в Западной Европе, где тамплиеры познали наибольший успех и получили богатейшие пожалования, находилось около семи сотен настоящих командорств, которые состояли в среднем из десяти владений, не считая отдельных домов и разбросанных полей, возможно, даже целых деревень»¹. Не так уж и мало. Из этих семи сотен командорств, рассеянных по территории современной Франции, то есть на землях, в то время принадлежавших Французскому королевству, Священной Римской империи, графству Тулузскому, герцогству Бретонскому и королевству Английскому, некоторые играли незначительную роль, но другие пользовались несомненным влиянием. Выбор между ними будет совершенно произвольным: делая его, мы прежде всего руководствовались доступной информацией.

Поскольку мы отталкиваемся от Жизора, не будет лишним попытаться — в целях понять роль этого города — изучить следы присутствия тамплиеров вокруг знаменитой крепости. Словно случайно, Нормандия была особенно «богата» командорствами и резиденциями ордена Храма. В этом нет ничего удивительного, поскольку эта область была своего рода связующим звеном между англо-нормандской монархией и Французским королевством. Уже одно это обстоятельство побуждает нас настаивать на политическом аспекте ордена тамплиеров: так или иначе, но орден врос в повседневную жизнь своего времени, даже если он отчасти и руководствовался мотивациями эзотерического порядка. И вовсе не по воле слепого случая важнейшие резиденции тамплиеров были построены в нижнем течении Сены, в этой стратегической зоне, которую так

¹ Bordonove G. La vie quotidienne des templiers au XIII siecle. Paris, 1975. P. 117–118.

яростно оспаривали друг у друга два королевства. Ближе всего к Жизору и границе по реке Эпта располагалось командорства Сент-Этьен де Реннвиль, Шаню, Бретмар, Бургул (современный департамент Ор); чуть дальше находились командорства Сент-Вобур, подле Руана, и Ла Женете, в лесу Румар (современный департамент Сен-Маритим). В остальной Нормандии можно отметить командорства Бретвиль-ле-Рабель (Кальвадос), Божи и Байе (все тот же Кальвадос), Волканвиль и Котанс в Манше, Френо, возле Се, и Вилладье, под Турном, в Орне.

Командорство Бургул, разместившееся неподалеку от Жизора, некогда подчинялось Руанскому диоцезу и находилось в приходе иподьяконов нормандского Вексена, в виконстве и элексьон Вернона, в женералилите Руана. Одним из основателей этого командорства был некий Робер Крепен, сын Госселена, барон Этрепаньи и сеньор Дангю. В Средние века семейство Крепен-Дангю соперничало с династией Аркуров, которые буквально засыпали орден Храма дарами. Не желая отставать от своих недругов, Робер де Крепен подарил шестьдесят акров земли в приходе Аркенси, в лесах Бургу. Другие представители этой фамилии также преподнесли ордену дары, благодаря которым командорство смогло расширить подвластные ему территории и разбогатеть. У него появились владения в Андели, Каэнье, Сен-Венсан-де-буа и в Дангю. В самом Бургу, центре командорства, расположенном на склоне холма сельской общины Аркенси, тамплиеры возвели манор и часовню, посвященную св. Иоанну Крестителю. Эти здания были разрушены в XVIII веке мальтийскими рыцарями (ранее звавшимися госпитальерами), которым требовалась место под постройку более современных корпусов. Храм был перестроен в 1768 году, а на месте старой часовни появился дом фермера. В наши дни командорство тамплиеров находится на частных землях, но от первоначальных построек ничего не сохранилось. Допустим, что сокровище тамплиеров в ночь накануне 13 октября 1307 года действительно было вывезено из Парижа в западном направлении; но тогда можно также предположить, что его провозили

через Бургу, прежде чем спрятать за пределами королевства, вероятно в Англии. Напротив, командорство Бургу никак не могло быть замешано в деле трех тамплиеров из Жизора в 1160 году или в событиях, связанных с рубкой вяза, поскольку было основано только в начале XIII века.

Командорство Сант-Этьен де Реннвиль (коммуна Сант-Коломб-ля-Шампань) было далеко не самым древним и важным опорным пунктом тамплиеров в регионе. В 1147 году Ричард д'Аркур, представитель одного из самых могущественных семейств в Нормандии, распорядился построить в Сент-Коломб, в епархии Эвре, часовню Сен-Этьен, которую он пожаловал вместе с фьефом рыцарям Храма (не считая прочего движимого имущества). Впрочем, Ричард д'Аркур не только передал ордену свои земли, но и сам облекся в плащ тамплиеров. Не стоит путать его с племянником и тезкой, Ричардом д'Аркуром, который отправлялся сражаться в Святую Землю и участвовал в осаде Акры. Его имя фигурирует среди свидетелей, подписавших грамоту Ричарда Львиное Сердце, в которой этот английский король подтверждал за великими магистрами ордена Храма права на все милостыни, иммунитеты, вольности и кутюмы, пожалованные рыцарям тамплиерам в его государстве. Что же касается первого Ричарда д'Аркура, то он окончил дни в ордене и был похоронен в церкви командорства Реннвиль. Его надгробие сохранилось до сих пор.

В 1200 году другой представитель семейства д'Аркур, Роберт, подтвердил за тамплиерами право «владеть Сент-Этьен де Реннвиль». В составленном по этому случаю акте он признал все дарения, сделанные его предшественниками, так же как и права на любое имущество, которое могли передать ордену его рыцари, подвассалы и ленники, и отказывался в пользу орденских братьев от всех своих судебных и сеньориальных прерогатив в отношении уступленных земель. Более того, он отдал тамплиерам церковь Тиллель-Ламбер с ее доходами и двумя акрами земли, принадлежавшими фьефу Эмар, которые уже давно находились в пользовании у рыцарей-монахов.

Таким образом, это командорство было самым богатым и могущественным во всей Нормандии как по протяженности своих владений, так и по уровню доходов. В XIII веке командорство получило еще ряд дарений. Известно, что в 1312 году, когда имущество ордена перешло к госпитальерам, площадь владений командорства Ренневиль составляла сто девяносто акров пахотной земли, что было немало по тем временам. Командор ордена вершил суд низшей и средней инстанции и обладал различными правами на территории соседних приходов.

Резиденция командорства представляла собой большой дом с двумя башнями, прекрасной часовней, чьим патроном был Св. Стефан, задним двором, состоявшим из сада, роши, восемнадцати акров земли, обнесенной живой изгородью, и рва, пролежавшего вдоль дороги от Небурга до Сен-Малена. В конце XV века манор был перестроен командором госпитальеров Филиппом де Майи. Устояв посреди революционных бурь, здание было снесено в 1847 году по непонятной причине. От него осталось только несколько разбросанных камней да пара колонн с каннелюрами. Место, где ранее располагалась часовня, так и не удалось отыскать, и хотя известно, что под основанием бывшей резиденции сокрыто немало подземелий и пещер, до сих пор никто не удосужился провести раскопки, чтобы найти следы того, что некогда было самым древним и богатым командорством Верхней Нормандии. Можно ли предположить в этом некий умысел с целью утаить от нас какую-то тайну?

Расположение командорства Сент-Этьен де Реннвиль, его значение к моменту столкновений между Плантагенетами и Капетингами, его влияние, древность, в конце концов, побуждает нас задать несколько вопросов. Не хранится ли под фундаментом старого командорства некий тщательно оберегаемый секрет? Быть может, в этой резиденции тамплиеров хранилось все — или часть — предполагаемого орденского «Сокровища», тайно вывезенного из Парижа накануне ареста? Уединенность командорства, тот факт, что под властью госпитальеров оно поддерживалось в хорошем состоянии, а также его беспричин-

ное уничтожение в XIX веке — нам есть над чем задуматься. Возможно, кто-то просто хотел привлечь внимание общественности к Жизору как раз затем, чтобы клад тамплиеров мог спокойно лежать в Реннвиле? Конечно, это не более чем гипотеза, но, если вдуматься, она не так уж и абсурдна.

Другое крупное командорство региона находилось в Сен-Вобур (иначе Валь-де-ла-Эй), под Руаном, на правом берегу Сены. С самого основания ордена тамплиеры обосновались в Руане, этом важнейшем городе в нижнем течении Сены, где пересекались водные и сухопутные торговые маршруты. Первоначально их дом — определенно, он еще не мог быть командорством — находился в районе современной улицы Кордельеров. Ордену также принадлежал еще один дом на улице Банаж, возле церкви Сен-Лоран. Только в 1173 году король Генрих II Плантагенет подарил храмовникам свой манор и угодья, простиравшиеся от Сент-Вобур до Валь-де-ла-Эй. Аббат Бека и его монахи, под юрисдикцией которых находились эти земли, дали свое согласие. Впоследствии Ричард Львиное Сердце и Иоанн Безземельный подтвердили дарение грамотами от 1194 и 1199 годов и объединили пожалованное их отцом со всеми землями, что тамплиеры могли получить в Нормандии. Тогда-то командорство значительно увеличило принадлежащие ему земли за счет разных фьефов и городских домов, преимущественно в Руане и Кодебек-ан-Ко. Дом в Кодебеке, точнее, его величественный фасад все еще можно увидеть, тогда как резиденция в Сен-Вобур не сохранилась. От часовни не осталось даже камней, но по счастливой случайности ее витражи были спасены. В свое время их сняли и отвезли в аббатство Сен-Дени. Затем их отреставрировали и поместили в более подходящее место — часовню тамплиеров в командорстве Вильдье-ле-Морепа, которая в наши дни находится в новом городе Сен-Квентен-ан-Ивелин. Это единственные витражи тамплиеров, которые дошли до наших дней. На одном из них изображены Богородица и коленапреклоненный тамплиер, одетый в голубое одеяние и белую шапочку, с маленьким крестом в красном

круге. На остальных витражах можно увидеть рыцарей тамплиеров: создатели соблюли цветовую иерархию ордена, представив рыцарей в белых плащах, сержантов, оруженосцев — в черных, с большим красным крестом на плече.

Здание, которое обычно принято называть командорством Женетей, располагавшееся возле леса Румар, неподалеку от Сен-Мартен де Бошервиль, на самом деле было простым домом тамплиеров, подчинявшимся командорству Сен-Вобур. Пусть оно и не сохранилось в первоначальном виде, по крайней мере, у нас есть точный план этого дома и его пристроек. (Сейчас это здание принадлежит одному из членов «Международной группы исследований ордена тамплиеров», который заботливо его реставрирует. Можно надеяться, что эта внушительная постройка, принадлежавшая тамплиерам, будет спасена для будущих поколений.) Этот дом представляет собой просторный жилой комплекс с множеством каминов. Стены сложены из камня. В доме только один этаж и сводчатый погреб. Перед зданием находится круглый колодец. В круглой башне, пристроенной к дому, наверх ведет винтовая лестница. Вероятно, раньше эта башня была выше, чем сейчас, и служила наблюдательным постом: ведь дом, возведенный на возвышенности, господствует над одной из излучин Сены.

Конечно, этот дом не был командорством. Но его значение было настолько велико, что нельзя считать его простой фермой. К несчастью, у нас нет ни одного документа, который помог бы ответить на вопросы, возникающие в отношении этого здания тамплиеров. В Женетей — как и в Жизоре — тайна тамплиеров ощущается сильно как никогда. Дом в Женетей мог быть тайным перевалочным пунктом — поскольку о нем мало что знали — в то время, когда предполагаемое «сокровище» тамплиеров перевозили по направлению к Англии. Путь из Парижа в порт на побережье вполне мог проходить через Жизор, Бургу и Женетей. В этих гипотезах нет ничего невозможного.

Как правило, учреждения тамплиеров в Нормандии пользовались покровительством англо-нормандских государей и

благоволением папства. Не забудем, что, по крайней мере, в XII веке ряды крестоносного воинства пополнялись в основном за счет англо-нормандских рыцарей. Командорства и разные орденские дома в Нормандии представляли собой идеальные перевалочные пункты, а также стратегические плацдармы вдоль дороги, ведущей в Лондон, где находилось крупное командорство, чьи представители оказывали сильное влияние на королей из династии Плантагенетов.

Однако главная резиденция ордена Храма во всей Европе размещалась в Париже. Став местом трагедии в годы революции — там пребывала в заточении королевская семья, — парижский Тампль в XIII веке был настоящим городом в городе, государством в государстве. Парижский Тампль был зримым, материальным символом могущества ордена тамплиеров.

В 1143 году король Людовик VII передал рыцарям Храма земли по соседству с Гревской площадью. Братья ордена построили там комплекс зданий и отдельную пристань на Сене. Чуть позже они приобрели заболоченную целину в районе, который в те времена назывался Маре (Болото), а ныне составляет значительную часть третьего и четвертого округов Парижа. Тамплиеры расчистили, осушили и разработали эти запущенные площади: они привлекли к работам многочисленных парижан, которые стали светскими членами ордена, и начали обустривать свой знаменитый «анклав». Этот анклав представлял собой просторный прямоугольный участок земли, обнесенный стенами высотой в двадцать четыре фута с бойницами и круглыми башнями. В стене были только одни ворота, усиленные двумя большими башнями, и подъемный мост, находившийся напротив современной улицы Фонтендю-Тампль. Донжон был, по меньшей мере, трехэтажным; к нему примыкали четыре угловые башни, в одной из которых была лестница. Донжон был построен в южной части участка, на том месте, где сейчас находится улица Эжен-Спулер, между северным углом мерии третьего округа и решетки сквера Тампля.

Почему тамплиеры построили настолько мощно укрепленную и внушительную крепость в пределах Парижа? Зачем они старались отгородиться от остального города, постепенно расширяя границы своих владений за счет жителей некоторых кварталов? Именно в этот момент Святая Земля была утрачена для христиан, и тамплиерам пришлось отступить в Европу. Именно тогда они захотели превратить парижское командорство в «головную» резиденцию ордена и впоследствии исполнили свой замысел. Странно, однако, что крепость, построенная в сердце Французского королевства, была сравнима с самыми неприступными орденскими замками Палестины. Ведь в правление короля Людовика IX Святого они добились покровительства французской монархии, и вроде бы им ничто не могло угрожать Париже.

Конечно, можно видеть в этой грандиозной постройке символ величия и даже своего рода вызов, брошенный королю. Известно, что в период подъема городов бюргеры, избавившись от опеки со стороны своего сеньора или епископа, тут же стремились построить высокую башню, символ их собственного могущества, напротив замкового донжона и колокольни кафедрального собора. Почему тамплиеры не могли открыто продемонстрировать свою силу и подчеркнуть независимость в отношении королевской власти и епископата?

Есть тем не менее практическое объяснение столь опасного и вызывающего поведения ордена: выбранный тамплиерами квартал вовсе не был безопасным местом. Контингент, живший по соседству с резиденцией храмовников, заслуженно пользовался дурной славой: сегодня бы мы назвали его «разношерстной кампанией», готовой на все. В окрестностях современной улицы Франк-Буржуа находился знаменитый «Двор Чудес», где кишмя кишели воры и убийцы. В этих местах легко могли обокрасть или зарезать, а королевская стража не могла ничего поделать. Более того, с начала XIII века парижский Тампль стал «центральным банком» Западной Европы, и туда даже поместили на хранение королевскую казну. Все это

объясняет, почему тамплиерам пришлось окружить свою резиденцию столь мощными укреплениями. Известно, например, что лондонское командорство ордена, также выполнявшее банковские функции, неоднократно захватывали и грабили бандиты. Несомненно, парижские рыцари Храма хотели любой ценой избежать подобных инцидентов. На кону была репутация ордена: разве можно доверять банкирам, которые не умеют уберечь даже собственные деньги?

Ведь тамплиеры, в прошлом бедные рыцари Христа, теперь превратились в настоящих европейских банкиров. Они подзабыли о своей первоначальной миссии, если не сказать, ловко уклонились от нее. Впрочем, как заметил Жорж Бордонов, «не стоило бы совсем отрицать намерения упрочить могущество тамплиеров, его высокое положение в феодальной иерархии». Есть и другая интерпретации: когда орден обрел экономическое могущество первого плана и стал политической силой, с которой приходилось считаться, ему стали завидовать, и можно было ждать иной ситуации в случае изменения условий. Можно даже сказать, что в ордене Храма заранее предвидели события 1307 года: столкновение с королевской властью. Но когда это столкновение все же произошло, тамплиеры не сумели или не захотели воспользоваться полученными преимуществами.

Конечно, на территории парижской резиденции была своя церковь: сначала простая романская часовня, построенная в форме ротонды, чей купол поддерживали шесть колонн. В XIII веке ее перестроили, существенно расширив площадь храма. Часовня превратилась в настоящую церковь.

По поводу этой романской часовни с круглой ротондой возникало немало споров, поскольку это единственное в своем роде здание во Франции, за исключением таинственного храма в Ланлеффе (Кот-де-Норд), который, возможно, и не принадлежал тамплиерам. Напротив, постройки такого образца часто встречались в Англии, например в лондонской резиденции ордена. Некоторые исследователи хотели доказать, что этот архитектурный тип присущ исключительно постройкам

тамплиеров, но это абсурдная точка зрения. Помимо храма в Ланлеффе есть церкви, которые начали строить еще до основания ордена Храма, и они во многом сходны с нашей моделью: например, церковь Неви-Сент-Сепулькр, которая датируется 1042 годом. Есть и похожая церковь на Востоке — это *Anastasis* храма Святого Гроба Господня в Иерусалиме, в подражание которой был построен собор в Ахене. Другие строители также следовали этой модели: так, сходным образом выглядят церкви в Кембридже и Нортгемптоне. «Желание подражать *Anastasis* сливалось здесь с англо-нормандской традицией, согласно выражению Эли Ламберта, и в более широком смысле, древней оккультной традиции кельтов»¹. Понятно, что храм круглой формы мог прийти по душе христианизированным кельтам: он навевал воспоминания о прародительском *nemeton*, то есть священной поляне посреди дикого леса, единственное святилище, которое было у друидов, символизировавшее часть неба (*net*), спроецированного на землю. Знаменитый и таинственный храм в Ланлеффе относится именно к этой категории. Долгое время считалось, что это римский храм, но оказалось, что речь идет о простой романской церкви, построенной в XII веке, с ротондой и округлым боковым нефом. По тому же плану возведена и базилика Св. Креста в Кимперле (Финистер). В этом архитектурном типе нет ничего исключительно «тамплиерского»; просто строители первой часовни в парижской резиденции тамплиеров следовали веяниям своего времени.

От парижской резиденции ничего не сохранилось. Госпитальеры, получившие этот комплекс зданий после роспуска ордена Храма, оставались там еще долгое время и, конечно, перестраивали сообразно собственным нуждам. Однако обычаи, связанные с этим местом, просуществовали вплоть до начала Великой Французской революции, в особенности право убежища. Как написал Себастьян Мерсье в «Парижских ночах», «там не нужен труд привратника; приказ об аресте не

¹ Demurger A. Vie et mort de l'Ordre Temple. P. 155.

имеет силы за этими дверьми. Должник может спокойно побеседовать со своими кредиторами стоя на пороге, приветствовать их, взять за руку. Если он сделает шаг за порог, то тут же будет схвачен. Испробовали все средства, чтобы выманить его за ворота, но он остерегался попасть в ловушку». Все это показывает, какими широкими привилегиями пользовались владения ордена.

Но, как известно, камень стареет, и далеко не всегда к нему относятся с должным уважением. Модернизация Парижа в XIX веке и крупномасштабные урбанизационные работы, затеянные бароном Османом, определили судьбу того, что некогда было самым могущественным оплотом тамплиеров в Европе. В наше время за исключением улиц, по-прежнему носящих имя рыцарей Красного креста, лишь нескольких разбросанных обломков напоминают нам о тамплиерах; можно различить следы основания угловой башни старой стены, расположенной между домом № 32 на улице Пикарди и домом № 73 на улице Шарло, или то небольшое, что осталось от отеля де Барр, построенного тамплиерами в XIII веке, возле дома № 52 на улице Отель де Виль; на этом месте находится стрельчатый подвал с двумя галереями. На одном из сводов первой галереи высечен герб с крестом тамплиеров. На втором своде изображена розетка с листвой. Некоторые авторы утверждают, что в этом месте происходили обряды посвящения и церемонии, в которых могло участвовать только ограниченное число орденских советников. Но как знать, так ли было на самом деле? Возможно, речь идет о хранилище десятины. Но мы четко знаем, что этот подвал несомненно принадлежал тамплиерам.

Около Парижа, в Морепа (теперь в городе Сен-Кантен-ан-Ивелин), сохранились здания старого и могущественного командорства. Часовня, которую продали в эпоху Великой Французской революции как часть национального достояния, на долгое время превратилась в здание фермы, до тех пор пока не задумали ее отреставрировать и сделать культурным центром. Эту постройку отличают явные черты военной архитектуры:

колокольня часовни могла служить наблюдательным постом. Три здания фермы находятся поблизости. Создается впечатление, что это командорство в Вилледье было крупным сельскохозяйственным центром посреди посевных площадей Боса и настоящей зерновой «здравницей» организации тамплиеров.

То же самое мы имеем и в случае с Куломье, в Бри, где и в наши дни можно увидеть командорство — великолепный комплекс построек XII–XIII веков. Одно время, когда командорство превратили в ферму, его собирались разрушить, чтобы соорудить на его месте жилые помещения для рабочего люда. Но благодаря совместным усилиям историков, археологов и жителей Куломье это внушительное свидетельство пребывания тамплиеров в этих краях было спасено: с помощью молодых добровольцев, стекавшихся со всей Европы, командорство удалось отреставрировать. Часовня и командорские покои были приведены в состояние, дающее представление об их первоначальном облике. С этого времени командорство стало культурным центром — ведь иногда это единственный способ сохранить от уничтожения наследие прошлого.

Во Франции есть еще одно командорство подобного типа — в Провене (в том же самом Бри). Известно, что в Средние века Провен наряду с Парижем и Руаном был одним из самых значимых городов Франции, где устраивались ярмарки, на которые съезжались купцы со всей Европы. Командорство в Провене было очень богатым: ему принадлежали земли в Вале, возле холма Фонтен-Риоль, один большой дом в Мадлене, в верхнем городе, и другой — перед церковью Св. Креста, не говоря об окрестных угодьях. Это командорство «специализировалось» на торговле вином. Вследствие многочисленных дарений графов Шампанских орден превратился в собственника семидесяти домов и лавок в Провене: большинство из них располагались в самых выгодных для коммерции местах и были окружены садами. Тамплиеры получали постоянный доход с этой недвижимости. Также им принадлежала львиная доля всех мельниц в округе, с которых им также поступало немало прибыли.

А поскольку храмовники имели обыкновение предлагать привлекательные цены, число их клиентов беспрестанно росло, вызывая протесты конкурентов. Все это только подтверждает, насколько продуманно тамплиеры управляли своими владениями, и показывает, как они могли преумножить свое состояние благодаря получаемым и сразу же пускаемым в дело доходам: они придавали толчок экономической жизни на пользу потребления. В общем говоря, тамплиеры способствовали лучшему распределению продуктов во всех социальных слоях, подготовив то, что сейчас принято называть обществом потребителей.

Но эта экономическая деятельность, необходимая не только для крестовых походов, но и для самого существования ордена, не освобождала воинов-монахов от их религиозных обязанностей. Это легко понять, если взглянуть на список храмов, которые либо принадлежали тамплиерам, либо были построены под их руководством.

Самым прекрасным примером, без сомнения, является храм в Лане, на нынешней день лучше всего сохранившийся из церковных зданий тамплиеров. Часовня командорства, основанного в XII веке, находится в южной части верхнего города. Часовня выполнена в романском стиле, восьмиугольной формы, с колокольной на крыше и хорами, перерастающими в абсиду со сферическим сводом. Нужно отметить, что алтарная ниша расположена точно напротив церковных врат. Эта церковь в форме многоугольника, которую считают характерной чертой так называемого искусства тамплиеров, на самом деле не имеет ничего общего с церковью Гроба Господня в Иерусалиме; даже если тамплиеры часто прибегали к такому типу постройки, то он вовсе не присущ им одним и существовал задолго до ордена Храма. Некоторые исследователи хотели провести параллель между этой архитектурной формой и Храмом Господним в Иерусалиме, куполом Скалы, которому, как известно, придали форму восьмиугольника. На самом деле в Западной Европе уже существовала традиция восьмиугольных часовен, особенно часовен при кладбищах: например, восьмиугольное

здание в Монмориллоне, которое долгое время ошибочно приписывали тамплиерам (в реальности его построили до них). Орденская часовня храмовников принадлежит как раз к этому архитектурному типу: у нее восемь сторон, островерхая крыша с башенкой, и нет круговой галереи. «Но образец ее находится не на Востоке, а в Лане, в аббатстве Сен-Венсан, где при кладбище еще до появления тамплиеров в городе была построена восьмиугольная часовня»¹. Создается впечатление, что восьмиугольная форма связана с древними часовнями при кладбищах: в старой символике зодиака число восемь, соотносящееся со знаком Льва, напоминает о воскресении.

Уже давно считается, что часовня XII века в Меце, подле арсенала, была построена тамплиерами. Явных доказательств тому нет. Тем не менее мы видим там те же характерные признаки: восемь сторон, в каждой из которых пробито окно под аркой. Из проема в восьмой стороне открывается вид на квадратные хоры, которые продолжают апсиду. Скорее всего, там тоже нашло свое место представление о воскресении. Таким образом, очень соблазнительно видеть в восьмиугольной форме жизорского донжона если не руку тамплиеров, то, по крайней мере, их влияние. В любом случае, вспомним, что крепости возводили те же самые строители, что работали над сооружением часовен и кафедральных соборов. Более того, в ту эпоху привычного для нас различия между сакральным и мирским, религиозной и светской сферами жизни еще не существовало. Как следствие, мы вправе считать, что любая конструкция, возводимая с сугубо материальными целями (включая военные укрепления), выполняла и духовную задачу. Но упомяну в который раз, речь идет об общем для всего средневековья феномене: нет ничего, что могло бы указать на явное вмешательство тамплиеров.

Однако как раз такая версия может получить подтверждение на примере командорства Сур, в Босе, около Шартра.

¹ Demurger A. Vie et mort de l'ordre du Temple. P. 155.

Командорство было основано в 1192 году, когда Адель Шампанская, вдова Тибо, графа Блуаского и сенешаля Франции, завещала ордену Храма свои земли и постройки в Суре. Это дарение было признано ее детьми и затем подтверждено королем Филиппом Августом.

Сур стал значимым центром организации ордена, и ему подчинялся дом храмовников в Шартре, основанный в 1225 году, когда строили знаменитый шартрский кафедральный собор. В некоторых кругах так называемых герметистов считают, что в Суре в обстановке строжайшей секретности проводили инициационные церемонии, в которых участвовали только избранные члены ордена, державшие в своих руках настоящие бразды правления. Прибавляют также, что Сур был «Центром центров», местом сосредоточения всего тамплиерского эзотеризма. Почему нет? К несчастью, у нас ни малейшего доказательства. Напротив, легко установить связь между этой тамплиерской традицией, не поддающейся проверке, и реальной исторической традицией, восходящей ко временам Юлия Цезаря, согласно которой область карнутов (то есть шартрский регион), некогда поросшая густыми зарослями лесов, была религиозным центром друидов всей Галлии. Именно там, по словам Цезаря, друиды собирались каждый год в тайном святилище посреди леса (*nemeton*) и разрешали все возникнувшие вопросы. Поскольку многие из тех, кто принадлежал к герметическим и эзотерическим кругам, были совершенно уверены, что доктрина тамплиеров, по меньшей мере, отчасти унаследована от друидов, весьма соблазнительно было превратить Сур, расположенный в самом сердце Боса, в истинное святилище древних друидов, центр инициации тамплиеров. Проблема, однако, заключается в том, что мы очень мало знаем о друидизме и почти ничего — о доктрине тамплиеров.

Сходные слухи ходили и про Пейн — родину основателя и первого великого магистра ордена Храма Гуго де Пейена или Пейна — и про лес по соседству — Лес Востока. Этот лес разделен на четыре части. К северо-западу находится Малый Восток,

в центре — Великий Восток, к северо-востоку — Шпора, и к юго-востоку — лес Храма. Четко известно, что тамплиеры жили в этом лесу, возвели там здания, дома, крепости и фермы. Также совершенно справедливо и то, что этот лес представлял собой надежное укрытие благодаря густым зарослям деревьев и болотам: это место просто идеально подходило для того, *чтобы спрятать там что-то*. Поэтому и вообразили, будто сокровище тамплиеров зарыто где-то в болотах леса Востока. После того как Святой Грааль напрасно искали в Монсегюре или Гластонбери, решили, что надо вести поиски в лесу Востока, который, по словам некоторых энтузиастов, является не чем иным, как настоящим Броселиадским лесом. Кроме того, если хорошенько поразмыслить, на ум приходит и другая мысль — а ведь лес Востока находится не так уж и далеко от Труа, родины Кретьена де Труа, прославленного французского поэта, который первым заговорил о Граале и его таинственной процессии. Чтобы выдвинуть новую гипотезу, большего и не требуется. Приверженцы этой теории, стремясь придавать ей больше веса, обратили внимание на тот факт, что часть леса называться *Великий Восток*; исходя из этого они попытались доказать связь между масонами и тамплиерами и свести все к поиску Грааля: дескать, сокровище тамплиеров было не материальным, а духовным — то есть, попросту говоря, Граалем. Почему бы и нет? Ведь Кретьен де Труа, описывая процессию, сопровождавшую Грааль, не сообщил нам, *что же именно находилось в сосуде*, который он назвал *Граалем*. Выходит, нам предстоит отвечать на этот вопрос. А если вспомнить, что Гуго де Пейен, основатель ордена Храма, был сеньором этого региона и именно в Труа на церковном соборе 1128 года обнародовали официальный устав тамплиеров, можно еще многое предположить... Но главное в этом деле — не делать поспешных заключений.

Другие авторы утверждают, что сокровище тамплиеров поκειται вовсе не в лесу Востока — впрочем, и не в Жизоре. В коммуне Шантене, возле Вильнеф-сюр-Сон — уверяют нас

они, — есть один феодальный замок. Местные легенды гласят, что как раз в этом замке, в так называемой «Башне Красоты», и должны были спрятать сокровище — или клад — тамплиеров; ведь в этой самой башне пробито восемь окон, расположенных симметрично по отношению к центру. Снова всплывает знаменитый восьмиугольник, число восемь, которое, напомним, в древнем зодиаке символизировало Льва — воплощение воскресения. Но ничто не указывает, что эта башня была построена тамплиерами. И поскольку ни один исторический документ не подкрепляет эту версию, сочли необходимым провести эксперимент из области иррационального. Так, один известный эзотерик провел в замке Аржини ритуальные церемонии, чтобы вызвать одиннадцать тамплиеров, которые, согласно легендам, охраняли сокровище, скрытое в донжоне. Но, увы! Несмотря на все мыслимые предосторожности и точное соблюдение предписанных ритуальных действий, «духи» отказались открыть место, где покоится сокровище. Они вроде бы упомянули вскользь, что сокровище не имеет никакого отношения к деньгам и философскому камню. По правде сказать, рыцарей Храма подозревали в занятиях алхимией. Настойчивые служители эзотерики продолжили свои поиски и вызвали тень великого магистра Гильома де Боже. Почему именно Гильома де Боже? Потому, что в одном документе, датированном 1745 годом, содержатся упоминания о возможном перезахоронении Гильома в области Аржини. Как бы то ни было на самом деле, призрачная тень тамплиера на вопрос о Великой Тайне, якобы ответствовала, что апокалипсическое время слишком близко, чтобы она могла позволить себе быть разговорчивым. И только потому сокровище ордена Храма в Аржини до сих не удалось найти. Стоит напомнить, что этимологический смысл слова «апокалипсис» означает «откровение».

Все вышесказанное не только не дает никакого объяснения загадке, связанной с тамплиерами, но и рискует отвлечь нас от истинных проблем, которые никогда не были решены, несмотря на то что являются исторической реальностью.

Например, возьмем проблемы Ла Рошели. Все филиалы ордена Храма были созданы ради одной-единственной цели: облегчить коммуникации с средиземноморскими гаванями, чтобы беспрепятственно отправлять в Святую Землю людей, материалы и средства к существованию. Известно, что у ордена в Ла Рошели было крупное командорство и там рыцари-монахи держали торговый флот. Однако всем очевидно, что Ла Рошель не имела никакого отношения к маршруту на Ближний Восток. Конечно, можно предположить, что этот дорогостоящий флот, состоящий из множества кораблей, с личным составом, де-юре принадлежавший ордену Храма, поддерживал связи между Францией, Англией и Португалией, а также Бретанью, которая не была частью французского королевства. Но нет: в XII веках город и порт Ла Рошели входил в состав империи Плантагенетов. Так зачем же тамплиерам был нужен этот флот и что с ним случилось после роспуска ордена? Ответа нет. Но на первых кораблях, достигших берегов Америки, можно было увидеть Красный крест — особенно на судах эскадры Христофора Колумба. Вот в чем странность.

Используя этот факт в качестве отправной точки, некоторые авторы создали настоящую эпопею. Якобы тамплиеры плавали в Америку — после викингов, конечно, чьи открытия сейчас общепризнанны, но зато до Христофора Колумба и Васко де Гама. Забавно, но этот загадочный флот ордена иногда связывали с кельтами, преимущественно с ирландцами. Почему? Точкой отсчета этой «эпопеи» послужила мексиканская легенда, которую мы узнали со слов конкистадоров и их писцов. Согласно этой легенде, в давние времена предки майя Юкатана и Гватемалы видели белых людей, высаживающихся на американском побережье. Корабли их показались майя прекрасными. Сами люди были высокого роста, красивые и голубоглазые. Одеты чужестранцы были в платье диковинного покроя и на груди носили эмблемы в виде переплетенных змей. Высадившись, они якобы стали жить среди майя и учить их. Спустя долгое время некий незнакомец появился в Юкатане. На мест-

ном наречии его звали Кетцакоатль, то есть «птица-змея», а на языке майя — Кукулькан, то есть «пернатый змей». Попав в плен в Чечен-Ице, он был брошен в колодец, но выжил. После того как его вытянули наверх, этот странный человек, носивший бороду, стал для индейцев чем-то вроде божества.

Это индейская легенда. Так или иначе, но она была распространена по территориям всей Центральной Америки. А уже изобретательные комментаторы связали ее с уэльскими или ирландскими легендами. Сначала с легендой о Мирдине (то есть Мерлине), который, если верить «Триадам острова Британии», вышел в море с другими бардами в направлении некоего «Стеклянного города», но так и не вернулся¹. Несомненно, речь идет о чистой воды мифологии, а «Стеклянный город» не что иное, как символическое воплощение Другого мира. Однако есть еще одна легенда, которая больше соответствует исторической реальности: легенда о Мадавге (Мадоке), сыне уэльского вождя Овейна Гвинедда, умершего в 1169 году. Этот Мадавг «вышел в море на десяти кораблях с тремя сотнями людей. Неизвестно, куда они отправились»². А поскольку в Северной Америке нашли странный монумент, построенный примерно в то же время, что и знаменитый храм в Ланлеффе, вполне оправдано будет допустить возможность высадки кельтских мореплавателей на американском континенте в XII веке. Во всяком случае, это предположение нельзя считать совершенно абсурдным.

Исходя из другой ирландской легенды о прославленном герое Кухулине — который якобы является Кукульканом народа майя³ — некоторые интерпретаторы разработали курьезную

¹ В действительности это разновидность легенды о заточении волшебника Мерлина феей Вивианой в невидимом замке. См.: Markale J Merlin l'Enchanteur. Paris, 1981. P. 111–124.

² Markale J. Les celtes et la civilisations celtiques. Paris, 1985. P. 281.

³ Это не так уж и невозможно. Ирландские легенды раннего средневековья полны рассказов об отважных мореплавателях и высадках на чужих берегах. Проблема же заключается в том, что невозможно отличить историческую память от самой мифологической структуры. См.: Markale J L'Europee celtique de l'Irlande. Paris, 1978. P. 122–128 (Болезнь Кухулина).

версию: «Поскольку легенда гласит, что примерно в XII–XIII веках другой „белый“ бородач высадился на побережье Юкатана и выдержал сложное испытание, когда его бросили в колодец, разве удивительно, что его стали считать посланником бога Кукулькана?» Известно, что тамплиеры должны были отпускать бороду. Также мы знаем, что у тамплиеров было много *серебра*, точнее сказать, *серебряных* монет. А поскольку этот металл был редким с Средние века, встает вопрос: где храмовники достали столько серебра? Отсюда и ответ: «Разве тамплиеры не могли плавать в Америку, особенно в Юкатан, где в избытке было серебряных рудников?» Вопрос не так уж и глуп, как кажется на первый взгляд. Ведь нужно как-то объяснить происхождение орденского *серебра* и роль флота тамплиеров в Ла Рошели. Можно вспомнить, что индейцы совсем не были удивлены, увидев паруса каравелл Христофора Колумба с крестом тамплиеров, который, кажется, был им знаком. Правда, крест являлся универсальным символом, и далеко не одного христианства. Тем не менее не стоит сразу отбрасывать эту гипотезу, поскольку она заслуживает, чтобы задать вопросы, которых обычно избегают.

Как видно, нет никакой необходимости прибегать к услугам «незримых сил», чтобы запутаться в многочисленных загадках, связанных с тамплиерами. Уже одно их присутствие во Франции окружено такой завесой тайны, что сложно определенно сказать, чем они занимались в действительности и в каких точно местах обосновались. Затем, повторим еще раз, тамплиеров, по крайней мере, *рыцарей Храма* было очень немного, особенно в Европе: несколько сановников, специалистов, раненых, больных или состарившихся рыцарей, которые не силах были сражаться в Палестине. Другие представители ордена, находившиеся на более низких ступенях иерархии — оруженосцы, рабочие, крестьяне, рабы, — которых привыкли причислять к тамплиерам, на самом деле были подчиненными или союзниками рыцарей Храма. Все это создает дополнительную путаницу.

Поэтому, например, в Бретани внедрение орденских филиалов до сих пор остается тайной, несмотря на документы в нашем распоряжении, и славе — признаться, чаще сомнительной — тамплиеров, сохранившейся в народной памяти. Кажется, что в Бретани было шесть прецепторий ордена. Тамплиеры владели имуществом в доброй сотне пунктов — часовнями, мельницами, амбарами, отдельными домами. Самые крупные командорства находились в Ла Герше (к нему принадлежали резиденции Храма в Рене и Витре) и в Ла Нуе ан Ивиньяк (Кот-дю-Норд). Менее важными были командорства Карентуар (Морбиан) и в Ла Фейе (Финистер), в Нанте и Клиссоне (Луар-Антлантик). Согласно традиции, конюшни в Ла Герше поставляли коней в Святую Землю, Ла Нуе был местом посвящения для монахов-рыцарей, а по пути на Квинтен на дорогах высились красные кресты. Впрочем, остается немало неясностей. Но, в любом случае, можно отметить, что военные ордена старались устроиться поблизости от старых римских дорог и вдоль побережья, возможно, с целью контролировать сухопутные и водные маршруты, ведущие в направлении к Сантьяго де Компостелла.

Топонимика сохранила множественные следы присутствия тамплиеров, которые тем не менее окружены ореолом тайны. Архитектурных памятников осталось немного, и все они довольно скромны: в общем они сводятся к простым часовням с единственным нефом или с одним боковым нефом, маленькой апсидой со сферической сферой, иногда увенчанной колокольней. Как правило, в них нет никаких декораций, как в храме в Клиссоне, с окнами-бойницами и массивными контрфорсами, в ораториях в Лимерзель (Морбиан) и Ла Нуе, или в романской часовне Сен-Кало, под Белзом (Морбиан), очаровательном островке у берегов Этела, вероятно, подчинявшейся командорству тамплиеров в л'Иль-о-Муэн, от которого ничего не осталось. Редкий декор можно отыскать в Брелевенезом, под Ланньоном (Кот-дю-Норд) и в Мерлеvenesе (Морбиан): южные портик украшен масками, розетками и сломанными

жезлами. Заметим, что оба топонима включают в себя слово *levenez*, означающее «радость», и это, наверное, не простая случайность. Почему «красные монахи», которые, кажется, не были непопулярными в XII–XIII веках, остались в народной памяти слугами дьявола, в наказание за свои грехи вынужденными скитаться неприкаянными после смерти, подобно вампирам, преследовать путешественников и утаскивать души грешников в ад? Если и существует в самом деле тамплиерская мифология, то искать ее надо в Бретани.

Конечно, повсюду рассказывали необычные истории про храмовников, но обычно они выглядят менее «дьявольскими». Так обстоит дело с легендами, сохранившимися в Безю, около Ренн-ле-Шато (Од), в таинственном Разе. Зачем, интересно, тамплиеры поселились в этом пустынном крае, вдали от всех, в стороне от основных дорог, на склоне горного пика? И что именно произошло в Безю после 13 октября 1307 года: рыцари Храма, которые жили в этих местах, в отличие от других своих собратьев во Франции, избежали ареста. Быть может, потому, что подчинялись командорству в Ма До, находившемуся на арагонских землях? Или они выполняли специальную миссию? Или обладали особым статусом? В деле тамплиеров из Безю осталось еще множество нерешенных вопросов. Но легендам это не помеха. Одна из них гласит, будто посреди развалин орденовских владений в Безю, на дне глубокого колодца, вот уже шесть сотен лет лежит серебряный колокол тамплиеров. И «каждую ночь с 12 на 13 октября он звонит; и тут вы увидите вереницу бледных теней, поднимающихся от заброшенного кладбища к замковым руинам; то умершие тамплиеры; они ищут церковь, их прежнюю маленькую церковь, чтобы отслужить там заупокойную по почившим душам. Зрелище, признаться, довольно впечатляющее»¹.

В других краях также не древние народные легенды задают тон, а интеллектуальные спекуляции, возникающие при виде

¹ Mazieres M.-R. Les templiers de Bezu. Rennes-le-Chateau. 1984. P. 30

живописных и интригующих обломков старины. Вот, например, командорство в Арвиле, возле Мондубле (Луар-е-Шер). Здания дошли до нас в практически неизменном виде, и при желании можно отыскать в них многочисленные алхимические «знаки». Если верить отдельным авторам, то настойчивый поиск может даже открыть путь к философскому камню. Аналой станет воплощением герметического послания, переданного через столетия, а на алтарном покрове виден геральдический пеликан, в котором только глупец не в силах различить символ розенкрейцеров и восемнадцатую ступень шотландского франкмасонства. Конечно, все это возникло гораздо позже ордена Храма; с другой стороны, перед нами — зримое подтверждение идеи, что масоны были продолжателями дела тамплиеров. Вдобавок можно объяснить богатство тамплиеров их знаниями в области алхимии — вообще-то это далеко не непреложный факт, но воображению он вряд ли повредит.

Хорошим примером является и чудесная деревушка Ла Кувертуарад, которая по сей день остается самым волнующим и выразительным памятником истории тамплиеров. Эта деревня находится в самом сердце Косс де Ларсак, в настолько уединенном месте, что в голову невольно приходит мысль: а зачем храмовники туда забрались? В XII веке графы Милло охотно принимали рыцарей Храма на своих землях, и те основали командорство в Сент-Элали, на берегу Сернона. Позднее тамплиеры расширили свои владения и приобрели два важных дополнительных дома: в Ла Кавалерии (название говорит само за себя) и Ла Кувертуарад. Они осели на плато в 1181 году. Сначала им принадлежал один простой дом, но к концу XII века рыцари-монахи были господами уже практически всего Ларсака, что не могло не вызвать зависть и раздражение сеньоров Нана и Рокфейля. Именно тогда Ла Кувертуарад стал важной резиденцией ордена: там проживали пожилые, больные или раненные в бою рыцари. В наши дни деревню все еще окружает стена, построенная в XV веке, которая не имеет никакого отношения к тамплиерам. Самый старый исторический памятник

расположен примерно в пяти сотнях метров от деревни: это церковь Сен-Кристоль, от которой остались лишь развалины. Неф этой церкви датируется XI веком, и тамплиеры, поселившись в этих краях, расширили ее еще до того, как в 1249 году построили рядом замок. Современный приходской храм был возведен уже после роспуска ордена. Но, как бы то ни было, Ла Кувертуарад остался одной из тех фантастических деревень, словно выросших из наброска художника, вдохновленного тайнами прошлого. В ветре, веющем над Коссом, можно уловить жалобные стенания рыцарей, не нашедших упокоения в другом мире. В Ла Кувертуараде — если умеешь различать голоса, слышные из далекого прошлого, из нашей памяти, — становится понятно, почему эти странные тамплиеры поселились в таком безрадостном крае, где солнце безжалостно жжет каменистую почву, а ветер, спускаясь с заснеженных горных пиков, леденит кожу. Мечта иногда ближе к реальности, чем пыльные документы, найденные в заброшенной архивной зале. Гед безраздельно царит запах плесени.

Итак, тамплиеры крепко хранят свой секрет. Во всех уголках Европы, чьи дороги они исходили вдоль и поперек, рыцари Храма оставили после себя завесу тайны, за которую не так-то легко проникнуть...

Часть вторая

**КЕМ БЫЛИ
ТАМПЛИЕРЫ?**

Глава I

ОСНОВАНИЕ ОРДЕНА ХРАМА

Даже если наибольший интерес вызывает деятельность тамплиеров в Европе, не будем забывать, что их существование прежде всего связано — и оправдано — с крестовыми походами. Иначе говоря, не было бы крестовых походов — не было бы и тамплиеров. Правда, иногда фразе придают противоположное звучание: без тамплиеров не было бы и крестовых походов. В этом-то и заключается вся двойственность существования ордена. Он был основан в Иерусалиме — а также в Труа. Он был создан, чтобы воевать на Ближнем Востоке, — но действовать также и в Западной Европе. Он был не только военным, но и монашеским орденом. Он был неотъемлемым орудием официальной политики папы римского и европейских государей, но одновременно тайным воинством, чьи цели до сих пор неизвестны. Тамплиеры были братством рыцарей-монахов, сражавшихся и умиравших во имя торжества христианской веры, но также группой лиц, отрекавшихся — это неоспоримо — от Христа. Они были общиной верующих, горделиво носивших на плащах символ Красного креста, но в то же время разношерстной толпой, стекавшейся в орден со всех уголков Европы и плевавших на распятие. Правда, что знамя тамплиеров, знаменитый Босеан, было черно-белым. Лучшего символа не найти, чтобы передать всю двойственность ордена Храма. Если, конечно, речь не идет об одной и той же реальности с двойным лицом.

Настало время изучить условия, в которых зародился орден тамплиеров, и каковы были мотивации его первых основателей.

Условия — крестовый поход. 27 ноября 1095 года пап Урбан II, только что прибывший в Южную Францию с целью ускорить продвижение реформирования Церкви (которую начал его предшественник Григорий VII), выступил с проповедью на провинциальном соборе в городе Клермоне. Перед собравшимися аббатами и епископами, среди которых можно было заметить нескольких светских сеньоров, он обрушился на клириков, торгующих церковным имуществом. Папа также осудил знатных мирян, в том числе и французского короля Филиппа I, за то, что они погрязли в праздности и роскоши и преступают установления Господни, нарушая мир Божий и сражаясь из корысти и тщеславия, как худшие из разбойников. Но любой грех можно искупить, и грешнику всегда открыта дверь к спасению. Вот тогда-то Урбан прямо с «макиавеллевской» ловкостью указал путь к спасению души: вместо того чтобы убивать своих братьев христиан, рыцари — которые только одно и умеют, что воевать, — должны отправиться в Святую Землю освобождать Гроб Господень. «Да станут отныне воинами те, кто раньше были грабителями. Пусть справедливо бьются против варваров те, кто в былые времена сражался против братьев и сородичей. Ныне пусть получают вечную награду те, кто прежде за малую мзду были наемниками. Пусть увенчает двойная честь тех, кто не щадил себя в ущерб своей плоти и душе»¹.

Этот красноречивый призыв — без сомнения, тщательно подготовленный — был тут же услышан. В конце XI века по всей Европе, и особенно во Франции, сословие мелкой знати и рыцарства было многочисленным и беспокойным. По правде говоря, никто не знал, что делать с этими буйными и алчными воинами. И вот теперь им представился случай удовлетворить

¹ Заборов М. А. История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977. С. 50.

свои запросы и утолить воинственный пыл к наибольшей выгоде для всех. Они могли бы приобрести добычу и новые земли, осесть на захваченных территориях. Вместо того чтобы навлекать на себя гнев королевского правосудия и порицание Церкви — за которым последовали бы анафемы, отлучения и грозные напоминания о Страшном суде, — смутьянам предоставлялась редкая возможность загодя получить пропуск в рай. Нельзя сказать, что такое случалось впервые. История знает множество подобных обещаний. Когда отдельные индивиды чересчур досаждают своему народу, грозя ему *изнутри*, их высылают *наружу*. Коннетабль Франции Бертран Дюгеклен точно так же поступил с Большими компаниями в эпоху короля Карла V. В период Третьей республики власти аналогичным образом избавлялись от нежелательных элементов, посылая их в африканские или азиатские колонии. Польза от такого метода двойная: во-первых, можно добыть для нации новые земли; во-вторых, люди, отправленные в завоевательный поход, могут выжить, могут умереть, но любом случае, обратно уже, как правило, не вернутся!

Крестовый поход явно устраивали ради сходных целей. И дело не меняет то, что его втиснули в рамки «духовности», выдвинули на первое место прославление Христа и спасение христианских душ. Позднее крестоносное движение переродится, превратившись в экономическое предприятие, даже если Людовик IX Святой и преподнесет крестоносцам урок нравственного поведения. Но в данный момент речь шла — по крайней мере, внешне — о том, чтобы избавить Европу от нежелательных рыцарей, «инвестировав их» в будущее. Будущее, которое было весьма многообещающим. И конечно, призыв, брошенный папой на Клермонском церковном соборе, встретил необычайно горячий отклик. Воодушевленные, но беспорядочные толпы бедноты пустились в путь, спрашивая друг друга на каждом привале, не Иерусалим ли виднеется впереди. Но вслед за этими народными массами, грабившими и убивавшими евреев в долине Рейна, крестьян в Венгрии и подданных

византийского императора, к Константинополю стягивались рыцари из Франции, Англии, Нидерландов и нормандской Италии. Византийский император Алексей Комнин, обеспокоенный создавшейся ситуацией, поспешил переправить их в Малую Азию. Пусть грабят других! Под другими подразумевались турки, захватившие малоазиатский регион в 1071 году. Победив турок в 1097 году, крестоносцы ворвались в Сирию с севера, осадили Антиохию в 1098 году и взяли штурмом Иерусалим 13 июля 1099 года. Опьяненные победой, они перебили все население Святого города. Среди погибших были и мусульмане, и евреи, и даже христиане. Иерусалим захлебнулся в крови. Но лучше, чтобы рыцари устроили бойню в Иерусалиме, чем в Париже или Провене.

Вот тогда-то и возникли первые христианские королевства Ближнего Востока. Готфрид Бульонский, предводитель победителей, отказался от королевской короны, которую ему предлагали соратники, и удовольствовался титулом защитника Гроба Господня. Но спустя год он умер, и первым королем Иерусалимским стал его брат Балдуин, граф Эдесский. Некоторые крестоносцы вернулись в Европу, исполнив свой обет — освободили Гроб Господень и совершили паломничество в Иерусалим. Ведь крестовые походы все же по сути своей были паломничествами, хоть и отправлялись в них вооруженными до зубов. Все-таки путь пилигримов по Европе вовсе не был тихим и безмятежным, учитывая опасности, подстерегавшие путника XI века на дорогах.

Другие крестоносцы, добыв себе земли, остались жить в Палестине и Сирии. Кроме того, христианам надлежало подготовить другие паломничества. Как только удалось освободить Святые места, жители Европы испытали прилив религиозного рвения: толпы пилигримов отправлялись в путь, чтобы помолиться на могиле Спасителя. Таким образом, возникла насущная необходимость организовать прибытие путников, обеспечить им проживание и безопасность: ведь далеко не все из тех, кто жаждал узреть Гроб Господень, были воинами и на все.

готовыми авантюристами. Однако доставшимся крестоносцам землям постоянно грозили набеги мусульман, укрепившихся в двух стратегических пунктах — Тире и Аскалоне. Борьба, если не сказать война на уничтожение, велась между двумя враждебными лагерями, и передвигаться по дорогам к Иерусалиму было очень опасно. Главный тракт, который вел от Яффы к Иерусалиму через равнину Рамлы, стал полем непрекращавшейся битвы. Кроме того, наплыв паломников привлекал не только торговцев «сувенирами», но и разбойников, охочих до чужих кошельков. Поэтому обычно пилигримы отправлялись в дорогу группами и платили наемникам за охрану и сопровождение.

Конечно, в Святой Земле уже существовал институт, посвятивший себя заботе о странниках: орден госпитальеров. Мы мало что знаем о возникновении этого ордена. Официальная история, составленная в последующие годы, гласила, что госпитальеры вели свое происхождение от самого Иоанна Крестителя. Определенно можно сказать только одно: орден госпитальеров был образован примерно в то же время, что и Иерусалимское королевство, где-то в 1099 или 1100 годах. Первоначально орден состоял из монахов или мирян, подчинившихся монашескому уставу (как правило, бенедиктинскому). Они принимали, предоставляли кров, кормили и, в случае необходимости, лечили путников в своих домах или монастырях. Но миссия госпитальеров была исключительно гуманитарной. Они довольствовались ролью, которую уже давно исполняли в Европе различные монашеские ордена по отношению к пилигримам.

Однако в Святой Земле ситуация складывалась несколько иная, поскольку события разворачивались на вражеской территории. В 1113 году папа римский Пасхалий II особой буллой утвердил создание независимого ордена, который стал называться орденом «Гостеприимного дома Св. Иоанна Иерусалимского». Многие сказали бы: опять Св. Иоанн. Да, но речь идет не о Иоанне Крестителе и не о Иоанне Евангелисте, а об Иоанне

Милостынщике. Он родился на Кипре в знатной семье, имел в браке несколько детей, но после смерти супруги роздал свое имущество бедным и стал епископом Александрийским. Помогая неимущим, Иоанн подал пример необычайного милосердия. Умер он в 617 году на Кипре. Именно выбор в качестве патрона этого подвижника, посвятившего жизнь служению другим, свидетельствует об истинных целях ордена госпитальеров. Сразу после своего официального учреждения орден открыл гостеприимные дома по всей Европе, в Сен-Жиль-де-Гард, Пизе, Бари и Таренто, то есть в портовых городах, откуда корабли отплывали в Святую Землю. Орден госпитальеров стал своего рода международной организацией, занимающейся благотворительной деятельностью. Даже если впоследствии госпитальеры и стали военным орденом, то все равно на них нельзя было возлагать поручения по защите дорог, ведущих в Иерусалим.

Именно тогда на авансцене появился Гуго де Пейен, выходец из мелкой шампанской знати. «В год 1119 несколько благородных рыцарей, преисполненных покорности перед Господом, благочестивых и богобоязненных, вверили себя в руки патриарха ради служения Божьего, поклявшись, что желают жить сообразно уставам каноников, соблюдая целомудрие и отказавшись от всякой собственности». Этот рассказ принадлежит перу архиепископа Тирского Вильгельма, бывшего канцлера Иерусалимского королевства. Но надо учитывать, что Вильгельм родился только в 1130 году и не был современником первых тамплиеров. Он написал об ордене спустя много лет, опираясь на то, что слышал. Тем не менее он был первым, кто вообще что-либо написал о возникновении ордена. Столетием позже Жак де Витри, епископ Акры, вернулся к тем же событиям: «Произнеся перед патриархом Иерусалимским торжественный обет, они обязались защищать пилигримов от разбойников и грабителей, охранять дороги и служить в войске господина короля. Они жили в бедности, целомудрии и повиновении, как то делают белые каноники. Их руководителями

стали два уважаемых человека, Гуго де Пейен и Годфруа де Сент-Омер». Впервые автор четко и ясно высказался относительно целей и задач нового ордена: им надлежало охранять дороги Святой Земли, по которым двигались паломники. Именно таких защитников Иерусалимскому королевству сильно недоставало в XII веке: госпитальеры, «специализировавшиеся» на приеме и размещении паломников, не могли выполнять подобные задания. Но Жак де Витри жил спустя столетие после описываемых им событий. Выходит, у нас нет убедительных доказательств, что Гуго де Пейен и его соратники действительно занимались обеспечением безопасности дорог и паломников.

Долгое время спорили, был ли Гуго де Пейен родом из Шампани или Ардеша (как утверждают отдельные историки, ссылаясь на довольно сомнительную хартию). По правде сказать, к делу это отношения не имеет. В любом случае, точно известно, что он был владельцем фьефа, полученного от графа Шампанского, в Пейене, примыкавшего к таинственному «восточному лесу», неподалеку от Труа, коммерческого и интеллектуального центра, где все еще действовали последователи еврейской каббалистической традиции. Одним из наиболее способных приверженцев этого направления показал себя знаменитый Кретьен де Труа, вероятно крещеный еврей. Рыцарь и сеньор Монтиньи, Гуго также был хозяином земель под Тоннером. Он был женат и имел сына Тибо, который позднее стал аббатом монастыря Сен-Коломб де Труа. Иначе говоря, Гуго де Пейен был мелким сеньором и, возможно, принадлежал к младшей ветви шампанской династии. Кроме того, он входил в число родственников семейства Монбар, откуда происходил сам Бернард Клервоский. Мы практически не знаем, чем занимался Гуго до 1104 года: в этот год Гуго выпало сопровождать графа Гуго Шампанского в экспедиции в Святую Землю. Неизвестно, когда он вернулся обратно. Но есть надежные данные, подтверждающие, что 1114 году Гуго де Пейен вернулся в Палестину в свите графа Шампанского и остался там навсегда.

В 1119 — или в 1118 году, поскольку узнать точную дату не представляется возможным, — он вместе с несколькими единомышленниками основал будущий орден тамплиеров. Хронист Гильом де Нанжи упомянул об этом событии одной фразой: в это время «в 1120 году» возник «орден воинства Храма, которым руководил его магистр Гуго».

Теперь займемся соратниками Гуго. Их было совсем немного. По словам Жака де Витри, «вначале всего девять человек приняли столь благочестивое решение, и на протяжении девяти лет они служили в мирском платье, одеваясь лишь в то, что давали им христиане». Цифра девять вызвала немало споров, и некоторые исследователи считают, что речь идет о символическом числе. Девятым большим арканом Таро является Отшельник, а в древней нумерологии Зодиака под цифрой девять находится рак — мистический и тайный символ. Однако с трудом верится, что на протяжении девяти лет численность тамплиеров не возросла: ведь им приходилось выполнять миссию, для которой, несомненно, участников требовалось значительно больше. Если верить свидетельствам той эпохи, поддержание безопасности и порядка на дорогах было срочным и жизненно важным делом. Но как девять рыцарей, пусть даже невероятно отважных и ловких, могли успешно реализовать подобную задачу в столь нелегких условиях?

Споры вызывает и другой эпизод истории ордена. Кому принадлежит инициатива создания воинства Храма: Гуго де Пейену и его соратникам, давшим индивидуальный обет, или королю Иерусалимскому, его военачальникам и церковным властям Палестины? Ясного ответа на этот вопрос нет. Если верить Вильгельму Тирскому, то девять рыцарей просто хотели стать монахами, чтобы служить Господу и спасти свои души, «и только затем сеньор патриарх и епископы возложили на них первую миссию во искупление их грехов: они должны были охранять дороги и тропинки от разбойников и захватчиков, чтобы спасти паломников». Итак, выходит, что основным желанием девятерых рыцарей все же было принять монаше-

ский постриг. Принося слова торжественного обета, они не подразумевали никакой конкретной цели. Но можем ли мы всецело доверять Вильгельму Тирскому, который недолюбливал тамплиеров?

Как бы то ни было, по словам Жака де Витри, «король, его рыцари и сеньор патриарх преисполнились сочувствия к этим благородным людям, все бросившим ради Христа, и дали им кое-какое имущество и бенефиции, чтобы помочь в их нужде и ради спасения душ дарителей. А поскольку у них не было ни церкви, ни дома, где они могли бы обретаться, король разместил их в своем дворце, возле Храма Господня. Аббат и каноники Храма выделили рыцарям землю неподалеку от дворца: *и потому их позднее стали называть тамплиерами (людьми Храма)*».

Итак, нет никаких сомнений: в тот момент, когда восемь рыцарей приняли решение стать воинами-монахами, они еще не знали, что будут жить в Храме Господнем — или, по крайней мере, поблизости от него, *и уж тем более не имели никаких намерений на этот счет*. Название «тамплиеры», таким образом, возникло случайно и значительно позднее. *Все вышеперечисленно делает бессмысленным любой эзотерический комментарий в отношении как самого Храма, так и всей его символики, якобы предопределившей дальнейшую деятельность ордена*. Но в реальности еще рановато выносить какие-либо суждения о том, каковы были глубинные мотивации Гуго де Пейена и его соратников.

Девять лет, последовавших за основанием ордена, покрыты мраком неизвестности. Впрочем, известно, что в 1120 году граф Фульк Анжуйский, будущий король Иерусалимский, высадился на побережье Святой Земли и остановился у тамплиеров. Он подарил им тридцать анжуйских ливров. А в 1126 году граф Гуго Шампанский присоединился к рыцарям Храма. Крайне сомнительно, чтобы тамплиеров по-прежнему оставалось девять человек: как видно из приведенных фактов, орден начал приобретать определенное значение и принимать дары от

благожелателей. Именно тогда Гуго де Пейен в сопровождении пяти рыцарей вернулся в Европу, чтобы выполнить три задачи: рассказать всем о своем ордене, добиться его признания у церковных властей Запада и пригласить в братство рыцарей-монахов новых кандидатов. Орден Храма вступал в очередную фазу своего развития.

Очевидно, что Гуго де Пейен пользовался серьезной поддержкой. Сам король Балдуин II Иерусалимский убедил его поехать в Европу и снабдил необходимыми для путешествия средствами. Более того, Гуго де Пейен был другом одного из самых могущественных французских сеньоров графа Шампанского, который не преминул походатайствовать за тамплиеров в самых высоких кругах Европы. Вполне возможно, что Гуго де Пейен побывал в Риме и встречался там с папой Гонорием II. Эта встреча могла стать решающей для составления устава нового ордена. Но церковный собор, которому предстояло решить участь тамплиеров, был созван в Шампани, в кафедральной церкви города Труа, 14 января 1128 года.

Председателем собора был легат папы во Франции, кардинал Маттео Альбано. Участие приняли архиепископы Санский и Реймский со своими викарными епископами, множество аббатов, в том числе Гуго Маконский, аббат Понтины, Стефан Градинг, аббат Сито и Бернард Клервоский, впоследствии прославившийся под именем Св. Бернарда. На заседаниях собора также присутствовали Тибо Блуаский, граф Шампанский, его сенешаль Андре де Водемон и граф Неверский. Гуго де Пейена сопровождали братья-рыцари Годфруа де Сент-Омер, второй основатель ордена, Пейен де Мондидье, Аршамбо де Сент-Аманд, Жоффруа Бизоль и некий Роланд. После дискуссий и уточнения деталей устав ордена был признан. Отныне тамплиеры стали законной организацией.

Трудно не заметить, что за этой яркой удачей Гуго де Пейена, а особенно быстротой, с которой орден был узаконен, вырисовывается фигура Бернарда Клервоского, человека, «создававшего пап и королей», одного из самых замечательных

служителей Церкви в XII веке. Гуго де Пейен был связан родственными узами с семейством Монбар, к которому принадлежал будущий Св. Бернард, а дядя клервоского аббата, Андре де Монбар, впоследствии вступил в ряды тамплиеров. Графы Шампани также были родственниками Монбаров и поддерживали самые лучшие отношения с настоятелем Клерво. Какое-то время считали, что статуты и устав ордена Храма были написаны одним Бернардом. Нет конечно: за редакцию текстов, без сомнения, отвечали Гуго де Пейен и его доверенные советники. Однако влияние Бернарда Клервоского более чем очевидно.

Этот момент очень важен, поскольку часто говорили, что на «военные ордена» сильно повлияла бенедиктинская традиция. Однако собор в Труа и вмешательство Бернарда Клервоского убедительно доказывают, что верх все же одержали цистерцианцы. Стефан Гардинг, аббат Сито, присутствовал в Труа. Он и Бернард были властителями дум цистерцианского монашества, которое следовало по пути церковной реформы, указанному папой римским Григорием VII. И Бернард Клервоский пойдет еще дальше, когда напишет свое знаменитое сочинение «Похвала новому рыцарству», в котором предельно четко обрисует цели и задачи, стоящие перед орденом Храма.

Впрочем, избежать проблем все равно не удалось, поскольку Церковь — по крайней мере, в самом начале — не обладала светской властью. Она тем более не была военной организацией, и в первые века христианства отрицала все виды насилия, отказываясь различать войну справедливую от войны неправой. Но все изменилось с наступлением эпохи крестовых походов. Тогда папа провозгласил, что мусульмане угрожают христианскому миру и истинная вера может исчезнуть, если неверные станут слишком сильными. В общем, этот случай подходил для оправдания законной защиты, даже учитывая некоторую специфику вопроса: подобный аргумент сработал применительно к битве при Пуатье во времена Карла Мартелла, но в 1100 году стал сомнительным, поскольку теперь речь шла

о необходимости защищать Святые места от неверных, представленных как отбросы человечества. И потом, разве христианское общество не было построено по иерархическому принципу? Всем в то время было известно, что общество делится на три группы: «на тех, кто молится, тех, кто воюет, и тех, кто пашет». Современники Св. Бернарда наверняка сильно удивились бы, узнав, что представления о трехчленном делении общества были знакомы еще индоевропейским народам: по сведениям Цезаря, галльское общество состояло из друидов, воинов и пахарей. Итак, обязанностью рыцарей было сражаться, а священникам полагалось служить Господу и людям, вознося молитвы к небу.

Но все становилось сложнее по мере того, как служители Церкви были вынуждены сами братья за оружие. Проблема все еще не была решена во времена Рабле, если верить эпизоду из «Гаргантюа», где брат Жан Зубодробитель бранит монахов, которые поют псалмы, чтобы избавиться от своих врагов, но сам предпочитает пронзать своих недругов распятием. Часто забывают, что рождение орденов рыцарей-монахов не смогло бы произойти без серьезных изменений фундаментальных принципов Римско-католической церкви. Мы не можем обойти эту проблему, поскольку уже богословы той эпохи ломали голову над ее разрешением.

Такое впечатление, будто основание военно-монашеских орденов не особенно приветствовалось в отдельных кругах церковнослужителей. Например, в 1128 году приор монастыря Гранд Шартрез Гиг послал довольно суровое письмо Гуго де Пейену, в котором недвусмысленно выказал свое неудовольствие. В частности, Гиг писал: «По правде сказать, мы не стали бы побуждать вас вступать в мирские войны и сражения, не говоря уже о том, чтобы подталкивать вас к битвам духа, чем мы занимаемся каждодневно. Вам не стоит и мечтать об этом. Нет смысла нападать на внешних врагов, если не одержана победа над врагами внутренними. Сначала надо победить самого себя и лишь затем вступать в бой с внешними врагами.

Очистим же наши души от скверны, и тогда мы сможем очистить землю от варваров». В заключение этой мысли автор привел цитату из послания Св. Павла к эфесянам: «Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духа злобы повседневной» (Эф., 6, 12).

Гуго де Пейен не замедлил ответить. Он написал — или попросил написать кого-нибудь из своих друзей, кто более, чем он сам, разбирался в богословии (кажется, что Гуго не был особенно сведущ в этом вопросе). В послании магистр тамплиеров утверждал, что упреки, адресованные ордену Храма, совершенно безосновательны и где-то сродни козням дьявола. Наконец, исчерпав собственные аргументы, Гуго де Пейен обратился за помощью к Бернарду Клервоскому, который после долгих раздумий написал свое знаменитое сочинение «Похвала новому рыцарству».

В первой части своего труда Бернард выступает в защиту миссии, возложенной на рыцарей Христовых. В этих целях он противопоставляет новое рыцарство, тамплиеров, мирскому рыцарству — то есть всем остальным рыцарям без исключения: «И куда же заведет нас это мирское воинство (*milice*), или, скажем прямо, эта злоба (*malice*)», — вопрошал он, прибегнув к игре слов. Затем Бернард обращается к рыцарям, пленникам мирской жизни: «Что за странное ослепление, что за безумие тратить столько денег и предаваться войне, влекущей за собой лишь смерть и прегрешения! Вы покрываете лошадей своих шелками, под роскошью одежд прячете свои благородные доспехи; вы украшаете без усталости свои знамена, щиты и седла; у вас позолоченные шпоры, а упряжь украшена еще и драгоценными камнями, и вот, окруженные богатствами и роскошью, вы с преступным недомыслием и позорным рвением спешите навстречу собственной гибели. Неужели все это — качества истинного рыцаря? Более подходят они, по-моему, тщеславной и глупой женщине... Что же заставляет вас взяться за оружие? Прихоть, безотчетная ярость, желание славы или

добычи. Подумайте, можно ли достичь спасения убивая или умирая из-за таких причин?»¹.

Это красноречивое обличение войны вписывается в долгую традицию Римской церкви. Война, это последствие первородного греха, может быть только дурной и несправедливой. Это самый страшный бич человечества. Но подобная фундаментальная система взглядов уже сразу столкнулась с реальностями повседневной жизни. Когда по приказу Понтия Пилата когорты римских солдат пришла схватить Иисуса в Гефсиманском саду, у апостола Петра под одеждой был спрятан меч, который он хотел пустить в дело. Наверняка меч находился у апостола не случайно. Эта характерная деталь многое говорит о группе людей, стоящих «вне закона», — Иисусе и его учениках, которым постоянно приходилось быть настороже. Однако Иисус помешал Петру ввязаться в схватку, которая, без сомнения, обернулась бы не в его пользу. Этот отрывок из Евангелия не ускользнул от внимания Отцов Церкви, которые несколько нюансировали богословский тезис о неприятии насилия: война, целью которой является захват добычи и почести, незаконна. Но справедливая война, которая прежде всего ведется ради спасения жизни, разрешена — если все остальные средства погасить конфликт исчерпаны. Св. Августин даже создал целую теорию «справедливой войны»: «Есть так называемые справедливые войны, которые мстят за несправедливость. Такие войны ведут против народа или государства, отказывающихся наказать преступления своих людей или вернуть то, что было расхищено вследствие несправедливости». Бывший грешник и приверженец манихейства, епископ Гиппонский добавляет: «Я не верю, что воин, убивающий врага как судья и палач, которые обрекают на смерть преступника, совершает грех; ведь все они действуют в рамках закона». Правда, Св. Августин не уточняет, каково происхождение этого закона — божественное или

¹ Bernard de Clairvaux. Textes politique / Ed. Zumthor. Paris, 1986. P. 197–198.

человеческое. Важно, что его слова напрямую перекликались со словами Бернарда Клервоского: «Человек, покончивший со злодеем, не убийца, а борец со злом. Он мстит за Христа тем, кто творит зло; он защищает христиан. Если же его убивают, то он не погибает, ибо достиг своей цели. Смерть, которую он несет, угодна Христу; его же собственная смерть идет ему самому на пользу».

Это суждение кажется довольно категоричным. Однако это несколько не в духе Бернарда Клервоского: он был более осторожным и образованным богословом, чтобы попасться в ловушку. Он вспоминал слова Исидора Севильского, жившего в VII веке: «Справедливой является та война, которую начинают после предупреждения, чтобы вернуть свое имущество или отбить нападение врагов». Вот почему Бернард, обращаясь к тамплиерам, добавляет: «Без сомнения убийство — зло в любом случае, и потому я запрещаю вам убивать этих язычников, если мы сможем найти другой способ помешать им притеснять христиан. Но в нашем нынешнем положении лучше сражаться с ними с оружием в руках, нежели позволить им владычествовать над праведниками из-за страха, как бы те в свою очередь не перешли на сторону неверных»¹.

Итак, все прояснилось. Для Бернарда Клервоского война — меньшее зло, к которому следует прибегать только в безвыходных ситуациях. Христиане могут вести справедливую войну лишь в том случае, если над Церковью, то есть христианской общиной, нависла угроза²; насилие не должно применяться к евреям, еретикам и язычникам, ибо истина не навязывается силой³. Христианин обязан сначала использовать силу убеждения и только в случае провала миссии может взяться за оружие. Этими же аргументами были узаконены крестовые походы.

¹ Textes politiques. P. 202.

² Опасный аргумент, который заранее оправдывал альбигойский крестовый поход и расправы над протестантами.

³ Бернард забыл о нескольких примерах из прошлого, например насильственное крещение саксов Карлом Великим.

У неверных просили вернуть Святые места, которые принадлежат христианам. Они отказались и не соизволили исправить причиненную несправедливость. Вот тогда настало время защитить правое дело силой. Вспомним знаменитую формулу Блеза Паскаля: не имея возможности сделать так, чтобы правые стали сильными, сделали так, чтобы сильные стали правыми. А ведь Бернард жил в эпоху ордалий и суда Божьего. Позднее при осаде Безье папский легат якобы сказал крестоносцам: «Убивайте всех! Бог разберет своих!» В любом случае, мысль Бернарда Клервоского сформулирована предельно четко: мусульмане могут креститься — и христиане примут их как братьев, — но тем хуже для них, если они откажутся. Без сомнения, клервоский аббат помнил фразу, которую евангелист Лука вложил в уста Иисуса: «Врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избеите предо мною» (Лк., 19, 27). Римская церковь, всегда представлявшая Иисуса как глашатая мира и «агнца Божьего», избегала комментировать эту цитату, которую тем не менее можно встретить в официальных церковных текстах. Не забудем, что тот же Иисус сказал: «Не думайте, что я с миром пришел на землю; не мир я принес, но меч».

Именно в этом ключе Бернард Клервоский и написал «Похвалу новому воинству», во многом посодействовав тем самым официальному основанию ордена тамплиеров. Впрочем, и у этого блестящего богослова дело не обошлось без сложностей: если он признавал справедливую войну, то не мог отрицать, что она затрагивает только сословие рыцарей, как то предписывало знаменитое трехчленное деление общества. В любых обстоятельствах первейшей задачей духовенства оставалась молитва. Аббат Клерво прекрасно это понимал: разве он сам, будучи духовным лидером и наставником христианского мира своего времени, не отрекся от мирской жизни ради монашеского пострига и не считал себя «Божьим чадом», пребывающим в молитве, молчании и созерцании. Так как же он мог свести воедино войну и молитву?

Позиция Бернарда Клервоского несомненно предвосхищает казуистику иезуитов XVII века, которую впоследствии неоднократно будет обличать Паскаль. Раз уж война — зло, но зло неизбежное, единственным выходом из сложившейся ситуации будет чистота помыслов: нельзя грешить. Воевать по приземленным, материальным причинам означает совершить тяжкий грех. А вот война во славу Божию — дело справедливое. Но и речи идти не могло, чтобы уже существующие монашеские ордена — бенедиктинцы, клюнийцы, цистерцианцы — покинули пределы своих обителей, презрев принесенный обет и долг инока. Итак, пришло время задуматься о создании новых монашеских орденов — орденов монахов-воинов. Тамплиеры появились в нужное время, и Бернард ухватился за представившийся случай, чтобы превратить их в «воинство Христово», в котором так нуждалась Церковь. В общем, тамплиеры — по крайней мере, в момент официального основания их ордена — стали своего рода *вооруженной дланью* созерцательных монашеских орденов, в особенности цистерцианцев. Можно даже сказать, что тамплиеры — это «подразделение» цистерцианского ордена, настоящая армия воинов Христовых, повинующихся исключительно духовным властям, прежде всего папе римскому. Мы имеем дело с невероятным совпадением сиюминутных потребностей, то есть необходимости защищать паломников в Святой Земле и желанием Церкви обзавестись деятельным и преданным войском. Однако сразу заметим, что в 1128 году и в последующие годы у тамплиеров не было другой задачи, кроме как охранять Святые места и дороги, по которым двигались пилигримы. В оборонительных или наступательных войнах с мусульманами они приняли участие гораздо позднее. Тогда орден Храма претерпел значительные перемены, из простого охранного отряда превратившись в элитный войсковой корпус, сражавшийся против мусульман. По правде сказать, он один был способен гарантировать присутствие христиан на Ближнем Востоке. Все это делает тамплиерам честь: они продемонстрировали удивительные стойкость и отвагу,

готовность к любым испытаниям и *непоколебимую веру*. Но одновременно они отдалялись от своей первоначальной миссии: сознательно или нет, но орден менялся.

Так, в 1128 году на соборе Труа при полном одобрении Бернарда Клервоского, вдохновителя христианского мира той эпохи, официально возник орден тамплиеров. Последующие события хорошо известны. Гуго де Пейен объехал всю Европу: он не только принимал в свое братство воодушевленных добровольцев, но и получал средства, позволявшие ему исполнить миссию, возложенную на тамплиеров. Дары стекались со всех сторон. Орден устроился как в Европе, так и в Святой Земле. Теперь у него был свой устав и форменная одежда: рыцари носили белые плащи, оруженосцы и сержанты — черные. Нашивать красный крест на левое плечо они стали только после 1148 года, когда папа Евгений III даровал им такое право.

Ведь никто в мире не мог сравниться с орденом Храма. У тамплиеров была четкая и продуманная иерархия. Сначала шли те, кто приносил обет (рыцари, оруженосцы и сержанты), затем все остальные, которые тем или иным способом «вверили себя» ордену, откуда и их прозвище «донаты». Однако донаты — сервы и прочие служители, часто нанимавшиеся в орден на определенный срок, — не были связаны обетом и лишь в незначительной степени участвовали в жизни тамплиеров. Фактически внутренняя структура ордена тамплиеров отражает трехчленное деление феодального общества. Рыцари-монахи сражаются, но они не имеют ничего общего со священниками. За них молятся капелланы, которые являются единственными клириками в ордене; работают же остальные братья, которых можно сравнить с монастырскими послушниками. А поскольку для того, чтобы стать рыцарем-монахом, следовало происходить из благородной семьи, быть посвященным в рыцари, не состоять в браке и не иметь никакой привязанности в миру, в ордене создали еще одну категорию бойцов — оруженосцев и сержантов, — не принадлежавших к орденским сановникам, но находившихся рядом с ними. Но в реальности — повторяю

еще раз, чтобы понять загадку тамплиеров, эволюцию ордена и суть судебного процесса, — *одни лишь настоящие тамплиеры были рыцарями-монахами, но не священниками, а капелланы выполняли роль их духовников.* Кстати, в этой высшей ступени орденской иерархии были и другие различия, в зависимости от ранга и уровня образованности. Ведь *большинство тамплиеров было неграмотно.* Среди них редко попадались люди, получившие серьезное образование. Последний великий магистр ордена Храма Жак де Моле, погибший на костре, был неграмотным. В любом случае, рыцари, становившиеся тамплиерами, вступали в орден вовсе не для того, чтобы предаваться ученым штудиям, а чтобы сражаться во имя Господа. Если бы их интересовали богословские диспуты, они выбрали бы другой орден.

Легенды о эзотерической сущности ордена Храма отчасти способствовали искажению реальной истории тамплиеров. А ведь прежде всего это был орден, вполне освоившийся в миру и преследовавший конкретные цели. В 1139 году задачи, поставленные перед орденом, были сформулированы еще более четко в булле Иннокентия II. Вот как раз эта булла и стала, по словам Жоржа Бордонова, «источником всех привилегий ордена и зримой демонстрацией чудесного расширения ордена с 1130 года». О чем, собственно говоря, идет речь?

Изначально орден Храма, функционировавший стараниями рыцарей-монахов, в которых и заключался смысл его существования, зависел от священников, не входивших в братство тамплиеров: в этом причина относительно реальной субординации ордена различным церковным властям. Но после настойчивых просьб тамплиеров папа удовлетворил их желание и даровал полную независимость, оставив для себя самого роль единственного покровителя ордена. На практике, если клирики, то есть рукоположенные священники, вступали в орден Храма, они фактически становились исключительными исповедниками всех братьев. Благодаря папской булле орден вышел из подчинения епископов. Право принимать решения

перешло к великому магистру и его капитулу, папа же оставил за собой привилегию вмешиваться в дела тамплиеров по особо важным случаям. Более того, согласно уставу ордена, который специально подправили после обнаружения буллы, тамплиеры не имели права исповедываться священнику, если он не принадлежал к их ордену. Это распоряжение сыграло ключевую роль, учитывая, что отныне исключалось любое вмешательство со стороны внешнего духовенства. Кроме того, значительно усилилось представление об ордене, как спаянной группе, полностью независимой в духовном и материальном плане. В 1307 году обвинители тамплиеров вспомнят об этом обстоятельстве, превратив его в аргумент, «подтверждающий» оккультную сущность ордена. Впоследствии мы еще увидим, что обязательная исповедь священнику ордена может объясняться еще более глубокими причинами, особенно если принять гипотезу об отречении от Иисуса и плевках на распятие во время ритуала вступления в орден. Более того, тамплиеры получили право строить свои собственные часовни. У других орденов и белого духовенства были весомые причины для недовольства. А главное, какая пища для воображения и слухов: тамплиеры исповедовали культ в стороне от всех — значит им было что скрывать. Хорошая часть легенд об эзотеризме ордена Храма связана как раз с этим обстоятельством.

Булла Иннокентия II предоставила тамплиерам и другие привилегии, например освобождение от десятины — его также добились и цистерцианцы, — которую белое духовенство было обязано платить со всех своих владений, и позволение взимать ее на свой счет. Понятно, почему орден храма постоянно конфликтовал с епископскими властями по всей Европе и почему у него не нашлось защитников, когда его обвинили в самых страшных грехах. И белое духовенство, и другие монашеские ордена, особенно доминиканцы (постоянно критиковавшие тамплиеров), были обрадованы началом суда над орденом Храма (в котором они приняли активное участие): они сводили

с рыцарями-монахами счеты. Естественно, под предлогом защиты истинной веры.

Так храмовники завоевывали славу и престиж. В середине XII века, когда орден еще не достиг своего апогея, он уже находился на правильном пути. Тамплиеры осваивались везде, от Палестины до Западной Европы, и покрывали себя славой в битвах с мусульманами. Постепенно становилось ясно, что тамплиеры — самый надежный оплот христианской веры в Святой Земле. На европейском континенте рыцари Храма извлекали немалую выгоду из уступленных им владений. Они давали работу и средства к существованию бедному населению, зачастую лишенному всего необходимого. Они охраняли дороги, по которым шли пилигримы. Они старались с наибольшей отдачей использовать продукцию, полученную на принадлежащих им землях. Получая деньги за продажу своей продукции, они тут же вкладывали их в дело, приобретая новые имения, снабжая флот и добывая материалы, необходимые для войны в Святой Земле. Они соткали настоящую сеть международной коммерции и, как следствие, поддерживали дипломатические отношения между различными западноевропейскими державами. Нередко тамплиеры выступали в роли посредников: улаживали конфликты, заключали договоры. Но одной из первых их задач была отправка денег из Европы в Святую Землю для нужд паломников и крестоносцев: так рыцари-монахи стали настоящими банкирами. Любой, кто в Лондоне или Руане передавал им крупную сумму денег, мог быть уверен, что тамплиеры доставят их в Акру или Яффу. Орден Храма давал гарантию. Ему завидовали, часто ненавидели (Вильгельм Тирский свидетельствует об этом), но он выступал с позиции силы: никто не мог обойтись без тамплиеров. Нужно признать, что орден Храма занял исключительное и уникальное место в Истории.

Здесь возникает несколько вопросов. Исторически ордену положило начало благочестивое и искреннее рвение нескольких рыцарей, которые желали творить благие дела, чтобы

обрести вечное спасение. Но в силу ряда обстоятельств и по благословию Бернарда Клервоского, самого выдающегося служителя Церкви той эпохи, доброжелательного отношения всех королей и сеньоров Западной Европы, покровительства понтификов, сменявшихся на троне Св. Петра, орден тамплиеров меньше чем за пятьдесят лет стал одной из самых могущественных политических, экономических, военных и религиозных организаций в мире. Можно ли считать это в порядке вещей?

Мы не станем ни обобщать, ни нести ерунду. Сюжет слишком важен, и надлежит относиться к нему со всей серьезностью, как он того заслуживает. Мы равным образом не собираемся сочинять роман об ордене Храма. Историческая реальность достаточно условна — слишком многое все еще сокрыто под покровом тайны. Можно ли считать успех тамплиеров нормальным? Явно нет. По крайней мере, мы можем предположить, что за этим успехом скрываются мотивации, которые не так-то легко различить.

Основание ордена по-прежнему окружено тайной. Кажется, что истинные цели Гуго де Пейена и его товарищей не были точно определены. Более того, теперь мы можем с уверенностью утверждать, что создание этого воинства, обязанного надзирать за иерусалимскими дорогами, желали — или прямо спровоцировали — светские и церковные власти Святой Земли. В любом случае, патриарх Иерусалимский и король Балдуин I должны были как-то повлиять на решение первых восьми тамплиеров, даже если словосочетание «орден Храма» вошло в обиход лишь после того, как Балдуин II позволил рыцарям обосноваться в одном крыле его дворца. Итак, исключив мысль о заранее согласованном плане, согласно которому эти рыцари стали «тамплиерами», чтобы проникнуться мистической *аурой* особого места и из уважения перед Соломоном Строителем и Великим Архитектором (на самом деле, архитектором был Хирам), этим хранителем тайн прошлого, зададимся следующим вопросом: не стремились ли основать орден люди *со стороны*, которые сами избегали появляться на авансцене?

Ответов на этот вопрос было множество, и все они основываются лишь на совпадениях или предпочтениях. Стоит, однако, рассмотреть их, чтобы постараться узнать как можно больше о том, что способствовало превращению ордена тамплиеров в мистическую организацию с двойным лицом.

Сначала, без сомнения, остановимся на гипотезе, согласно которой до тамплиеров существовал другой орден, который и спровоцировал создание ордена Храма. Знаменитый Приорат Сиона идеально подходил бы на эту роль, будь он менее призрачен. Король Иерусалимский Балдуин I был родным братом Готфрида Бульонского, «предполагаемого» основателя Приората. Поскольку кажется несомненным факт, что решения Гуго де Пейена совпадали с замыслами Балдуина, можно предположить, что Гуго получил приказ от Иерусалимского короля, наследника его брата Готфрида, создать воинство Христово и продолжить в миру секретное дело, над которым уже давно работал подпольный орден, чьим членом он был. Почему нет? Но, конечно, доказательств в этой области нет никаких, и цели этой таинственной организации рискуют так и остаться неизвестными навсегда, тем более что орден Храма впоследствии сильно изменился по сравнению с первыми годами своего существования. Сторонники этой теории находят хитроумное оправдание — дескать, между подпольной организацией и орденом тамплиеров произошла ссора, закончившаяся разрывом под жизорским вязом в 1188 году. Но поскольку доказательств этого разрыва тоже нет, нам так и не удалось продвинуться вперед.

Следующая версия связана с возможностью «телеуправления» Гуго де Пейена и его соратников. Она восходит к давним временам, к тысячному году, если быть точным, когда папа Сильвестр II, или знаменитый монах Герберт Орильяхский, упомянул в своем письме, что надеется увидеть, как воины Франции вернут христианам Святые места и найдут некогда там спрятанные ключи ко Вселенскому знанию. Подлинность этого послания Герберта так и не удалось доказать. Но идея эта

не нова: уже давно в некоторых кругах Западной Европы считали, что Храм Соломона, построенный по точно выверенным расчетам, подчиненным оккультным законам, скрывает грозную и ни с чем не сравнимую тайну: возможно, знаменитые скрижали, которые Моисей привез из Египта. Восточный миф сделал свое дело, и многие свято верили, что на Востоке прячут некие знания, некогда утраченные на Западе. Но эти знания, что бы они собой ни представляли, не дали бы первому встречному. Напротив, они были скрыты как следует и доступны лишь нескольким посвященным. Действительно, когда первые крестоносцы захватили Иерусалим, священники распорядились провести раскопки в некоторых районах города, особенно под древним Храмом Соломона. Вот потому-то некоторые и вообразили, будто бы некий таинственный «глас» повелел Гуго де Пейену сформировать элитный отряд, чтобы отыскать эти самые «секреты»: оставался один-единственный шаг, и он был сделан в Средние века. Ожесточение, с которым тамплиеров преследовали с 1307 года, и тщательные допросы во время судебного процесса над орденом в любом случае подтверждают, что сбирь Филиппа Красивого и инквизиторы подозревали что-то подобное. Французского короля интересовали не материальные богатства тамплиеров, а возможные документы и откровения. Вероятно, он так ничего и не добился; по крайней мере, результаты дознания были заботливо скрыты.

Если допустить, что Гуго де Пейену и его товарищам было поручено вести эти поиски, под официальным и удобным предлогом наблюдать за дорогами и охранять паломников, встает вопрос: а удалось ли им что-нибудь отыскать? Даже если они нашли требуемое, вряд ли стали бы возвещать всему миру о своей находке. Но в этом случае они могли бы посвятить в тайну тех, кто имел на это право. Именно с этой целью тамплиеров якобы и отправили в Европу — чтобы убедить папу римского и великих мира сего предоставить им средства применить во благо секреты, которые им посчастливилось отыскать. Объяснение логичное и хитроумное. Но, увы, уже в который

раз мы вынуждены констатировать, что столкнулись с совершенно безосновательной гипотезой.

Что это были за секреты, о которых вроде бы знал монах Герберт Орильякский, ученик восточных эрудитов, этот загадочный персонаж, подозреваемый в применении если не магии, то так называемых герметических наук? Нам говорят, что речь могла идти про скрижали законов — но истинные скрижали, а не про те, которые достались еврейскому народу в виде моральных наставлений. Истинными же скрижалями якобы были «секреты Великой Пирамиды», похищенные Моисеем, что, в свою очередь, объясняет, почему фараон всеми доступными средствами пытался помешать израильтянам бежать из Египта и преследовал их до самого Красного моря. Конечно, подобные легенды не рождаются на пустом месте; часто случается, что они соответствуют реальности, прошедшей символическую кодировку с целью быть переданными грядущим поколениям в виде, доступном исключительно тем лицам, кто достаточно *посвящен*, чтобы понять их. Но в случае со скрижалями законов или «секретами Великой Пирамиды» часто приукрашивают то, о чем практически мало что известно. Если Великая Пирамида сама по себе и предлагает сплав египетских знаний — не только в области архитектуры, но также астрономии, астрологии, космологии и, возможно, психологии, — то ничто не говорит, что речь шла об осязаемых или письменных секретах, и что Моисей мог их украсть.

Однако если Гуго де Пейен и его товарищи стали обладателями столь обширных секретов, то им совершенно не нужно было отпрапляться униженно молить папу и знать Европы о серьезной материальной помощи, которая была им оказана по необъяснимой причине.

На это замечание многие отвечают, что тамплиеры далеко не сразу нашли секреты, и им требовались время и средства, чтобы отыскать их. Поэтому первым храмовникам пришлось вззвать к помощи лиц, участвовавших в официальном признании ордена Храма. Одним из них якобы был Бернард Клервоский,

который понимал исключительную важность поиска серьезнейших секретов и удовлетворил просьбу Гуго де Пейена и его соратников.

Действительно, именно Бернард Клервоский поднял этот вопрос. Так или иначе, он находился в центре событий, в результате которых орден Храма обрел свою форму и вышел из неопределенного состояния. Выходит либо одно, либо другое: или Бернард Клервоский уже в 1118 или 1119 году был вдохновителем Гуго де Пейена, или впоследствии взял под свой контроль рывок девяти первых рыцарей. Объективно рассуждая, Бернард, несомненно, оказал незаметное, но глубокое влияние на замысел Гуго де Пейена, сделав орден Храма таким, каким мы его знаем, или таким, каким мы его представляем. Бернард Клервоский был мастером своего дела, и это утверждение не должно удивить никого, кто знает о выдающейся роли, сыгранной им в истории Церкви XII века, и его влиянии на развитие духовности в Западной Европе.

Но кем был этот св. Бернард, которого льстецы считали прорицателем, а ненавистники — истериком? Он был сыном бургундского кастеляна и принадлежал к рыцарскому роду, в котором были еще живы представления об общности семейных и земельных интересов. Он провел свои первые годы в замкнутом мирке, где царили законы семейной солидарности и вендетты. Поэтому понятно, почему он, осознав, что у него *иное* призвание, стал монахом только после того, как убедил своих братьев последовать его примеру. Или придерживаться духа семейственности, или нет — для Бернарда никогда не существовало полумер. В двадцать лет он вошел в аббатство Сито, только что основанное ключником Робертом де Молем, который видел в богатстве, удобствах и могуществе бенедиктинцев источник духовного падения. Роберт захотел вернуться к изначальному монашескому уставу — уставу Св. Бенедикта и ирландца Колумбана. Бернард был воодушевлен этой реформой монашеской жизни. Как Роберт де Моле и его преемник Стефан Гардинг, он будет проповедовать аскетизм, бедность,

нравственную чистоту — неотъемлемые условия величия души. Бернард выделялся истовой верой, энтузиазмом, исключительной волей и стойкостью. Все эти качества дополнял замечательный ум. Когда по совету Стефана Гардинга монахи, посланные вместе с ним в монастырь Клерво, который задумали основать цистерцианцы, Бернарда выберут аббатом, он станет властителем душ христианского мира, чьего ответа ждали, прежде чем принять любое решение — ведь его слова слыли словами Божиими. Лишь немногим доводилось достигать такой власти благодаря душевным добродетелям. Но если власть его над окружающими людьми была несомненной, то власть, которую он имел над собой — точнее, пытался иметь, — была не менее велика.

Бернард Клервоский понял, что человек раздираем на части своими желаниями и в этом разладе кроется причина его несчастий. Для него возврат к единству мог свершиться только по образу и подобию Христа. Но какого Христа? Того, кто умер на кресте, или Христа торжествующего, которого можно было увидеть на портиках некоторых романских церквей? Никому не дано этого узнать. Агиографы св. Бернарда обходили стороной этот вопрос. Нужно было вписать его в вереницы почитаемых христианских святых, которых без опасений можно было бы представить всему миру. Однако не все было так просто: вокруг Бернарда было слишком много тайн.

В нем видели наследника западной традиции, восходящей к друидам и их предшественникам. Рене Генон назвал его «последним друидом Галлии». Абсурдное утверждение. Вся жизнь Бернарда свидетельствует об обратном. Не было человека, более преданного Римской церкви, большего сторонника централизации и универсалистских взглядов, чем он. А друидическая традиция, возрожденная в рамках ирландского и бретонского монашества и медленно проникавшая в континентальное бенедиктинское послушничество, никак не совпадала с убеждениями Бернарда. Рим в VII веке сделал все, чтобы уничтожить кельтское христианство, потому что оно не соответствовало

модели, созданной стараниями пап и их помощников, и иначе истолковывало евангелическое послание¹. Если бы эта проблема встала в XII веке, нет никаких сомнений, что Бернард обрушился бы на кельтское христианство с тем же пылом, какой он продемонстрировал в деле против Абеяра, чьи воззрения показали клервоскому аббату слишком рационалистичными и заумными, чтобы быть понятыми основной массой верующих.

Убежденный страж веры и единства Церкви, Бернард понимал, что участвует в развитии общества и в какой-то степени воздействует на жизнь монашества: поэтому он не мог оставаться безразличным к просьбам Гуго де Пейена и его соратников. Для него понятие мирского все еще не отделилось полностью от сакрального. Согласно этому пониманию мира, существующего по божественным законам, которые надлежит знать и истолковывать, человек, как и государство, полностью погружен в жизнь, представляющую собой движение к искуплению. От неба, земли и до самых глубин ада христианский мир является огромным и неделимым организмом. Это был идеал Бернарда Клервоского. Он будет защищать его всю свою жизнь. В этой концепции нет ничего общего с гибкой доктриной друидов и аббатов-епископов ирландских монастырей раннего средневековья. Но это объясняет интерес аббата Клерво к рыцарям тамплиерам.

И все в этих рыцарях ему пришлось по душе. Бернард увидел в них возможность создать воинство Христово, которое смогло бы под исключительным руководством папства способствовать единению христианского мира, устранив тех, кто не желает быть его составной частью, то есть неверных, мусульман, и установить эффективный контроль над обширными пространствами европейского континента, охраняя их от любых потрясений и смут. Можно также с полным основанием предположить, что Бернард Клервоский намеревался расселить

¹ Ibid. Le christianisme celtique et ses survivances populaires. Paris: Imago. 1984.

тамплиеров как можно плотнее по Европе, создав своего рода сеть, которая гарантировала единство христианского мира. Один вождь, папа римский, одна вера, христианская, один народ, народ христианский. То был идеал св. Бернарда и цистерцианцев. Тамплиеры должны были стать орудием для его достижения.

Предполагали — надо сказать, безосновательно, — что Бернард якобы знал о существовании неких документов, содержащих сведения о первых веках христианства, которые были спрятаны в надежном месте в Иерусалиме, и послал на их поиски храмовников. Но нет необходимости прибегать к подобному аргументу для того, чтобы объяснить благосклонность клервоского аббатам к рыцарям Храма. Его грандиозное видение христианства нельзя было претворить в жизнь без постоянного присутствия «спокойной силы», состоящей из «воинов Христовых», поддерживающих социальный мир и божественный порядок. Ордену Храма, этой международной организации, подчиняющейся только папе римскому — впрочем, как и цистерцианцам, — предстояло стать, по мнению Бернарда, идеальным ферментом единства, в котором так нуждался христианский мир. Поэтому можно смело утверждать, что для настоятеля Клерво миссия тамплиеров в Святой Земле была только предлогом. Настоящая цель ожидала орден в Западной Европе. Да, первоначально задачей воинства Христова была охрана дорог. Но кто контролирует дороги, контролирует и все остальное — как в военном, так в политическом и экономическом отношении. И единая христианская Европа, которую держали бы в повиновении, была бы готова стать царством Божиим на земле. Если Бернард и руководствовался оккультными мотивами в отношении к тамплиерам, то искать их нужно именно в этом направлении: «Счастливы те, кто пребывает путешественником и чужестранцем в этом извращенном мире, и умеет оставаться чистым от его грязи; ибо не живем мы во граде, *но мы ищем град, который настанет*». Орден Храма должен был стать главным орудием в этом поиске.

На одной из орденских печатей представлены два рыцаря верхом на одной лошади. Конечно, это символ братства, но и двойственности, усиленной двумя цветами — белым и черным — знамени Босеан. Это доказательство двойственного положения тамплиеров, одновременно рыцарей и монахов, тех, кто воюет, и тех, кто молится. Символ двойной деятельности, в Святой Земле и Европе — а может, и иной двойственности.

В мистических мыслях Бернарда Клервоского был ли Иерусалим только в Палестине? Этот «град, который настанет», не Град ли Божий? И подобно самому Господу, этот град «нигде и повсюду».

Глава II

ЭВОЛЮЦИЯ ОРДЕНА ТАМПЛИЕРОВ

Всем известно, что спустя два столетия после своего основания орден Храма уже не был тем, что вначале. Любая человеческая организация так или иначе проходит через разные стадии эволюции, меняются ее структуры и идеалы. Орден тамплиеров не избежал подобной участи, тем более что характерная для него двойственность предрасполагала в дальнейшем различные трансформации, если не сказать отклонения.

Описание ордена в самом начале можно найти у Бернарда Клервоского. Созданная им картина довольно захватывающая: она лучше всего свидетельствует об окончательном решении Гуго де Пейена и его соратников *служить* телом и душой избранному ими делу. «Они послушны и дисциплинированы. Еду и одежду они получают от своих руководителей; они ограничиваются только самым необходимым и ведут жизнь скромную и воздержанную, без женщин и детей. Согласно слову евангельскому они живут все вместе под одной крышей и не имеют личного имущества. Кажется, будто у них одна душа и одно сердце на всех, поскольку они умеют преступать через собственные желания и слепо подчиняются своему магистру. Среди них не найдут ни ленивых, ни праздных; когда они не на службе (что случается лишь изредка) или не заняты вкушением хлеба своего, воздавая благодарение Небесам, они занимаются починкой своих одежд или оружия, разорванных или искромсанных; или же они делают то, что их магистр им прикажет, или то, что на укажут им нужды их Дома. Ни один из

них не является нижестоящим; они почитают наилучшего, а не самого знатного; между собой ведут себя учтиво и следуют заповеди Христа, помогая друг другу. Дерзкие речи, ненужные поступки, неумеренный смех, жалобы и ропот, если они замечены, не остаются безнаказанными. Они ненавидят шахматы и кости; им отвратительна охота; они не находят обычного удовольствия в смешной погоне за птицами. Они избегают мимов, фокусников и жонглеров и питают отвращение к ним, песням легкомысленным и глупым. Они стригут волосы коротко, зная, что, согласно Апостолу, мужчине не пристало ухаживать за своими волосами. Их никогда не видят причесанными, редко — умытыми, обычно — с всклокоченной бородой, пропахшими пылью, изможденными тяжестью доспехов и жарой».

Конечно, можно задаться вопросом: а был ли у св. Бернарда случай увидеть тамплиеров в подобном виде, но нет никаких сомнений, что его описание совпадает с реальностью, даже если и отчасти противоречит представлениям людей XX века. Поведение тамплиеров, по меньшей мере, свидетельствует об отказе от мирского, стремлении к строгости, презрении ко всем преходящим ценностям. Но так было во времена Гуго де Пейена. Первый великий магистр ордена умер в 1136 году, и на его место был выбран Роберт де Краон. Во тогда-то, как кажется, и начались перемены. Роберт де Краон, этот посредственный воин, был прекрасным управленцем, и под его руководством орден решительно преобразился. На смену изначальной грубости пришел поиск красоты под всеми возможными формами, совпадавший с эволюцией аристократических нравов того времени: ведь события разворачивались в самом начале эпохи, названной «куртуазной». Рыцари старались подражать идеалам Ланселота Озерного, ставшего популярным благодаря распространению легенд артуровского цикла. Конечно, Ланселот был образцовым воином, отважным и стойким, никогда не останавливавшимся перед выполнением своего долга, но также «куртуазным» и «благовоспитанным», образованным человеком, умевшим достойно вести себя в обществе. Следуя этому

идеалу, рыцари Храма все сильнее вписывались в рамки современного им общества. Так они совершили вынужденный поворот, и изначальное смирение уступило место своеобразной гордыне: далеко не всякий может вступить в орден Храма, и как следствие, быть тамплиером означало придерживаться особой шкалы ценностей, ценностей «аристократических» в этимологическом смысле. Конечно, во времена Гуго де Пейена рыцарем ордена мог стать только тот, кто являлся сыном сеньора (то есть человеком благородного происхождения), но в любом случае нужно было добровольно отказаться от принадлежности к знатному сословию путем покорности, умерщвления плоти и исполнения обязанностей перед всеми членами христианского сообщества без исключения. Теперь же, вступая в орден, человек приобретал знатность. В этом и заключается явное отклонение от принципов, которыми руководствовались основатели ордена Храма. Продвигаясь в этом направлении, полтора века спустя тамплиеры окажутся на грани бесчестья.

Решающий поворот начался с буллы «*Omne datum optimum*», обнародованной в 1139 году папой Иннокентием II; эта булла даровала тамплиерам непомерные привилегии, значительно изменившие устав, принятый на соборе в Труа. Правда, с этим уставом связаны некая загадка: в 1128 году он был составлен на латыни; затем его перевели на французский язык, и в этой редакции некоторые статьи не совпадали с латинским оригиналом. И нельзя винить средневековых клириков в том, что они не сумели корректно перевести текст с латыни на французский!

В новом, выпущенном на французском языке уставе уточняется существенная деталь: «Все предписания, содержащиеся в этом уставе, подлежат подтверждению и одобрению магистра». В латинском тексте этой фразы нет. Понятно почему: согласно постановлению 1128 года орден подчинялся иерусалимскому патриарху, а папская булла освободила тамплиеров от его опеки, доверив всю полноту власти великому магистру, то есть Роберту де Краону. Патриарх более не имел к ордену

отношения, как и вся иерархия белого духовенства: во французской версии устава клирики, раньше не входившие в орден, могут стать полноправными членами воинства Храма. Отныне братья капелланы подчиняются исключительно власти великого магистра, который является не священником, а простым монахом. Меньшее, что можно сказать по этому поводу, — с молчаливого согласия папства орден тамплиеров стал организацией, совершенно независимой от церковной иерархии, организацией, где верховная власть принадлежит лицу, не получившему сан священника. В этих условиях напрашивается следующий вопрос: а что происходило во время религиозных церемоний, устраиваемых в обособленных святилищах тамплиеров, где присутствовать позволялось только членам ордена и где служили священники, повиновавшиеся великому магистру? Подобные рассуждения и дали пищу для многочисленных разговоров, легенд, о которых вспомнили на судебном процессе 1307 года, когда священников ордена обвинили в том, что они опускают слова молитвы во время обряда посвящения.

Но этим дело не ограничивается. Известно, что латинский устав предусматривал послушничество для тех, кто хотел стать тамплиером. Было ясно, что никто не мог войти в орден, не пройдя «испытательный курс». Однако во французской версии об этом ничего не сказано. Нужно ли верить в то, что любой, кто изъявил желание войти в воинство Христово и подошел по требуемым условиям, могут вступить в орден? Речь идет о разрыве со старыми правилами, поскольку раньше для вступления в орден требовалось подтвердить свою принадлежность к знати и отказаться от привилегий своего сословия перед вхождением в братство. Теперь же человек, становившийся тамплиером, приобщался к славе и знатности. Это смущающее обстоятельство отчасти придает вес обвинению ордена в том, что он стал организацией инициационного типа.

Другая важная перемена затронула статью № 12 старого устава. Латинский текст гласит: «Приказываем вам идти туда, где, как станет известно, собрались не отлученные [от церкви]

рыцари». В этой статье говорится о наборе новых братьев среди мирских рыцарей. Однако во французской версии отрицание пропадает, и фраза формально приобретает совсем иной смысл, нежели в оригинале: «Приказываем вам идти туда, где, как станет известно, собрались отлученные рыцари». Это не ошибка, потому что статья имеет продолжение: «И если найдется среди них хоть один, кто пожелает вернуться и присоединиться к ордену заморского рыцарства, вы должны думать не только о прямой выгоде, которую сможете извлечь, но и о спасении его бессмертной души. Мы приказываем вам принять его при условии, что он предстанет перед епископом своей провинции и объявит о своем решении. И когда епископ его распросит и даст ему отпущение и если он попросит этого у магистра и братьев ордена, если жизнь он вел почтенную и достоин находится в их обществе, если магистру и братьям он покажется подходящим, пусть его примут по милости Божьей».

Конечно, все вышесказанное находится в полном согласии с христианской любовью к ближнему и свидетельствует о самых похвальных намерениях. Однако остановимся на деталях, чтобы продемонстрировать медленную коррупцию, постепенно охватившую орден, коррупцию, которая может оправдать нападки на тамплиеров в XIV веке. Вероятно, мы имеем дело не с фальсификацией, но все равно стоит быть крайне осторожным. Три статьи (11, 12, 13) французской версии, которые совпадают со статьями № 58, 64 и 57 старого латинского устава, составляют единый блок, посвященный принятию новых членов в орден. В особенности статья № 11 оговаривает случай мирских рыцарей или других людей, которые хотят «оставить свет и присоединиться к нашей общине». Решение о новых кандидатах принимает великий магистр и братья, собравшиеся на заседание капитул. В статье № 12 упоминается об отлученных рыцарях, которых можно принять в орден, если они примирились с Церковью. А статья № 13 запрещает — за исключением оговоренных выше случаев — всякое общение с отлученными.

Однако есть определенные неясности. Если брать за основу латинский устав, можно заметить, что в статье № 58 мирские рыцари принимаются в орден непосредственно великими магистром и братьями капитула, тогда как согласно статье № 64 *не* отлученные рыцари могут стать тамплиерами только после того, как покаются перед епископом. Так какая же разница между мирскими рыцарями и рыцарями, не отлученными от Церкви? Быть может, статья № 64 просто исправляет оплошность в отношении роли епископа в процессе принятия новых кандидатов до того, как орден получил признание собственной независимости от иерархии белого духовенства? Точного ответа нет. Можно только констатировать, что новый устав позволял тамплиерам вербовать новых братьев там, где им нравилось, и не обязательно в лучших кругах общества. Без сомнения, они «ловили рыбку в мутной воде», обращаясь к отлученным рыцарям. Ведь известно, что в XII–XIII веках в Европе и Палестине было немало рыцарей, отлученных от Церкви по самым разным причинам (грабеж церквей, нападения на монастыри, прелюбодеяние, измена сеньору, неуважение церковных властей и т. д.). Разве был ли хоть один король Франции, за исключением Людовика IX Святого, которого, пусть и на небольшой срок, не отлучали от Церкви? Отметим также, что далеко не все преданные анафеме рыцари были самыми дурными представителями своего сословия — часто случалось как раз наоборот.

Признаем, что было бы, по меньшей мере, глупо отказываться от услуг таких людей: это противоречило бы первоначальному идеалу ордена Храма, торжественно узаконенному Бернардом Клервоским: вести к вечному спасению грешных рыцарей, предложив им аскетичный образ жизни. Подобное изменение, внесенное в устав, полностью соответствовало призванию ордена тамплиеров — обратить и привести на службу христианству целый социальный слой, особенно непокорный и часто сбивающийся с правильной дороги. Но здесь крылась несомненная опасность. Если бы орден Храма стал пристани-

щем для маргиналов всего христианского общества, не превратился бы он постепенно в своего рода «Иностраннный легион»? Упреки, адресованные тамплиерам в том, что они принимали в свое братство «сорвиголов», зачатую не были лишены основания. В связи с этим не будет лишним напомнить о нескольких случаях, самым показательным из которых является история Жоффруа де Мандевиля.

Эта история произошла в Англии во время войны между Стефаном Блуаским и императрицей Матильдой, оспаривавшими друг у друга английскую корону. Жоффруа де Мандевиль, крупный англо-нормандский барон, попытался вернуть себе три замка, которые некогда отняли у его семьи. Благодаря вмешательству Стефана Блуаского он получил требуемое. Но Жоффруа не успокоился и стал интриговать в пользу Матильды. В 1143 году он был арестован и в обмен на освобождение вернул королю все свои крепости. Тогда он превратился в настоящего изгоя, грабя и убивая без пощады. Он захватил аббатство Рамсей и остров Или. Смертельно раненный стрелой в 1144 году, он агонизировал в течение долгих дней и скончался не причастившись. Таким образом, он был навеки проклят и не мог быть похоронен в освященной земле. Но, по словам хроники аббатства Вальден, которое Жоффруа основал и чьи монахи остались ему верны, у тела покойного появились рыцари тамплиеры, покрыли его плащом с красным крестом (это было новшеством, поскольку официально право носить такой плащ было признано за братьями ордена только в 1148 году) и, сославшись на свои привилегии, увезли его в Лондон. Там тело поместили в гроб, который подвесили на дерево в саду резиденции Храма, чтобы не осквернять освященную землю. Спустя двадцать лет монахи из Вальдена добились посмертного прощения для основателя своего монастыря и получили разрешение похоронить его по-христиански. Но затем они узнали, что тамплиеры уже погребли Жоффруа в новом гробу на орденской территории...

Странная история... Детали, конечно, были выдуманы монахами Вальдена для своих целей, но в целом ясно, что между

Жоффруа де Мандевилем и тамплиерами существовали особые отношения. Чем объяснить этот интерес братьев ордена к рыцарю, ставшему особо опасным преступником? Было ли в обычае у рыцарей Храма общаться с такими персонажами в нарушение статьи № 57 латинского устава, которая запрещала встречи с отлученными от церкви?¹

Если рассуждать логически, орден тамплиеров вряд ли смог успешно пополнять свои ряды, если бы не обратился к отлученным рыцарям. Можно долго и красиво разглагольствовать о высокой духовной миссии тамплиеров, их тайной доктрине, их еретических — предположительно — воззрениях, одно представляется совершенно очевидным: *орден рыцарей-монахов не ждался больше в суровых солдафонах, нежели метафизиках*. Мистики и созерцатели могли выбирать между цистерцианцами, клюнийцами или бенедиктинцами. В ордене Храма мы встречаем *бойцов*. Не то чтобы их веру можно подвергать сомнению, но просто тамплиеры предоставляли забиякам всех мастей возможность почетного отступления. Они знали, что ордену Храма нужны стойкие и воинственные люди. И разве вступление в орден Храма не было достаточно сильным искушением для тех, кто чувствовал себя полностью исключенным из христианского общества, кто не знал, как жить дальше? Именно тогда можно говорить об «Иностранном легионе». В общем, реальное сходство есть. Эти люди находили средство обеспечить себе материальные условия и спасение в ином мире — и этим не стоит пренебрегать. Конечно, тамплиеры проносили обет нестяжательства, но все же орден был богат и не давал своим братьям погибнуть с голоду. Выполняя предписания устава, трудясь в соответствии со своими способностями, рыцарь без единого су и кольчуги (а таких хватало в XII веке!) получал возможность «свести концы с концами»: вступив в

¹ В церкви лондонской резиденции тамплиеров по-прежнему можно увидеть надгробие Жоффруа де Мандевиля. Но оно создано по крайней мере пятьдесят лет спустя после предполагаемого захоронения, и, в любом случае, герб на нем не принадлежит Мендевилям.

орден, он обеспечивал себе хорошее питание, крышу над головой и Рай после смерти. Эта констатация, возможно, граничит с цинизмом и может возмутить поклонников тамплиеров, но она соответствует реальности.

Можно ли сказать, что все тамплиеры были неотесанными тупицами? Нет, конечно, хотя в их рядах встречались и такие персонажи. Но в любом случае, тот факт, что устав ордена Храма в 1139 году был переведен (или, скорее, адаптирован) на французский язык, подтверждает, что среди храмовников лишь немногие были неграмотными. Не стоит заблуждаться относительно значения термина «неграмотный» в средневековых текстах: он значил, что человек не знал латыни. Однако я не хочу сказать, что каждый тамплиер умел читать по-французски (или на каком-нибудь общем или местном языке), обладал солидным культурным багажом или богословским образованием. В принципе рыцарям Храма не было необходимости ни в культуре, ни в идеологии. Им достаточно было верить и подчиняться. Нет сомнений, что в Средние века, особенно в XII–XIII веках, не знать латынь означало быть в стороне от настоящей культуры, не понимать фундаментальные религиозные тексты, которые не были переведены. Кроме того, латынь был официальным языком — не только Церкви, но и политических институтов. То, что последний великий магистр тамплиеров Жак де Моле был неграмотным, многое говорит о культурном уровне руководителей ордена Храма — по крайней мере, *официальных руководителей*, тех, кто находился на авансцене. В этом вопросе позволительны сомнения, и вполне можно задаться вопросом: а не управляла ли орденом Храма тайная иерархия, поручившая заметным или известным лицам поддерживать связь между рыцарями-монахами и наряду с секретными властями нести ответственность за братство. Не стоит забывать, что институт «подставных лиц» так же стар, как и человечество.

Итак, устав ордена — особенно с того момента, когда он был переведен с латыни на французский язык, — был предназначен

для распространения среди членов ордена Храма. С 1139 года он больше не изменится, но неоднократно будет дополняться, в особенности статьями, чье составление восходит ко времени правления великого магистра Бертрана де Бланкефора (1156–1169), того самого, кого некоторые «секретные» документы так называемого Приората Сиона выдавали за уроженца края Ра-зе, возле Ренн-ле-Шато, и кто на самом деле — исторические документы это неопровержимо подтверждают — принадлежал к знатному семейству, жившему в области Бордо. Были и другие добавления, в 1230 и 1260 годах, уточнявшие детали монашеской жизни, дисциплину и наказания, так же как и правила принятия в орден. Этот устав и все его дополнения нам прекрасно известны.

Так чем же был этот устав для тамплиеров? Известно, что основной устав оглашали, по крайней мере, в сокращенном виде во время церемонии принятия нового храмовника в орден. Примечательно, что устав зачитывался новому рыцарю только после принятия в орден, а никак не до, что может показаться странным. Ритуал вхождения в орден от 1260 года также упоминает, что следует вкратце излагать основные статьи устава и главных дополнений. В этот момент все предписания составляли вместе примерно шестьсот семьдесят восемь статей, поэтому необходимость краткого изложения была очевидна.

Много спорили об этом чтении «резюме» устава: в нем часто видят свидетельство неотесанности рыцарей Храма. Ведь не удовольствовались тем, что перевели и устав, и библейские цитаты, но еще и зачитывали их громким голосом. Скорее всего, большинство братьев ордена действительно не умело читать. Но были и исключения, о которых упоминает устав. Так, тамплиерам запрещалось «брать в руки устав, иначе как с позволения начальства». Выходит, орден следит за тем, у кого из братьев был устав. И причины, объясняющие это ограничение, довольно странные. Кажется, хотели, чтобы устав не попал в руки человека, который мог бы его использовать во зло: «Устав иногда попадает к оруженосцам, они читают его и рассказывают о

наших правилах мирянам, что может повредить нашему братству. Чтобы не происходили такие вещи, нужно, чтобы начальство указало, чтобы никто, кроме бальи, уставом не владел; а балья должен пользоваться уставом только для выполнения своей службы» (статья 326).

Итак, яснее ясного: устав и приложения никоим образом не должны попасть в руки «простых смертных». Оруженосцам, которые принадлежат к ордену, это разрешается, но больше никому. Налицо глубокое недоверие по отношению ко всем тем, кто не входит в братство тамплиеров, и почти навязчивое стремление нагнетать атмосферу секретности. Однако ни в уставе, ни в приложениях нет ничего, что противоречило бы католической доктрине, поэтому подобная недоверчивость не может не удивлять. Если верить статье, распространение устава *может повредить нашему ордену*. На самом же деле как раз отчаянная попытка сохранить устав в тайне и повредила тамплиерам, ибо во время судебного процесса 1307 года их не переставали в этом упрекать; стремление рыцарей Храма к секретности стало важной составляющей, если не обвинения, то, по крайней мере, сомнения в отношении подлинной мотивации храмовников.

Эта деталь тем более удивляет, что устав и приложения были, как кажется, широко распространены в ордене. В каждой важной резиденции тамплиеров должен быть свой список устава. Во время судебного процесса брат капеллан из Ма Дье представил епископу Эльна и членам комиссии «вышеупомянутую книгу устава, которую он велел принести из дома в Ма Дье и она начиналась на романском, есть на каталонском...». Один экземпляр устава на французском языке был обнаружен в США, в библиотеке Балтимора. Вероятно, ранее он находился в резиденции тамплиеров в Доже (деп. Норд); примечательно, что к тексту устава была приложена поэма, написанная в духе куртуазной эпохи. Подобное «соседство», кажется, не вполне соответствует букве устава ордена Храма: получается, что тамплиеры, испытывавшие пристрастие к поэтическому творчеству,

могли уступить своим желаниям и сочинять любовную лирику, вопреки принесенному ими монашескому обету. Возможно, стоило бы с большим доверием относиться к народным традициям, утверждавшим, что тамплиеры были любителями женской красоты. Однако манускрипт из Балтимора в равной степени свидетельствует о том, что доступ к уставу ордена Храма было предельно прост. Так в чем же секрет? Почему руководители тамплиеров так боялись, как бы устав не попал в чужие руки и не нанес серьезного ущерба «нашему ордену»?

Ответа нет. Разве что можно предположить, что существовал секретный устав. Но ведь в данном случае речь идет не о секретном, а официальном уставе, который был в каждом доме тамплиеров; даже сегодня сохранилось его двенадцать рукописных списков. Более того, этот устав хорошо известен за пределами ордена, поскольку он оказал сильное влияние на уставы других военно-монашеских орденов. Некоторые статьи устава госпитальеров, особенно те, что касаются капелланов, капитула и сановников, свидетельствуют о непосредственном влиянии орденов Храма и Сито. Что же касается рыцарей Гостеприимного дома Св. Марии Тевтонской, которых обычно называют тевтонскими рыцарями, то в 1198 году они взяли за образец устав своих братьев и соперников, тамплиеров. Так откуда же берет начало эта мания секретности устава храмовников?

Все это не мешало ордену расти. Его дома и резиденции появляются повсюду. Знаменитая «паутина» заботливо окутывала всю западную часть европейского континента. И конечно, по мере того, как орден усиливался, он постепенно сворачивал с пути, указанного его основателями и Бернардом Клервоским. Это отклонение во многом связано со сказочным богатством ордена.

Ведь в XIII веке орден стал главной финансовой силой в Западной Европе. Однако, согласно уставу, ни один рыцарь не мог использовать материальные блага во имя своих собственных интересов. Великий магистр Арнауд де Торрохо гордо ответил мусульманам, потребовавшим от него выкуп: «Тамплиер

может дать в качестве выкупа только свой пояс и боевой нож». Обет бедности в ордене никто не отменял. Но когда богаты все, богат и один. Кроме того, тамплиеры были такими же людьми из плоти и крови, как и остальные, хотя сознательно стремились к некоторой маргинальности. Подсчитано, что в конце XIII века ордену Храма принадлежало около девяти тысяч владений. Также пытались оценить приблизительную стоимость их движимого имущества: получалась цифра в 130 миллиардов современных франков. Пусть цифра и завышена (довольно сложно установить ценовое соответствие между XIII веком и нашим временем), все равно следует признать, что в эпоху, когда во всем мире царила бедность, орден скопил неисчислимы богатства, которые после утраты Святой Земли более не служили для достижения изначальной миссии тамплиеров.

Откуда возникло это колоссальное состояние? Прежде всего это дары и пожалования ордену на протяжении двух столетий. Число их достигло своего апогея в XII веке, но и в начале правления Филиппа Красивого орден тамплиеров по-прежнему продолжал получать дары. И рыцари-монахи умели с толком распорядиться этим имуществом, преумножить его, поскольку сами члены ордена довольствовались немногим. В общем, тамплиеры жили в состоянии автаркии, и любое новое приобретение означало чистый доход.

У храмовников был и иной источник прибыли, который, несмотря на то что о нем редко упоминается, все же приносил немалую выгоду: военная добыча. Как и современники, все рыцари-монахи практиковали грабеж. Папская булла от 1139 года в недвусмысленных выражениях запрещала тамплиерам заниматься подобными делами.

Не стоит преуменьшать и значимость даров паломников. Во все времена паломничество было верным источником дохода. Об этом, например, свидетельствует яростная борьба между храмами, церквами и монастырями за право владеть мощами и реликвиями, поклониться которым стекались толпы верующих. При необходимости такие реликвии могли и просто

сфаальсифицировать. Прекрасно известно, что из всех «подлинных» обломков креста, на котором был распят Христос, можно было построить просторный двухэтажный дом. Как и прочие, тамплиеры не отказывались эксплуатировать религиозное рвение доверчивых пилигримов.

Но самый большой доход ордену Храма приносили банковские операции. Опираясь на знаменитую «паутину» — благодаря которой орден находился рядом со всеми крупными торговыми маршрутами, — свои независимость и престиж, тамплиеры создали продвинутую для того времени финансовую организацию. Рыцари Храма изобрели вексель, чеки и различные способы кредитования. Им доверяли значительные вклады в серебряной монете, которые они тщательно охраняли в своих резиденциях: огромная крепость тамплиеров в Париже была построена именно для этой цели. Через посредничество ордена любой мог оплатить свои покупки за рубежом. Нет сомнений, что эта банковская организация была востребована, уж больно быстро она стала процветать. Конечно, с каждой операции тамплиеры получали свой процент, что только способствовало приросту их богатства. Может только возникнуть один вопрос: а подходила ли эта роль монашескому ордену, основанному для защиты пилигримов, бредущих в Святую Землю?

В ту эпоху этот род деятельности вызывал не только враждебные отзывы и порицание, но и приводил к серьезным столкновениям и конфликтам со светскими властями. Во Франции, например, торговцы вином протестовали против невыгодной для них конкуренции с тамплиерами, которым было позволено продавать свое вино беспошлинно. Купцы, сбывавшие сукно, жаловались, что несут огромные убытки из-за того, что тамплиеры взимают несоразмерные пошлины с некоторых видов их товаров. Обзаведясь собственным флотом и переманивая к себе паломников и купцов, орден Храма также навлек на себя ненависть морских компаний Марселя и итальянских портов. Кроме того, если их интересы были затронуты, рыцари-монахи умели проявить безжалостную жестокость, весьма

далекую от идеалов христианского милосердия. Внутренне убежденные в своем превосходстве, привыкшие считать себя военной элитой христианского мира, тамплиеры не испытывали ни малейшей жалости к страданиям себе подобных, ни уважения к их идеалам и чувствам. Орден стал огромной машиной, которая функционировала без сбоев, но имела один дефект, как и все остальные машины: в ней более не было ничего человеческого. Когда тамплиеры вступали в распрю со своими соседями, то не останавливались ни перед убийством, грабежом или поджогом, как и любой феодальный сеньор. Они, правда, меньше рисковали подвергнуться наказанию благодаря широким привилегиям, полученным орденом, и заговору молчания, который возник вокруг некоторых происшествий.

Прежде всего возникает главный вопрос: была ли от ордена в эту эпоху хоть какая-нибудь польза? В 1187 году султан Саладин захватил Иерусалим и христиане перестали править в Святом граде. Христианское королевство ужалось до небольшой полосы земли вокруг Акры, и этот последний бастион пал в 1291 году. На Ближнем Востоке больше не было христианских владений. Паломничества прекратились, а потому незачем было охранять дороги, ведущие к христианским святыням. Конечно, тамплиеры продолжили сражаться с мусульманами, но уже в Испании. Но такое впечатление, что в остальной Западной Европе орден Храма более не отвечал своему предназначению.

Орден продолжил свое существование: главная резиденция была перенесена на Кипр, а затем во Францию, в Париж. Сохранились три орденских провинции: во Франции, Арагоне, Португалии, Пуату, Англии, Апулии и Венгрии. Тамплиеры с еще большей энергией продолжили финансовые операции, поскольку теперь у них не было иного занятия. Впрочем, у них остались все привилегии, которые пожаловали им папы. Поэтому ничего странного, что ордену завидовали и ненавидели.

Среди простолюдинов орден упрекали за богатство, особенно заметное и оскорбительное на фоне обычной бедности в

Европе. Затем орден порицали за то, что его братья вели жизнь, имевшую мало общего с монастырскими идеалами. Именно в это время выражение «пить как тамплиер» вошло в поговорку. Конечно, в Средние века, когда везде царили антиклерикальные настроения, монахов всех орденов постоянно высмеивали за их чревоугодие и излишества. Но в отношении храмовников эта критика обрела более реальное содержание: тамплиеры были более воинами, чем монахами, и были освобождены от целого ряда ограничений, обязательных для всех остальных иноков. Это не могло не вызывать пересудов. Ходили слухи, что их нравы не всегда соответствовали обетам целомудрия, чьим символом был «белый плащ». Детям даже советовали избегать компании тамплиеров, а особенно не давать себя целовать: ибо в уставе ордена, запрещавшем обнимать женщин, даже если речь шла о матерях и сестрах, ничего не говорилось о детях. В итоге тамплиеров стали подозревать в педофилии, и странно, что эти подозрения не нашли отражения в обвинительном списке 1307 года. Надо сказать, многое в этом — пересуды, но были и реальные случаи.

Храмовников много ругали за вызывающую роскошь, не в убранстве их церквей, которые всегда отличались строгостью стиля, а в жизни, где, случалось, они слишком выделялись пышностью своих одеяний. На этот упрек братья отвечали, что занятия торговыми и финансовыми делами — ставшими их основным уделом — требуют хорошо выглядеть.

Справедливости ради надо сказать, что тамплиеры не одни были объектом народной нелюбви. Госпитальеров ненавидели так же сильно — и по тем же самым причинам. Более того, рыцари госпитальеры были замешаны в еще более громких скандалах. Папы не раз метали гром и молнии, обвиняя их в сексуальной распущенности, укрывательстве убийц, грабивших пилигримов, и даже приверженности к еретическим взглядам. Конечно, тамплиеров обвиняли в тех же самых преступлениях, но, что удивительно, каждый раз орден Храма получал прощение от папства. Один лишь Иннокентий III, который вообще-то

был другом храмовников, осмелился обратиться к ним в начале XIII века с предостережением. «Преступления твоих братьев, — писал папа великому магистру, — глубоко огорчают нас, ибо смущают нашу Церковь. Рыцари Храма практикуют демонические обряды, одежда их не что иное, как лицемерие». В 1263 году папа Урбан IV отлучил от Церкви маршала тамплиеров Этьена де Сиссея, протеже великого магистра Тома Берара, из-за скандала, в котором была замешана женщина. Следующий понтифик, Климент IV, согласился снять отлучение (при условии, что маршал будет отозван со своего поста), но воспользовался случаем, чтобы торжественно предупредить весь орден: «Пусть храмовники остерегутся выводить меня из терпения, чтобы Церковь не была вынуждена прибегнуть к более обстоятельному расследованию предосудительных вещей, к которым до сих пор относились слишком снисходительно, ибо тогда спасения не будет». Нам немного известно об этом деле, но оно, должно быть, наделало немало шума. Обвинители ордена в 1307 году еще о нем вспомнят.

Все это, вкуче с постоянными конфликтами тамплиеров и других военно-монашеских орденов, госпитальеров и тевтонских рыцарей, серьезно сказалось на законных подозрениях, которые питали по отношению к ордену Храма. Очевидно, что к концу XIII века орден сильно изменился. Но в реальности *тамплиеры никогда не были святыми*.

Мы знаем и о других прискорбных эпизодах, о которых сторонники ордена Храма стараются не упоминать. В 1187 году, когда Саладин захватил Иерусалим, он оставил горожан в живых и предложил им выкупить свою свободу, заплатив десять золотых монет за мужчину, пять — за женщину и две — за ребенка. Состоятельные люди без труда заплатили эту сумму, но основная масса христианского населения, по большей части состоящая из бедняков, была обречена на рабство. Однако тамплиеры, спасая свою казну, наотрез отказались выкупить иерусалимских жителей. В качестве предлога они напомнили просителям, что великий магистр их ордена находится в плену,

а только он один может распоряжаться орденскими деньгами. В его же отсутствие братьям решительно запрещено притрагиваться к казне. И тогда шестнадцать тысяч христиан увели в рабство, включая женщин и детей.

С французским королем Людовиком IX Святым произошла сходная история. Когда король попал в плен к мусульманам, тамплиеры отказались участвовать в его выкупе, и Жуанвиль, не очень-то любивший орден Храма, рассказывает, на какие ухищрения ему пришлось пойти, чтобы заставить рыцарей-монахов раскошелиться. Но добрый король Людовик не забыл этого: позднее он унизил великого магистра тамплиеров Рено де Вишье, принудив его стать перед ним на колени и «покаяться».

Другой случай еще более показателен. Известно, что император Фридрих II Гогенштауфен — этот загадочный персонаж, склонявшийся то ли к вероотступничеству, то ли к еретическим взглядам, заклятый враг папы, отлучившего его от Церкви, — смог заключить соглашение с мусульманами. Неизвестно какой ценой, но он добился возвращения христианам Иерусалима. Но чтобы возврат состоялся, императору потребовалось поручительство тамплиеров. Он вступил в переговоры с братьями, пообещав им богатые дары. Но тамплиеры отказались от его предложения, потому что их резиденция не была упомянута в списке возвращаемой христианам собственности. Дело застопорилось. Фридрих II не забыл об этом и всячески нападал и поносил орден Храма в дальнейшем.

Видно, что орден, вмешавшись в мирские дела, так или иначе, но обязательно себя компрометировал. Но войны в Святой Земле отвлекали на себя всеобщее внимание, что позволяло военно-монашеским орденам, не только тамплиерам, но госпитальерам и тевтонцам, сохранять свои тылы в целости и сохранности. Поэтому, когда падение Акры положило конец последним надеждам христианского мира, военные ордена смогли отступить на заранее подготовленные позиции. Госпитальеры выбрали морские просторы. Со своих баз на Кипре и позднее на Родосе, они охраняли покой Средиземноморья и прослави-

лись своей борьбой с мусульманскими пиратами. Тевтонские рыцари, по большей части, уже вели экспансионистскую войну с национальной окраской против славян, в вящей выгоде германской империи. Те, кто оставался в Святой Земле, после падения Акры присоединился к своим братьям, и орден стал настоящей германской армией на службе у императоров. Тамплиеры же, напротив — за исключением тех из них, кто сражался в Испании с маврами, — не нашли себе новой сферы для военных действий. Они просто отступили на континент, где продолжили эксплуатировать свои владения

Именно в этот момент вмешался Филипп Красивый. Его часто представляют как непримиримого врага ордена Храма, но это не совсем правда. Да, в 1295 году он приказал перевести королевскую казну из резиденции Храма (где она до того хранилась) в Лувр. Многим хотелось бы видеть в этом решении первый враждебный поступок, направленный против тамплиеров, но это не так. Король всего лишь намеревался сам распоряжаться казной и извлекать прибыль из сложных финансовых операций. Он не достиг успеха, и в 1303 году казну вернули в орденскую резиденцию: тамплиеры слыли лучшими финансистами своего времени, и король Франции по-прежнему доверял им. Он осыпал орден самыми разными вольностями и привилегиями, обратившись к ним со словами, полными благодарности¹.

Слишком красивая история — для того чтобы быть правдой. Наверняка где-то была скрыта ловушка. Да, но не та ловушка, о которой все думают.

Филипп Красивый был сложной личностью. Это был одновременно хитроумный, расчетливый политик и религиозный

¹ Отметим любопытную деталь: великий магистр тамплиеров Жак де Моле был крестным отцом сына короля, несмотря на устав, запрещавший тамплиерам выполнять подобную роль. Это ясно говорит о том, что между Жаком де Моле и Филиппом Красивым отношения были безоблачными. Во время бунта парижан в 1306 году французский король укрылся именно в резиденции ордена Храма.

фанатик, который не забывал, что он приходится внуком святому королю Людовику. Взойдя на трон в 1285 году, он принял консолидацию своего королевства, которое еще никогда не было столь обширным и хорошо управляемым. Его целью было увеличить могущество этого зарождающегося национального государства, каким в те времена являлась Франция. В этом, по его мнению, заключался его священный долг. Совсем как его дед Людовик Святой, Филипп был уверен, что, защищая интересы государства и своей династии, он одновременно служит во благо Церкви и христианской веры. Обладая поистине железным сердцем, этот король ни секунды не сомневался, что действует во имя Господа: *нужно помнить об этом, а не выносить поспешные и продиктованные чувствами суждения*. По мысли Филиппа, сам Господь направлял его руку. Укрепляя власть короля Франции, этой христианской страны, прозванной «старшей дочерью Церкви», он лишь выполнял волю Божью, *даже если для этого ему нужно было вступить в борьбу против папы римского*, ибо папа выполнял лишь духовную, но не мирскую миссию. Тем более что деяния его великого деда лишь придавали ему уверенности. Людовик Святой неоднократно одерживал верх в спорах с понтификами, признавая, однако, за ними главенство в духовной области. Одним словом, французский король был хозяином в своем королевстве и ответственность нес только перед Господом. Это была абсолютная монархия, основанная на божественном праве.

Итак, после падения Акры Филипп Красивый, которому всегда было свойственно обостренное чувство реальности — но одновременно он позволял себе увлечься химерическими мечтаниями о возложенной на него божественной миссии, — осознал, что ему предоставлены новые возможности. Поскольку Святая Земля была утрачена христианами, говорил он себе, и отвоевать ее не представляется вероятным, по крайней мере, в ближайшее время, поищем другие способы. И эти способы он нашел в мистической (и отчасти эзотерической) мысли Раймунда Луллия.

В 1292 году каталонский поэт — и алхимик — Раймунд Луллий, уже давно интересовавшийся возможностью обратить приверженцев ислама в христианство, стал пропагандировать развернутый план завоевания и евангелизации мусульманского мира. План был таков: миссионеры, хорошо владеющие арабским языком (Луллий сам говорил на арабском), получают в помощь новую армию крестоносцев, костяк которой будет состоять из двух орденов тамплиеров и госпитальеров, объединившихся к тому времени в одно братство. Вождь этой армии примет титул «Короля-воителя» и станет государем Иерусалимским. Первоначально Раймунд Луллий надеялся убедить короля Хайме II Арагонского устроить крестовый поход против Гренады, находившейся под властью мусульман, но оказалось, что в Париже, при дворе французского короля, к его словам готовы прислушаться.

Филипп Красивый понял, какую выгоду он сможет извлечь из положения «Короля-воителя» — если, конечно, он будет настолько смел, чтобы занять это место. Он знал могущество двух военно-монашеских орденов: госпитальеры царили на просторах Средиземного моря, а тамплиеры правили на европейском континенте. Став одновременно руководителем госпитальеров и тамплиеров, король Франции приобрел бы важнейший козырь и смог бы превратиться в настоящего мирового владыку, возложив на свою голову другую корону — корону Иерусалимского короля.

Это не пустая гипотеза. Филипп Красивый действительно задумался над этим планом. Он даже написал своего рода программу из восьмидесяти пунктов: эта программа дошла до нас в одной рукописи, правда фрагментарной, но достаточной точной для того, чтобы мы могли восстановить ее в первоначальном виде¹.

¹ Несколько фрагментов этой пространной программы были включены в один документ арагонского происхождения, датированный 1308 годом. См. Finke H. *Papstum und Untergang des Templerordens*. Munster, 1907. Т. II. S. 118. Комментарий в той же книге, в томе первом (S. 121–122). Также см. Cohn N. *Demonolatry et sorcellerie au Moyen age*. Paeis, 1982. P. 109.

Этот документ доказывает, что Филипп Красивый собирался отречься в пользу старшего сына и стать великим магистром нового ордена. Этот орден, состоящий из объединенных братств тамплиеров и госпитальеров, должен был носить имя рыцарей Иерусалима, а его великий магистр — получить титул Иерусалимского короля. После смерти Филиппа Красивого пост великого магистра из поколения в поколение должен был передаваться старшему сыну французского короля. Все прелаты, включая архиепископов и епископов, были бы обязаны отдавать свои доходы великому магистру во имя завоевания Святой Земли, оставляя на свои нужды только скромную сумму. То же самое вменялось бы и монастырским орденам, не принимающим непосредственного участия в возвращении Иерусалима. Более того, «Королю-воителю» отводилась функция надзора за избранием пап. Так Филипп Красивый стал бы более могущественным, чем император, и все во имя прославления французского королевства: ибо королю Франции, рано или поздно коронуемому венцом Иерусалимских государей, подобно римскому императору, было суждено царствовать над огромной федерацией разных народов и установить вселенский мир.

Страдал ли Филипп Красивый манией величия? В любом случае, он действительно мечтал претворить в жизнь свой проект. Он реализовал из него несколько пунктов, в том числе тот, что касался надзора за папскими выборами. И тот, что касался храмовников.

В конце концов, ясно, что Филипп Красивый намеревался прибрать к рукам орден тамплиеров — и госпитальеров. Он знал, каким грозным могуществом обладал этот орден и хотел заставить тамплиеров служить себе, точнее, будем справедливы, королю Франции. Грандиозная идея, которая объясняет первоначально доброжелательное отношение короля к ордену Храма.

Но когда все попытки объединения двух орденов провалились из-за непреклонного отказа тамплиеров, слишком уверенных в своей силе, Филипп Красивый понял, что раз уж он не

способен стать магистром ордена Храма, то должен его уничтожить. Потому что этот орден был слишком могущественным, слишком опасным — и потому, что он мог пойти на службу другому «Королю-воителю», а не ему. Это историческая реальность. Процесс, начатый над тамплиерами, — следствие мести человека, который пережил крах своего обширного плана мирового господства и который так и не простил рыцарям-монахам отказа сотрудничать с ним.

Глава III

ОРДЕН ХРАМА ПОД ОБВИНЕНИЕМ

Если пытаешься понять и объяснить механизм судебного процесса над тамплиерами, казни многочисленных рыцарей-монахов и роспуск ордена, разрешение на который было с большим трудом вырвано у папы Климента V (и речи не шло об *осуждении* ордена), необходимо рассматривать эти вопросы в более широком контексте. А контекстом служила непримиримая борьба между королем Франции и папой римским особенно таким, как Бонифаций VIII. Эта борьба зашла так далеко, что едва не привела к посмертному процессу над Бонифацием VIII. Удивительно, но этот процесс стал разменной монетой для Филиппа Красивого, которому удалось добиться от папы Климента выполнения всех — или, по крайней мере, части — своих требований: прекращение преследований против своего советника — отлученного от Церкви — Гильома де Ногаре и уничтожения ордена Храма.

Перейдем к фактам. После смерти Николая IV кардиналы, собиравшиеся на нескольких конклавах, так и не смогли избрать нового папу. Престол понтифика пустовал около двух лет. Устав от споров, решили обратиться к благочестивому отшельнику и заставили его взойти на трон Св. Петра под именем Целестина V. Но святые никогда не были хорошими папами: Целестин, побуждаемый милосердным и сострадательным нравом, принялся раздавать беднякам церковные богатства. Легко представить скандал, который действия нового папы

вызвали в римской курии: столкнувшись с растущей враждебностью кардиналов, Целестин предпочел отречься.

Его преемником стал Бенедетто Гаэтани, более известный под именем Бонифация VIII. Но тут же встал вопрос о его легитимности: имел ли право Целестин V отречься от папского престола? Мнения расходились на этот счет. Для тех, кто не согласился с возможностью отречения, избрание Бонифация не имело законной силы. Проблема все еще не была решена ко времени суда над тамплиерами, хотя Бонифаций давно уже умер и был похоронен.

У Бонифация были все необходимые качества, чтобы стать хорошим папой — но отнюдь не святым. Человек гордый, авторитарный и жестокий, он рассорился со всеми, с кем было можно, и ополчился на кардиналов из семейства Колонна, бывших его политическими противниками. Его свары с французским королем из-за незначительного финансового вопроса (налогов, взимаемых королем с духовенства) хорошо известны. Последовала серия нападок и ответов, в результате чего папа открыто пригрозил низложить Филиппа Красивого.

Но король Франции не сидел сложа руки. В Италии у него были могущественные союзники в лице кардиналов Колонна. Колонна, ненавидевшие папу, всецело поддерживали французского короля и приняли активное участие в кампании по дискредитации Бонифация VIII: они даже заявляли, будто Бонифаций устраивал магические или дьявольские церемонии, чтобы снискать себе помощь демонов. В марте 1303 года ассамблея епископов и сеньоров собралась в Лувре в присутствии короля. С речь выступил Гильом де Ногаре, блестящий оратор и талантливый «легист» (то есть правовед, специализировавшийся в вопросах римского права). Он назвал папу еретиком и потребовал от собрания созвать вселенский церковный собор, чтобы его судить.

Бонифаций ответил, подготовив буллу, в которой провозглашалось отлучение короля Франции. Тогда Ногаре спешно выехал в Италию и там организовал заговор с целью схватить

понтифика и привести его на собор. Как известно, папу пленили в городке Ананьи. Но Колонна провалили все дело: в течение трех дней кардинал Шарра Колонна поносил и издавался над Бонифацием; после нескольких провокаций по отношению к жителям Ананьи они взялись за оружие и освободили папу. Ногаре был ранен и бежал. Но Бонифаций был сломлен физически и морально: через месяц он скончался.

Его преемник на папском престоле Бенедикт XI обнародовал буллу, в которой предавал Ногаре и его четырнадцать соратников анафеме. Но удар был нацелен в короля Франции. Но Бенедикт вскоре умер, как говорили, объевшись фигами. Естественно, повсюду ходили слухи, что фиги были отравлены. Кто знает? Ногаре торжествовал: «Господь, чье могущество превыше всех церковных и светских владык, поразил господина Бенедикта, чтобы он не мог более меня обвинять». Кардиналы избрали новым папой архиепископа Бордоского Бертрана де Го, который принял имя Климента V.

Излишне часто повторяли, что Климент состоял на жалованье у Филиппа Красивого. Это слишком поспешный вывод. Конечно, король и Ногаре всячески интриговали, чтобы конклав выбрал нужного им человека, но вряд ли они выдвигали кандидатуру Бертрана де Го, который к тому же не присутствовал на выборах. Впрочем, король и легист согласились признать нового понтифика, дав ему понять, что в его же интересах проявить сговорчивость. В любом случае, ситуация в Риме была небезопасной, и папа решил обосноваться в Авиньоне. А поскольку на противоположном берегу Роны начиналась территория французского королевства, Филипп Красивый мог с легкостью наблюдать за тем, что происходило в новой папской столице.

Надо сказать, что Бертран де Го был одним из тех, кто отказался участвовать в нападках на Бонифация VIII. Возможно, он даже испытывал враждебные чувства к Филиппу Красивому. Но при этом он был прирожденным дипломатом, настоящим экспертом по части уверток. Он часто противодействовал

Филиппу Красивому, причем с такой ловкостью, какой от него в общем-то никто не ожидал. Он прекрасно понимал, чем грозило Церкви объявление еретиком Бонифация VIII, даже после его смерти. Это могло пошатнуть сам институт папства. Вот почему Климент V приложил все усилия, чтобы оттянуть начало посмертного процесса над Бонифацием: для этого ему пришлось уступить французскому королю в других вопросах, в том числе затрагивавших тамплиеров. И чтобы выиграть время, он постарался успокоить рвение Филиппа, превознося его до небес.

По правде говоря, Клименту было довольно тяжело поддерживать равновесие сил. Изо дня в день росло число обвинений: утверждали, что покойный папа был не только еретиком, но и магом, колдуном. У него якобы был «свой собственный демон, с которым он советовался по всякому поводу» (Ногаре). Позднее стали говорить, что папа приютил не одного, а трех демонов: один ему подарила некая итальянка, другой, более могущественный, Бонифаций получил от какого-то венгра, и, наконец, самого сильный демон достался понтифику от Бонифация да Виченце. Кроме того, папа повсюду носил с собою «дух» в мешочке, подвешенном себе на палец. И кардиналы, и клирики якобы видели, как в этом мешке мелькала голова то ли человечка, то ли животного. Нашлись люди, которые будто бы слышали, как будущий Бонифаций во время избрания папой Целестина V разговаривал с демоном, запертым в комнате, наполненной ладаном. И если уж ему удалось спастись из плена в Ананьи, то не благодаря божественному вмешательству, а дьявольской помощи. Анекдотов подобного рода становилось все больше и больше: их появлению немало способствовали Колонна, а Ногаре тщательно скапливал эти рассказы, расцвечивая их колоритными деталями. Естественно, нашлись свидетели, полностью подтверждавшие реальность этих слухов. Кажется, что многие из них особенно настаивали на том, что у Бонифация был свой «идол», которому он поклонялся. Возможно, это не было случайностью: ведь в обвинениях,

выдвинутых против тамплиеров, значимое место занимал знаменитый «бафомет» — бородатая голова с двумя лицами, так заинтриговавшая последующие поколения исследователей.

К делу Бонифация прибавляется сходный по сути процесс над Гишаром, епископом Труа, также обвиненным в колдовстве и порче, сговоре с демонами и участии в дьявольских обрядах. Ногаре воспользовался этим процессом, значительно его приукрасив, чтобы спровоцировать Климента V: ведь по логике системы именно папа, не защитивший Церковь от ереси — ереси Бонифация, епископа Труа и *тамплиеров*, — выглядел виновным в глазах христианского мира. Гишар был арестован, и начался долгий суд. Уже после процесса тамплиеров епископ Труа был признан невиновным. Эти обвинения в магии, со-трудничестве с демонами, впервые в Средние века ставшие предметом государственного процесса, показывают, насколько Филипп Красивый и его советники извлекли выгоду из ситуации, чтобы воздействовать на *общественное мнение* и добиться нужных им результатов. И если тамплиеров прямо не обвиняли в демонической магии, все это только усиливало сомнения и подозрения, которые питали на их счет.

Дело тамплиеров также начиналось в подобных условиях: со слухов и сплетен, появления свидетелей, так или иначе состоявших на жалованье у Ногаре.

Итак, все началось в Ажане, в 1305 году. Один тамплиер, совершивший какое-то преступление — такие вещи случались, — пребывал в тюрьме и вот-вот должен был умереть. Поскольку под рукой не нашлось исповедника, но он признался в «проступках против веры и злодеяниях» другому заключенному, горожанину из Безье по имени Эске де Флойрак. Который, возможно, сам некогда служил в ордене. Ужаснувшись откровениям умирающего — а может, поняв, что сможет извлечь из него пользу, — Флойрак, дождавшись освобождения, поведал об услышанном арагонскому королю Хайме. Но тот, не испытывая особого желания ввязываться в такое запутанное дело, предпочел избавиться от Флойрака и направил

его к французскому королю. А поскольку главная резиденция ордена находилась во Франции, дело затрагивало французские власти.

Филиппу Красивому доложили об откровениях Эскье де Флойрака. К этому моменту король уже знал, что ему не удастся добиться слияния тамплиеров и госпитальеров в единый орден и стать великим магистром нового братства. Он знал также, что орден Храма представляет постоянную угрозу для королевской власти во Франции. Нужно было либо подчинить орден себе, либо уничтожить его. Первый вариант провалился, поэтому следовало перейти ко второму. А ради поставленной цели все средства были хороши.

Воспользовавшись представившимся случаем, король приказал провести официальное расследование в кругах, близких к тамплиерам. Конечно, не составило большого труда разыскать вышедших или исключенных за различные проступки из ордена тамплиеров, а также маргиналов, которые, находясь в стеснительном положении, были готовы признать все что угодно ради помилования или денег. В любом случае, сведения Эскье де Флойрака нашли подтверждение, и Филипп Красивый решил идти дальше. Он переговорил с новым папой Климентом V, с которым встретился во время церемонии интронизации в Лионе в ноябре 1305 года.

Климент V тут же отреагировал. Папа ясно видел, какую опасность может представлять это дело. Папство ничего не выигрывало, если на судебном процессе были бы открыты двери ордена, и без того окруженного тайнами и, вероятно, скрывавшего государственные секреты, затрагивавшие королевства и официальную Церковь. Впрочем, Филипп тоже не желал развязать процесс, на котором могли бы всплыть данные о делах, давно похороненных в архивах. Но он воспользовался этой угрозой, чтобы вырвать у папы если не осуждение, то, по крайней мере, учредить над орденом опеку. Ведь *не стоит забывать — папа и только папа был абсолютным главой ордена после великого магистра*. Тогда Филипп прибег к настоящему

шантажу: кто больше пострадает от дела тамплиеров, король — который не имел к нему ни малейшего отношения — или понтифик, верховный руководитель храмовников.

Ход был хитроумным, и папа это понимал. Желая замять дело, он вызвал к себе Жака де Моле и, взяв за основу проект своих предшественников, предложил великому магистру объединить тамплиеров и госпитальеров в рамках одного ордена. Так он думал избежать западни и удовлетворить запрос французского короля, продолжив держать в руках бразды правления новым братством. Он знал, что такой шаг лишь позволит выиграть время и проблема снова со всей остротой встанет, когда придется выбрать великого магистра нового ордена.

Однако Жак де Моле категорически отверг любую идею о слиянии двух орденов. По разному истолковывали этот отказ, который, без сомнения, был не только личным решением самого Моле, но и всего капитула тамплиеров. О личности последнего великого магистра много написано, и следует признать, что с этим человеком, которого одни считали мучеником, а другие глупцом, связано немало таинственного и непонятного.

О нем мало что известно. Но его поведение было настолько бесславленным и так мало соответствовало доверенным ему обязанностям, что нельзя не удивиться, почему тамплиеры выбрали его своим великим магистром. Мог ли он быть простым подставным лицом? И кто стоял за его спиной? Жак де Моле был одним из немногих, кто уцелел в Палестине, в отличие от новых братьев, которые никогда не видели Востока; ведь орден набирал рыцарей даже после того, как был захвачен последний оплот крестоносцев в Святой Земле — Акра. Кажется, что после избрания в 1295 году главной задачей нового великого магистра стала организация отступления на Запад. В момент ареста ему исполнилось шестьдесят четыре года. Самое удивительно, что он сам представился судебной комиссии как «бедный безграмотный рыцарь». Великий магистр такого важного ордена — и не знает латыни, а возможно, и является

безграмотным в современном значении этого слова — вот что странно. Каким же интригам он обязан своим избранием?

Со своей стороны Филипп продолжал плести сеть для ордена тамплиеров. Его поведение оправдывали желанием присвоить богатства ордена. По правде сказать, во время своего царствования он действительно испытывал серьезные финансовые затруднения. Во время его восхождения на престол французское королевство находилось на грани банкротства, и Филиппу пришлось прибегнуть к самым разным уловкам. В 1294 и 1296 годах он заставляет Церковь выплатить ему десятину, что стоило ему ожесточенной борьбы с папством. Все в том же 1296 году он запрещает вывозить золото за границу, включая привычные выплаты в папскую казну, что, конечно, не улучшило его отношений со Святым престолом. Он реквизирует золотую и серебряную посуду у самых своих состоятельных подданных в обмен на частичное возмещение их настоящей стоимости и приказывал расплавлять и чеканить из нее монету. Он ввел новый налог на торговлю и собственность, гораздо выше тех, что существовали до того времени. Он неоднократно девальвировал моменту, заслужив свое прозвище «король-фальшивомонетчик». Нужно признать, что в этой области он действительно был первопроходцем. Но его финансовая политика навлекла на короля гнев его подданных. После одной из очередных и особенно крупномасштабных девальваций, в июне 1306 года, парижские горожане взбунтовались против Филиппа и вынудили его укрыться — о, ирония судьбы! — в резиденции тамплиеров. После того как волнения улеглись, король приказал повесить нескольких горожан, чтобы продемонстрировать свою власть. Затем он обрушился на евреев. В один-единственный день все евреи Франции были схвачены и помещены в заточение. Их деньги были конфискованы в королевскую казну, имущество продано, а прибыль досталась короне, дела переданы итальянским банкирам, к которым король питал полное доверие. Сами же евреи — по крайней мере, те, кому посчастливилось выжить, — были изгнаны за пределы королевства.

Известно, что многие из них были приняты в Авиньоне, удостоившись особого папского покровительства. Этот грабеж и последующее изгнание были представлены как великая победа Христа над своими мучителями. Идея погромов имеет долгую историю...

Затем Филипп якобы подсчитал всю прибыль, которую он сможет извлечь из богатств тамплиеров; это должно объяснять то ожесточение, с которым он добивался уничтожения ордена. Этот аргумент не выдерживает никакой критики. Это объяснение удобно для наших учебников истории, которое полностью подходит поклонникам ордена Храма, которых очень много в наши дни.

Совершенно ясно, что черные замыслы Филиппа, которые он вынашивал в надежде завладеть имуществом ордена, нисколько не противоречат тому, что мы знаем о характере этого государя. Но король Франции был слишком умен, чтобы не питать иллюзии касательно *реального содержания казны тамплиеров*. Он наверняка знал (и его шпионы должны были подкрепить его подозрения), что сокровища ордена не просто груда золота и предметов ювелирного искусства. Да, конечно, сундуки парижской резиденции храмовников были набиты монетами: но монеты эти представляли собой вклады частных лиц, в том числе и короля. Эти богатства не принадлежали ордену. Кроме того, устав уточнял, что братья тамплиеры не должны обладать материальными ценностями. Без сомнения, в орденских резиденциях и домах ювелирные украшения встречались довольно редко. Во время описи имущества после ареста храмовников люди короля не нашли ни одной подобной вещицы. Нет, было слишком наивно считать, что богатство ордена состояло из золотых или серебряных монет вкупе с драгоценностями. Богатство тамплиеров — это гигантская паутина, охватившая всю Европу, со всеми возможностями, которые она предоставляла. Конечно, ордену Храма принадлежало множество владений, но это было всего лишь недвижимое имущество. Думать, что Филипп Красивый вел ожесточенную борьбу против

тамплиеров только ради пополнения королевской казны — значит выставлять этого государя глупцом. В отличие от евреев, у которых было немало золота, рыцари-монахи обладали лишь *потенциалом*.

Но этот потенциал был опасным для королевской власти. Нужно было либо присвоить его себе, либо уничтожить. Выбрав второй вариант, Филипп Красивый напряг все силы, чтобы добиться быстрого завершения дела. В вот-вот готовой разыгаться драме роль «режиссера» предстояло исполнить Гильому де Ногаре, без которого королю было бы сложно заниматься «недостойными вещами». Зато Филипп Красивый мог — и в одиночку — выступить как свершитель «благого дела».

11 сентября 1307 года французский король встречался с Климентом V в Пуатье. Филипп рассказал папе все, что удалось разузнать о тамплиерах. Климент очень серьезно отнесся к обвинениям короля и позднее написал ему письмо, в котором подтверждал, что готов начать свое личное расследование: «Как вы помните, в Пуатье мы неоднократно говорили о храмовниках. Мы не могли заставить себя поверить в то, что услышали о них, ибо все это казалось невысказанным. Однако сомнения охватили нас, и, пребывая в смятенных, чувствах мы вынуждены начать свое расследование». Это письмо важно для нас, поскольку в нем Климент признавал, что начал испытывать колебания. Но папа стремился выиграть время. Хоть он и изъявил намерение предпринять розыск по делу тамплиеров, он его не начинал. Конечно, у него были свои резоны: *он прекрасно знал, что все рассказанное ему королем правда*, но насколько не спешил приблизить тот день и час, когда истина станет всеобщим достоянием, и бросить тень на папство. Поэтому Климент собирался ловчить, ждать и тянуть время.

Филипп Красивый прекрасно знал, что собой представляет его соперник. Он тоже *знал об ордене всю правду*, но огласки не боялся. Напротив, огласка лишь добавила бы ему славы и престижа, а папство, стеснявшее независимость королевской

власти, ослабило бы. Ясно, что французский король хотел скандала, который один смог бы пошатнуть позиции Святого престола. Напомним, что Филипп Красивый был первым государем, осмелившимся открыто напасть на традиционные институты Римской церкви.

Но нужно было действовать очень быстро. Король не мог не знать, что папа предупредил Жака де Моле и братья ордена осознают страшную опасность, нависшую над их организацией. Было бы глупо считать, что тамплиеры не предприняли некоторых предосторожностей. Во время допросов брат Жерар де Косс упомянет, что великий магистр в это самое время приказал изъять у членов ордена все списки устава и сжечь их. Все уничтожить не удалось, поскольку устав — по крайней мере, официальный устав — дошел до нас во многих манускриптах. Но это объясняет, почему орденский архив никогда не был найден. *Было ли в нем что-то, что следовало скрыть от посторонних глаз?*

14 сентября 1307 года на королевском совете было принято постановление об аресте всех тамплиеров. Один лишь архиепископ Нарбоннский, канцлер королевства, осмелился воспротивиться этому решению. Он тут же был смещен с поста канцлера, который был передан Гильому де Ногаре. Но сами аресты начались только 13 октября. Между решением и его исполнением прошел целый месяц. Разве можно отрицать, что тамплиеры вполне могли спастись бегством? Ведь их, несомненно, предупредили о грозившей опасности. На допросах некоторые братья признали этот факт без применения к ним пытки, например сержант из дома тамплиеров в Суассоне Жан де Вобеллан. И они явно не были единственными из ордена, кто знал об грядущем аресте. Однако лишь несколько храмовников предпочло бежать, большинство же дали себя схватить, не оказав сопротивления. Вот еще одна тайна, связанная с орденном Храма.

Месячная отсрочка, без сомнения, объясняется сложной подготовкой столь крупномасштабной операции, как арест

тамплиеров: их должны были задержать в один и тот же день и час по всему королевству. Король составил особые инструкции, запечатанные в конверты, которые надлежало вскрыть только 13 октября. Эти инструкции были разосланы всем чиновникам короны. Содержание их хорошо известно: король повелевал арестовать храмовников и немедленно начать дознание в ожидании церковного суда. Отметим осторожность Филиппа Красивого: «в ожидании церковного суда». Он прекрасно знал, что процесс будет посвящен вопросам веры, и не претендовал подменять церковные власти королевским правосудием. Король всего лишь приказывал поместить обвиняемых под стражу и начать расследование. Текст инструкций был составлен так, чтобы узаконить это мероприятие. Слова были тщательно подобраны, чтобы отбросить храмовников за границы христианского сообщества:

«Прискорбное дело, горестное дело, отвратительное дело, гнусное преступление, отвратительное злодеяние, омерзительный поступок достиг нашего слуха благодаря чистосердечию многих лиц, ввергнув нас в великое оцепенение и заставив трепетать от ужаса...».

Прекрасный образчик диалектики. Без сомнения, к нему приложили руку люди Ногаре, отобранные за способности в юриспруденции и ораторском искусстве. Что же касается человека, поставившего свое имя под этим документом, он, должно быть, забыл, что совсем недавно его горячим желанием было стать великим магистром этих презренных людишек, которых он с таким пылом взялся обличать. Но выбор был сделан: они не захотели ему подчиниться, значит, их нужно было уничтожить, как то говорил Иисус в Евангелии от Луки: «Врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избеите предо мною» (Лк., 19, 27). Никогда еще евангельское выражение так не совпадало с обстоятельствами. Ну разве можно упрекнуть короля Франции Филиппа Красивого в том, что он действовал не как добрый христианин, уважающий Святое Писание.

Но это не все. В королевском послании перечисляются преступления, в которых обвиняли тамплиеров. Все их можно свести к пяти главным пунктам обвинения:

1. *Отрегение от Христа.* Во время вступления в орден и участия в нормальном ритуале, предписанном официальном уставе, командор отводил новоиспеченного тамплиера в сторону и приказывал ему трижды плюнуть на распятие и трижды отречься от Христа.
2. *Непристойные поцелуи.* Новый рыцарь должен был раздеться. Принимающий целовал его пониже спины, за поясницей, в пупок и затем в губы.
3. *Гомосексуализм.* Новому тамплиеру говорили, что всем храмовникам запрещено вступать в плотскую связь с женщинами, но в случае «жара» брат ордена может спать с другим братом, если тот об этом попросит.
4. *Идолопоклонство.* Каждый брат был обязан носить шнур, ранее висевший на шее идола в виде бородатой головы мужчины, которой поклонялись во время собраний тайных капитулов.
5. Священники ордена опускали слова освящения во время служения мессы.

В королевском послании уточнялось, что чиновники короны должны как можно быстрее передать ко двору «копии показаний тех, кто признался в этих заблуждениях, особенно в отречении от Господа Нашего Иисуса Христа». Это свидетельствует, что проблеме отрицания отводилось основное место в списке обвинений. Затем в инструкции оговаривались условия применения пыток к упорствующим обвиняемым.

До конца XIX века историки в целом считали основные пункты обвинения соответствующими истинному положению вещей в ордене Храма. По их мнению, Филипп лишь расширил их, чтобы воспользоваться сложившейся ситуацией. Но прошло сто лет, и историки, как ни забавно, стали придерживаться диаметрально противоположных убеждений: теперь большин-

ство из них уверяет, что обвинения против ордена Храма совершенно надуманны. Некоторые даже пришли к мнению, что эти обвинения не что иное, как чистой воды выдумка, сравнимая с той, что развязала знаменитую «охоту на ведьм» в XVI–XVII веках¹. Что касается эзотерических авторов, то они скорее склонны верить в реальность обвинений, но в более символическом виде.

Конечно, сложно поверить в истинность признаний, выбитых под пыткой. Известно, что королевские чиновники пытали плененных тамплиеров, которые признавали все, что от них требовали. Но некоторые братья согласились с обвинением и без пыток. *Так, Жак де Моле и три сановника ордена* (Гуго де Пейро, досмотрщик Франции, Жоффруа де Шарне, прецептор Нормандии, и Жоффруа де Гонневиль, прецептор Аквитании и Пуату) *без пыток признали, что отрекались от Христа.*

Вот запись допроса Жака де Моле: «Происки врага рода человеческого, который всегда ищет себе поживу, привели членов ордена к такому моральному падению, что теперь, и уже давно, все те, кого принимают в братство, отрекаются от Господа Нашего Иисуса Христа, ценою бессмертной души своей и плюют с презрением на распятие, которое показывают каждому из них при вступлении в орден, а также совершают во время упомянутого обряда посвящения прочие чудовищные преступления». Жак де Моле сам повторил свои показания 24 октября 1307 года: «Вот уже сорок два года, как я был принят в орден в Боне... Брат Юмбер приказал принести бронзовый крест, на котором было изображение Распятого, и повелел мне отречься от Христа. Я неохотно выполнил его распоряжение. Тогда тот, кто принимал меня, потребовал, чтобы я плюнул на распятие, но я плюнул один раз на пол». Это еще не все. У нас есть документ, составленный в Парижском университете по просьбе

¹ Этот тезис особенно поддерживал Генрих Финк в начале XX столетия, и Норманн Кон в своем труде «Демонология и колдовство в Средние века».

короля и посвященный Жаку де Моле «Вышеупомянутый магистр сначала по своей воле исповедовался о своих заблуждениях инквизитору в присутствии многих достойных людей; по прошествии нескольких дней он в присутствии инквизитора, монахов и господ из Парижского университета признался, плача, в своем грехе и прегрешениях ордена, выступив с речью... И оплакивая свой позор, он просил порой, чтобы и его тоже пытали, иначе братья его сочтут, что он погубил их по собственной воле». Удручающий документ.

Получается, что великого магистра ордена тамплиеров Жака де Моле не только не подвергали пытке или грозили ею, но он сам просил пытать его, чтобы оправдаться в глазах братьев тамплиеров, и ему было в этом отказано. Просто поразительно. Прискорбно было видеть этого высшего сановника, отвечавшего за руководство могущественным орденом, *публично плагущим и признающим* в своих прегрешениях. Заметим, речь идет не о беспочвенной гипотезе, а об историческом факте — событии, происходившем в присутствии множества свидетелей. Кроме того, документ добавляет: «Простого страха перед страданиями было бы недостаточно, чтобы человек решился на такие признания... И невозможно, чтобы сам магистр ордена не знал о подобных вещах».

Если этого недостаточно, возьмем признание Гуго де Пейро, второго по важности человека в ордене: «Тот, кто меня принимал в орден, отвел меня за алтарь и показал мне крест с фигурой распятого Иисуса Христа, и повелел мне отказаться от того, чье изображение я видел перед собой, и плюнуть на крест. Вопреки себе я отсекся от Иисуса Христа, устами, но не сердцем. Но пренебрегая отданным мне приказом, на крест я не плюнул». А вот признание Жоффруа де Шарне, также полученное без применения пыток: «После того как меня приняли и окутали мои плечи плащом тамплиера, мне принесли крест с изображением Иисуса Христа; и тот же самый брат сказал, что нельзя верить в того, чье изображение я видел перед собой, потому что это был лжепророк, а не Бог. Он трижды заставлял

меня отречься от Иисуса Христа, но я сделал это на словах, а не в сердце своем».

Отметим интересную деталь, присутствующую как в этих, так и в других показаниях, о которых нам известно из документов той эпохи: кажется, что никто из сознавшихся не понимал, почему его заставляют отречься от Христа и плюнуть на распятие. Если они не делали вид, что не понимают сути происходившего, то нам придется прийти к выводу, что все сановники ордена Храма были истинными глупцами: они никогда не задавали вопросов об этом странном ритуале, соглашались участвовать в нем вопреки своей воле. Но после его окончания, а уж тем более после своего назначения на руководящие должности в ордене, они никогда не пытались положить конец злоупотреблениям. Что за диковинная история? Неужели ярые приверженцы версии невиновности храмовников считают нас настолько наивными? Как объяснить слова Жоффруа де Шарне о «ложном пророке, который не был Богом»? У представителей обвинения не было вопросов по этому поводу: их интересовало только отречение от Христа. И что тогда получается?

Логически рассуждая, мы должны признать, что Филипп Красивый был неплохо информирован. Пункты обвинения во все не были подобраны случайно и не имели ничего общего с фантазиями, вроде тех, что позднее привели к охоте на ведьм. В нашем случае все четко и ясно. Из ста тридцати восьми схваченных и допрошенных тамплиеров все без пытки признались в отречении от Христа и непристойных поцелуях. Все, кроме троих. Остальные пункты обвинения, гомосексуализм и опущение слов в мессе, были единодушно отвергнуты всеми. Лишь некоторые из храмовников упоминали о шнуре и голове, но настолько расходились в деталях, что в данном случае сложно что-либо утверждать определенно. Но в отречении от Христа, *тогда*, Иисуса сознались все арестованные.

Именно на этот пункт обвинения Филипп Красивый обращал внимание чиновников короны и инквизиторов. Кажется, он прекрасно знал, что делает. И без сомнения, именно с этим

пунктом был связан великий секрет тамплиеров, возможно единственный секрет. Остальное только песок в глаза. И если этот секрет удостоился многочисленных комментариев, то сущность его так и не была раскрыта.

Как бы то ни было, приказы Филиппа Красивого были в точности исполнены во всем французском королевстве. В других странах тамплиеров поначалу не трогали; когда же очередь дошла и до них, то обращались с ними довольно пристойно и, как правило, не пытали. В Португалии и Испании они не понесли ущерба, основав другие ордена. В Англии они могли легко скрыться. В Шотландии гонений вообще не было; по этой причине франкмасоны шотландского ритуала считали себя наследниками рыцарей Храма.

Но каковы была роль папы в этих событиях? Он не мог остаться в стороне от дела. В булле от 17 ноября 1307 года Климент V повелел арестовать тамплиеров по всей Европе. Затем он потребовал от Филиппа Красивого передать ему всех пленных братьев. Король Франции не мог ответить отказом. Он согласился и выдал посланникам папы некоторое количество арестованных. Но поскольку церковные тюрьмы не были достаточно вместительными, чтобы заключить в них всех схваченных тамплиеров, большинство из них по-прежнему остались в королевских застенках. Однако в начале 1308 года понтифик разом отозвал полномочия инквизиторов. Климент хотел все вернуть на исходные позиции.

Решение это полностью совпадало с церковным законодательством, поскольку инквизиторы подчинялись только папе римскому. Фактически Климент в очередной раз попытался выиграть время. Он собирался провести новое расследование, прежде чем начать публичный процесс, которого он все так же старался избежать.

Французский король был в ярости. Тамплиеры могут ускользнуть из его рук? В народе, ненавидевшем рыцарей ордена Храма за их богатство и надменность, которому их представляли как монстров, начали шептаться, что папа подкуплен.

К королю обратились с прошением, чтобы потребовать казни виновных. Решительно, общественное мнение было на стороне Филиппа, а не тамплиеров.

Однако король сомневался. Он вступил на довольно зыбкую почву. К счастью, он слушался советов опытных легистов. Он запросил мнение Парижского университета о королевских полномочиях в этом деле. В силу привилегий, дарованных ему во время основания, орден Храма зависел только от папства: он был независим от всех светских властей. Однако раз теперь речь шла о признавшихся еретиках, юридическая ситуация могла измениться. Одним словом, имел ли король право вмешаться и продолжать преследования храмовников? Таков был канонический вопрос, заданный университету. Ответ пришел 2 мая 1308 года и был не в пользу короля: «Не во власти светского судьи устраивать процесс о ереси над кем-либо, кто не выдан Церковью... В силу уже самой природы преступления, все, что относится к нему, подлежит только Церкви, о ком бы ни шла речь». Итак, Филипп получил отказ.

Впрочем, «мнение» парижского университета его не связывало. Но если бы он пренебрег им, то рисковал бы столкнуться с недовольством всей Церкви, которая на этот раз бы объединилась у него за спиной. Поэтому король ограничился тем, что сегодня мы называем «кампанией в прессе»: в любом случае, сбиры Ноғаре орудовали по всему королевству и за его пределами, обвиняя папу в трусости и требуя от Филиппа занять место этого «сына дьявола», иначе говоря, Климента V. Когда почва была должным образом подготовлена, король созвал в Туре Генеральные Штаты (11–20 мая 1308 года), чтобы заставить провозгласить его защитником веры. Он добился полного успеха: ему оказали полную поддержку как французское духовенство, так знать и горожане.

Но королю все равно следовало действовать осмотрительно. Он прекрасно понимал, что не сможет позволить себе «новое нападение в Ананьи». Тогда он решил отправиться к папе, который жил в Пуатье больше, чем в Авиньоне (потому что

там он был рядом со своей любовницей, графиней Маршской), чтобы ознакомить его с итогами заседаний Генеральных Штатов. Но Климент возразил, что постановления светского собрания не имеют силы применительно к папе. Двое собеседников яростно спорили, и понтифик, которого напрасно считают чуть ли не слугой короля, одержал над ним верх. Обстановка накалялась, и ни Климент, ни Филипп не находили выхода. Поэтому решено было остановиться на компромиссе: созвать консисторию, то есть церковное собрание, на которое короля пригласят изложить свою точку зрения.

Консистория начала заседать 29 мая 1308 года. Один из советников короля, Гильом де Плезиан, выступил на ней с речью. Он утверждал, что преступления, в которых обвиняли тамплиеров, «общеизвестны, неоспоримы, более ясны, чем полуденный свет», и умолял папу высказаться в защиту христианской веры. Среди участников заседаний, архиепископы Нарбоннский и Буржский, ранее слывшие скептиками, объявили, что убеждены предоставленными доказательствами. Однако Климент V произнес долгую и двусмысленную речь, так, в конце концов, не сказав ничего определенного. Он признал, что ранее он любил тамплиеров, но теперь готов возненавидеть их всей душой — если, конечно, они совершили то, в чем их обвиняют. В этой речи папа коснулся и злоупотреблений. Так, он упомянул, что арест храмовников был проведен не по правилам и налицо протокольные нарушения. Более того, он намекнул на применение пыток. Конечно, заключил Климент, силу можно применять, но только после тщательных раздумий. Это выступление привело в ярость короля и его советников. 14 июня Гильом де Плезиан снова взял слово и яростно набросился на понтифика, публично предупредив его: если он не хочет действовать так, как требуют его сан и долг, тогда все «те, кто имеют отношение в этом делу, будут призваны на защиту истиной веры».

Климент в который раз обошел все подводные камни и оттянул свое решение. Но поскольку он знал, что король никогда

не признает себя побежденным, он задумал дать последний шанс тамплиерам. Он приказал предстать перед ним и его ближайшим окружением семьдесят двум арестованным членам ордена, чтобы выслушать их без угрозы пытками. По мысли папы, именно тогда или никогда можно было узнать правду. *Итак, безо всякого силового давления — это подтверждено — семьдесят два храмовника повторили все свои предыдущие признания.*

Вот ключевое событие для понимания процесса тамплиеров. После этого *никто уже не мог сказать, будто тамплиеров не тем упрекнуть и они стали безвинными жертвами произвола.* Их было в чем обвинять, *но только с точки зрения ортодоксального католицизма,* и сами допрашиваемые это признавали. *А вот что скрывалось за этим в реальности — совсем другая проблема.*

«У нас нет протоколов этих слушаний, они находятся в архивах Ватикана. Но они известны благодаря... Наполеону, который был увлечен делом тамплиеров и приказал захватить в Риме секретные архивы. Возможность их прочесть была, и Рейнуар проанализировал их до того, как они были возвращены. В них не было найдено чего-то существенно нового, тем более не нашли и ключа к загадке тамплиеров; но известно, как минимум, что эти документы широко подтвердили материалы предыдущих допросов; к тому же и Климент V ясно об этом скажет».

Вот тогда папа Климент объявил о своей воле в булле от 12 августа 1308 года. Он подтвердил, что участь ордена зависит только от него одного, но проблема слишком сложна и серьезна, чтобы он мог вынести окончательное решение сразу. Он учредил комиссию, в главе которой поставил архиепископа Нарбоннского, выбранного за его беспристрастность (он отказался скрепить печатью постановление об аресте тамплиеров), а в помощь ему назначил трех епископов и компетентных монахов. Эта комиссия должна была в течение двух лет представить свой отчет о расследовании. Затем, различая сам орден —

зависевший только от него — и отдельных членов ордена, понтифик передал их в ведение инквизиции, оставив за собой право судить четырех высших сановников, участь которых он собирался решить позднее.

Большинство французских епископов ненавидели тамплиеров. Другие монашеские ордена — тоже. Особенно яростными врагами были доминиканцы, причем не по духовным мотивам, а исключительно по прозаической причине: тамплиерам часто доставались выгодные церковные бенефиции, на которые претендовали доминиканцы. Небесполезно будет упомянуть, что в многочисленных епархиях с тамплиерами обращались из рук вон плохо, пытали их или отправляли на костер, как в Париже и Сансе, где архиепископ, брат Ангеррана де Мариньи, был беззаветно предан Филиппу Красивому. В любом случае, комиссия выслушала и другие признания, иногда более развернутые и обстоятельные, чем раньше; однако большинство тамплиеров признались добровольно, без применения силы. Тем не менее в других странах все обстояло по-иному.

В Португалии монарх просто отказался арестовать рыцарей Храма. В Кастилии начали следствие, но оно не привело ни к каким ощутимым результатам. В Арагоне епископы провели расследование, но остереглись выносить обвинительный приговор храмовникам. В Англии дело закончилось компромиссом, в результате которого большинство тамплиеров даже не тронули. В Германии почти все они были оправданы: те же члены, которые подверглись осуждению, были наказаны за свои личные преступления. То же самое происходило на Кипре. Решительно, процесс тамплиеров был прежде всего французским делом: в других европейских странах ордену никогда не удавалось достигнуть такого могущества, как во Франции, и создать такую плотную сеть орденских резиденций. Поэтому угроза со стороны рыцарей Храма была гораздо меньшей, а ненависть к ним — значительно слабее.

Орден попытались защитить, но делали это только сами тамплиеры. Однако дело защитников, которые иногда веде

себя необычайно отважно, было обречено на провал. Несмотря на все старания брата Пьера Булонского, исчезнувшего неизвестно куда еще до завершения процесса, все прочие защитники ордена отказались продолжать свой труд. Осталось лишь несколько братьев, которые отказались от своих первоначальных признаний и до конца отрицали вину ордена Храма. Но в случае с Жаком де Моле все обстояло иначе.

4 ноября 1309 года великий магистр предстал перед папской комиссией. Допрос велся со всей возможной объективностью и гарантиями: комиссия подчинялась понтифику, а не королю или местным епископам. Жака де Моле попросили выступить в защиту ордена, что было логично, поскольку он являлся его великими магистром. Ответ его был обескураживающим: «Я не настолько знающий человек, как следовало бы... Я готов защищать орден изо всех своих сил... но задача эта представляется мне не из легких: как его защищать надлежащим образом? Ведь я пленник папы и короля, и у меня есть только четыре денье на эту защиту». Тогда Моле зачли признания, сделанные им до этого в присутствии трех кардиналов, и попросили объясниться. Он потребовал два дня на раздумья, которые были ему предоставлены. Комиссия даже уточнила, что он может думать больше этого срока, если пожелает.

Второй раз магистр явился к комиссии 28 ноября 1309 года. С самого начала он отказался защищать орден: «Ведь я всего лишь бедный и неграмотный рыцарь». Поведение его решительно непонятно: может он что-то скрывал? Но что Жак де Моле хотел утаить от комиссии? Он объявил, что раз уж папа не захотел вынести ему приговор, он отдает себя на его волю. У него еще раз попросили защитить орден. Он ограничился расплывчатой хвалебной речью о тамплиерах, превознося их блистательные успехи и отвагу в бою. Комиссия ответила, что все это не имеет значения, если под ударом находится истинная вера. Тогда магистр согласился подтвердить свою приверженность христианской религии, уверяя присутствующих, что он верует *в Бога и Троицу*. Однако имени Иисуса Христа он не

произнес. И затем добавил несколько загадочные слова: «Когда душа покинет тело, станет ясно, что было дурным, а что благим, и откроется истина о вещах, поставленных ныне под сомнение». Судя по всему, речь шла о простом отказе раскрыть правду о некоторых вещах. Но Жак де Моле не обмолвился ни о страданиях своих братьев, не объяснил свои предыдущие признания. Он попросил только позволить ему присутствовать на мессе, что ему было позволено.

Третий допрос перед комиссией Жака де Моле имел место тремя месяцами позже, 2 марта 1310 года. На него он явился совсем обескураженным. Он повторил, что судить его должен папа и он ждет его приговора. Комиссия четко объяснила магистру, что она не судит его, а проводит расследование. Никакого результата: Моле замкнулся в себе и молчал. Его не беспокоила судьба ордена: одно лишь решение папы о его дальнейшей участи занимало магистра.

Непонятно. Самое меньшее, что можно сказать, — орден не защищали те люди, которые должны были бы это делать в первую очередь. На этой стадии поведение Жака де Моле и главных орденских сановников выглядит исключительно эгоистичным, если не сказать глупым. Какого решения они ожидали от понтифика? Надеялись ли они выиграть время? Но в этом случае на чью помощь они могли рассчитывать? При любом раскладе, они бросили своих братьев на произвол судьбы. У нас нет ответа на все вопросы, возникающие в связи с Жаком де Моле и его молчанием.

В конце концов, во Вьенне, имперском городе по соседству с Францией и Авиньоном, собрался церковный собор (13 октября 1311 года). С момента начала процесса прошло ровно четыре года. Пора было его закрывать.

Собор рассмотрел отчеты папской комиссии, проводившей следствие. Затем были созданы несколько комиссий, которые должны были заняться этими материалами. Ждали приезда короля Франции, но, как кажется, он не слишком торопился выступить с объяснениями. События стали развиваться еще

медленнее, когда семь рыцарей тамплиеров, а потом еще двое предстали перед собором и заявили, что хотят защищать орден. Распространились слухи, что двухтысячная армия храмовников готова взять город приступом. Конечно, это была ложная тревога, но чтобы избежать беспорядков, Климент V приказал поместить под стражу девятерых прибывших тамплиеров. На их упреки он заметил, что это единственный способ уберечь их от опасности.

Филипп Красивый приехал во Вьенн в марте 1312 года. Его сопровождал не только придворный кортеж, как и полагалось, но и крупный военный отряд. Несомненно, он хотел произвести на собор впечатление. Климент V боялся худшего. Он знал, что обвинения против ордена Храма отчасти имеют под собой основания и открытая дискуссия может серьезно пошатнуть авторитет Церкви. Но такой изворотливый политик, каким был Климент, быстро нашел выход. 22 марта папа собрал консисторию и объявил, что только ему принадлежит право вынести окончательное решение, без всяких дебатов. И на вновь открытом заседании церковного собора в понедельник 5 апреля 1312 года папа громким голосом зачитал буллу «*Vox clamantis*»: в этой булле папа объявлял о роспуске ордена Храма и передаче его имущества госпитальерам. Сами же члены ордена отдавались на суд компетентных церковных властей. Текст буллы поражает своей двусмысленностью, что, впрочем, не может удивлять в таком странном деле. Особенно показательна преамбула: «А потому, рассмотрев лавину позорных и мерзостных обвинений, а также учитывая секретность и порочность приема в орден новых братьев и отступление многих тамплиеров от общепринятых христианских обычаев, особенно в том, что, принимая других в братство, они заставляли их давать обеты и клясться, что никому не расскажут о своем вступлении в орден и никогда его не покинут — почему, видимо, и возникло предубеждение к ордену, — и свидетельствуя о грозном протесте, волна которого поднялась против ордена так, что ее, кажется, невозможно будет сдержать, если упомянутый орден продолжит

существование, а также чувствуя пагубность как для самой веры, так и для душ верующих многочисленных злодеяний, совершенных братьями упомянутого ордена... мы не без горечи и печали сердечной... распускаем орден тамплиеров и отменяем его устав, облачение и название, и налагаем запрет на его дальнейшую деятельность».

Заметим, что орден не был осужден. Его просто распустили. И никому не должны были выносить обвинительный приговор. Лишь *отдельные члены ордена* будут осуждены по различным «злодеяниям», но о них уже забудут.

Если в деле тамплиеров и был победитель, то только Климент V, и он один. Ведь нельзя сказать, что Филипп Красивый добился успеха. Его мечта приобрести для себя и своих потомков наследственный титул в новом ордене крестоносцев рухнула. Он не смог даже оставить у себя имущество тамплиеров, которое папа отдал ордену госпитальеров. Однако поскольку это имущество находилось в ведении королевских чиновников, Филипп всячески затягивал его передачу новым владельцам, а сам тем временем выкачивал с него прибыль. Но ведь король надеялся на совершенно иной исход. Ведь именно он многое сделал для того, чтобы опорочить тамплиеров и начать процесс; в то время как Климент V с честью вышел из этого дела, уклонившись от публичных дебатов, королю пришлось удовольствоваться только уничтожением ордена.

Но, возможно, как раз в этом и заключалась тайная цель Филиппа Красивого. Поскольку вся эта история очень запутана, мы можем только предполагать. Французский король все сделал, чтобы ликвидировать *огромную машину*, орден Храма, который для него и для его наследников мог стать чем-то вроде неотвратимого дамочлова меча, подвешенного над тронном. Теперь же, когда могущество тамплиеров было уничтожено, сами тамплиеры сгинули, а папа лишился едва ли не самых преданных своих сторонников, король Франции мог надеяться править всем миром. В любом случае, каковы бы ни были его глубинные мотивы, Филиппу удалось причинить папству

немало сложностей и сильно подпортить «имидж» Церкви. Ведь, как бы то ни было, но орден Храма был частью Церкви.

Историки до сих пор спорят об этих вопросах. И будут спорить еще долго. Все зависит от выбранной точки зрения, которую каждый из них собираются защищать, кроме того, в этом деле легко поддаться эмоциональному порыву.

Одно лишь можно сказать определенно: орден был распущен, но не осужден. Членов же ордена постигнет разная судьба. Одни взойдут на костер. Другие будут гнить в застенках. Четырех высших сановников ордена будут судить в Париже 22 декабря 1313 года. И на этот раз они все признают: отречение от Христа, плевки на распятие. Процесс над ними продлится до 18 марта 1314 года. У них будет время изложить свое видение событий. Наконец 18 марта судьи вынесут приговор: Жака де Моле, Жоффрау де Шарне, Гуго де Пейро и Жоффрау де Гонневиля — четверых высших руководителей ордена — осудят на вечное заточение.

И вдруг — неожиданная развязка: Жак де Моле и Жоффрау де Шарне публично отреклись от своих предыдущих признаний. Пейро и Гонневиль промолчали. Отказ от своих признаний в рамках церковного суда означал одно — смерть. Моле и Шарне были объявлены вероотступниками и сожжены на костре в присутствии короля Филиппа Красивого. Ходили слухи, что перед смертью великий магистр проклял Климента V и Филиппа. Действительно, оба они умерли спустя недолгое время, что дало пищу многочисленным легендам. Вероятнее, что на самом деле Жак де Моле сказал просто: «Тела наши во власти короля Франции, но души принадлежат Господу». Такие слова более подходят человеку, который в последний момент объявил о своей невинности.

Почему же великий магистр передумал так поздно? Это единственный отважный поступок, который, насколько нам известно, совершил Жак де Моле. Он оказал — и оказывает — сильное впечатление на сторонников ордена тамплиеров. Но он не объясняет и никоим образом не может заставить забыть

о предыдущих признаниях магистра, которые он сделал, напомним, не под пытками. Если бы Моле и Шарне сразу же после своего ареста вели себя так смело, то снижали бы большую славу и их словам можно было бы больше доверять. Но после стольких признаний в «гнусных преступлениях» внезапный отказ отдает ложью.

Так во что нам верить? «Мы стоим перед дилеммой: или Моле лгал из трусости все семь лет, позволил осудить своих братьев, поддержав своими признаниями их приговор, и содействовал уничтожению ордена, которым руководил, — или на протяжении семи лет он говорил правду, но не смог выдержать перспективы пожизненного заключения и, будучи уже совсем пожилым человеком, предпочел славный конец»¹. Вторым вариантом был бы своего рода самоубийством.

Но это так ничего и не объясняет. Так был ли орден виновен или нет в тех ужасных преступлениях, в которых его обвиняли?

¹ Fau G. L'affaire des templiers. P. 143.

Часть третья

**ЗАГАДКА
ОРДЕНА ХРАМА**

Глава I

ТАЙНЫЙ УСТАВ ОРДЕНА ХРАМА

Когда обращаешься к досье ордена Храма и изучаешь все данные в нем, особенно раздражает, что повсюду натыкаешься на неясности и что виновны в этих неясностях по большей части сами тамплиеры. Папская булла от 1312 года о роспуске ордена не упускает случая отметить «таинственность, с которой принимали в этот орден», а также «клятву не разглашать ничего об этом приеме, которую требовали от каждого». Создается впечатление, что с самого основания ордена тамплиеры делали все, чтобы их деятельность выглядела подозрительной и загадочной, и по мере усиления ордена такая установка как будто усугублялась. Официальный устав, хорошо известный, указывает некоторые случаи, когда предписывалась секретность, — например, запрещалось разглашать, что обсуждалось на заседаниях капитула. Конечно, можно полагать, что, если бы внутреннюю организацию ордена Храма делали всеобщим достоянием, это не пошло бы ему на пользу: любое правительство, собираясь для принятия решений, воздерживается от того, чтобы делать это публично, и довольствуется обнародованием коммюнике или просто сообщает то, что считает нужным. В этом ничего исключительного нет. Однако когда тамплиеры настаивают, чтобы заседания капитула проводились тайно и в таком месте, куда бы не допускался никто, кроме очень узкого круга сановников, это начинает вызывать подозрения. Эта неистовая тяга к секретности возбуждает естественное любопытство и дает повод ко всевозможным толкам.

Однако обойдем молчанием этот запрет распространяться о заседаниях капитула. Он объясним, хоть и провоцирует буйные фантазии. Зато можно задуматься, почему без специального разрешения запрещалось владеть экземпляром официального устава, чтобы он не попал в руки лиц, не причастных к ордену и это не нанесло бы ущерба последнему. Это уже непонятно: статуты официального устава ясны, отчетливы, и в них нет ничего, что могло бы дать повод для сомнительных толкований. И вот еще, намного серьезней: запрет для всех тамплиеров исповедаться другим священникам, кроме капелланов ордена, то есть священников, принадлежащих к ордену Храма и связанных тем же обязательством хранить тайну. Разве тайна исповеди не общий закон для всей Римско-католической церкви? Одно из двух: либо орден Храма ставил под сомнение честность священников Римской церкви, либо то, в чем могли признаться на исповеди, было нетерпимым для священника, не принадлежащего к этому ордену.

На первый взгляд этот запрет может только удивить. Священник всегда священник, принадлежит он к ордену Храма или нет, и если в то время у каждого высокопоставленного лица был постоянный духовник, то института исповедников со всеми инсинуациями и приемами запугивания, связанными с этим институтом, еще не было. Если же вдуматься, такой запрет способен вызвать подозрения относительно того, что же на самом деле происходило внутри ордена Храма. Почему это отпущение грехов тамплиеру может давать лишь священник, связанный с орденом? Обвинители ордена Храма в 1307 году не преминули сослаться на эту практику, предосудительную, но в определенной мере встречающуюся и в других монашеских орденах — в качестве обычая, но не в качестве неременного долга.

Тень на орден Храма бросал и запрет братьям покидать орден. Если вступаешь в орден, то уже навсегда. Конечно, за тяжелое прегрешение брата могли исключить или изгнать, но наказанием для тех, кто показал себя недостойным принадле-

жать к общине, было знаменитое «лишение плаща». Исключение из своих рядов практиковали все сообщества, в том числе и монашеские ордены. В ордене Храма, помимо исключения, было возможно и заключение в тюрьму, опять-таки за очень серьезные проступки. В общем, этому ордену *отдавались*, и тот, кто вступал в общину, себе более не принадлежал. Это характерно для любых монахов. Особенностью ордена Храма было то, что он афишировал глубокую подозрительность к тем, кто хочет его оставить. Булла о роспуске сделала это одним из «аргументов»: «брали клятву... никогда не покидать орден». Вывод ясен: если брату запрещают покидать орден Храма, это делается затем, чтобы он не рассказал, что там происходит. В самом деле, люди Филиппа Красивого собрали свою информацию, ложную или истинную, именно у перебежчиков из ордена Храма. Но запрет своим членам выходить из общины характерен для любого *инициационного* общества. Обычно это можно делать только при условии не разглашать ничего, что может нанести вред данному обществу. Так и в наши дни бывает во всех группах, требующих какой-либо формы инициации, и шокировать здесь ничто не может. Но при такой постановке вопроса нам придется признать, вопреки мнению некоторых историков, решительно отрицающих наличие темной стороны у ордена Храма, что этот орден на самом деле был инициационным, пусть даже эту «инициацию», какой бы она ни была, похоже, проходили лишь некоторые из членов ордена. Тогда можно заключить, что орден Храма был, конечно, инициационным, но в нем была своя элита, то есть он был *двойным*, и в таком случае допустить, что существовал некий параллельный орден, помимо того, который видели со стороны. Стоит признать, что орден Храма представлял собой более или менее секретную организацию, как право на существование получают любые гипотезы.

В том числе и гипотеза о существовании тайного устава, известного только отдельным членам ордена и параллельного официальному уставу, который, как известно, зачитывали или

кратко излагали каждому новому тамплиеру при вступлении. Судя по некоторым показаниям самих тамплиеров, можно поверить в существование тайного устава, который представлял собой в корне переделанный первоначальный устав.

Во время первого допроса, безо всяких пыток, Жоффруа де Гонневиль, прецептор ордена Храма в Аквитании и Пуату, произнес странные слова: «Иные утверждают, что это (отречение от Иисуса) было одним из дурных и порочных новшеств, введенных магистром Ронселеном в статуты ордена». Эта фраза чревата последствиями: исходя из нее, можно предположить, что один из высших сановников ордена знал некий параллельный устав. Тем не менее Гонневиль ограничился ссылкой на анонимные высказывания, как будто сам он был не в курсе. Странно, что «магистр Ронселен» не появляется нигде в списках великих магистров ордена Храма, которыми располагаем мы, притом что у нас нет никаких оснований считать эти списки неполными или поддельными. Однако существует некий Ронселен дю Фо, провансальский рыцарь, принятый в орден в 1281 году магистром Гильомом де Боже. Не о нем ли говорил Гонневиль? Во всяком случае, непохоже, чтобы тот когда-либо очень высоко поднимался в орденской иерархии. Но если этот Ронселен на самом деле ввел в статуты ордена что-то «дурное и порочное», это может придать некоторое дополнительное правдоподобие гипотезе о второй иерархии, параллельной и тайной.

Есть и другие предположения, основанные на вероятности. Во время процесса адвокат Рауль де Прель утверждал, что один тамплиер, брат Жерве де Бове, сделал ему такое признание: «В ордене были некие правила, столь необыкновенные и подлежащие хранению под столь строгой секретностью, что любой предпочел бы дать отрубить себе голову, чем разгласить их». Если это правда, понятно, почему Жак де Моле ничего не сказал на эту тему и почему столько тамплиеров вошло на костер, соблюдая закон молчания. Но, согласно тому же Раулю де Прелю, у брата Жерве «была книжка статутов ордена, кото-

рую он охотно показывал, но обладал он и другой, более секретной, которую бы не показал никому за все золото мира».

Это смахивает на выдумку: похоже, свидетель хочет набить себе цену, утверждая, что его удостоили подобных признаний. Однако известно, что до 13 октября 1307 года Жак де Моле распорядился уничтожить некоторые экземпляры устава. О котором уставе идет речь? Об официальном, который знали все, или о другом, тайном, параллельном, о котором говорил свидетель?

На мысль о такой параллельности наводят и другие показания. Так, среди свидетельств, собранных в Англии, в отношении которых мало оснований подозревать, что их выбили силой, можно отметить такое показание трех английских братьев: «На самом деле в орден Храма существует два вида приема. Первый сводится к допущению в орден и происходит без неблаговидной церемонии. Второго, который существует всего несколько лет, достаиваются лишь некоторые, и он очень секретный». Это свидетельство не совсем убедительно, потому что три упомянутых тамплиера не участвовали в таком секретном приеме: они лишь утверждают, что слышали о нем... Однако о существовании параллельной иерархии ходили слухи. Если так, возможно, был и второй устав, регламентирующий действия тех, кого допустили на высшую ступень. Все это можно встретить в любом обществе, которое называют «инициационным». Мы видим, что существование тайного устава если и не доказано, то возможно, а то и вероятно.

В какой-то момент казалось — этот тайный устав нашли. В 1877 году некий Мерсдорф опубликовал «Тайные статуты ордена Храма», якобы по рукописи из Ватикана. Издатель объяснял, не приводя, впрочем, ни малейших доказательств, что этот документ хранился в секретных архивах Ватикана и в 1780 году его оттуда похитил один копенгагенский епископ. Кстати, очень своевременная дата кражи, позволяющая объяснить, почему данного документа не оказалось в ватиканских архивах, которые захватил и потом вернул Наполеон. После этого документ якобы похитили у самого епископа при

загадочных обстоятельствах, над которыми нависает зловещая тень тайных обществ всякого разбора. Далее след этого драгоценного документа затерялся, пока его случайно не нашли в Гамбурге в 1877 году. В настоящее время этот устав тщательно спрятан в подземельях Ватикана, и папство не слишком рвется его показывать, страшась скандала. «Подземелья Ватикана» — решительно неисчерпаемый источник для великих разоблачителей тайн! И, словно случайно, всякий раз находится священник или епископ, конечно, не слишком щепетильный, но очень загадочный, который снимет копию с секретного документа и подтвердит ее соответствие оригиналу. Проблема в том, что в делах такого рода оригинал никогда не фигурирует.

Однако этот документ, хоть это и откровенная *фальшивка*, которую на основе текстов процесса состряпали для доказательства преемственности между орденом Храма и франкмасонством¹, по многим причинам интересно изучить. Документ озаглавлен так: «Здесь начинается книга крещения Огнем и тайные статуты, написанные магистром Ронселеном». А в конце можно прочесть: «Подписано переписчиком Робертом де Самфором, управляющим делами ордена Храма в Англии, в 1240 году». Вот что удивительно: если магистр Ронселен, написавший текст, и есть Ронселен дю Фо, принятый в орден Храма в 1281 году, как можно было сорока годами раньше, в 1240 году, сделать копию текста, который еще не был написан? На самом деле в 1240 году Ронселен дю Фо, должно быть, еще и не родился. Ну и что: официальная история лжет, это же известно, в целях сокрытия Истины, которую хранят одни только оккультисты, герметисты и прочие стражи Традиции.

Документ, предлагаемый в качестве тайного устава ордена, прежде всего проводит тонкое различие между обычными членами ордена и теми, кто именуется «утешенными братьями», истинными хранителями вести. Это выглядит явным заимст-

¹ Это показал Анри де Кюрзон: Curzon H. de. La règle du Temple. Paris, Renouard, H. Laurens, successeur, 1886. P. XV. См. также: Dailliez L. Les Templiers et les règles de l'Ordre du Temple. Paris, P. Belfond, 1972.

вованием из катаризма: ведь известно, что у катаров «совершенные», то есть те, кто получил *consolamentum*, а значит, «утешенные» (*consolés*), образовали совершенно отдельную категорию и могли считаться единственными «чистыми», уже вошедшими в контакт с божеством и готовыми вернуться в Царство Света, откуда были изгнаны в результате восстания ангелов. Это как будто подтверждает гипотезу, что секретный устав могли знать только «утешенные», то есть посвященные в высшую степень.

Первая статья как раз и выделяет мотив по преимуществу катарский — мотив света: «Народ, который шел впотьмах, увидел великий свет, и те, кто пребывал в тени смерти, увидели этот свет». Конечно, это общее место для всех религий, особенно тех, которые претендуют на владение эзотерической традицией: упомянутый свет — не материальный, а духовный, который можно обрести только благодаря внутреннему поиску, иначе говоря, *просветлению*. И разумеется, только «просветленные» становятся последователями особого верования, доктрины, неизвестной простым смертным. Но первая статья идет дальше, ведь свет, о котором говорится, смешивается с Богом, единственность которого особо подчеркивается: «Един наш Бог, и дух Его дает нашему поруку, что мы — сыны Бога». В этом тоже нет ничего нового: иудейское богословие, вовсе не оперирующее понятием Троицы, настаивает, что все мы — сыны Бога. В определенном смысле утверждение Иисуса Христа, заявившего, что он — Сын Божий, не представляет ничего особенного для иудеев, каждый из которых может позволить себе сказать то же самое. В этой первой статье уже ощутимо явственное желание преуменьшить, если не отвергнуть, представление об Иисусе Христе как о единственном сыне Бога, которое распространяла Римско-католическая церковь. Вот уже и ересь.

Вторая статья представляет собой парафраз Евангелия: надо иметь глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать. Но к этому добавляется правильная атака на официальную Церковь: «Знай-те, что короли, папы, епископы, аббаты и магистры желали

видеть и слышать то, что слышите и видите вы, но они не увидели этого, не услышали и не узнают никогда». Это безусловное отрицание официальной доктрины, окрашенное антиклерикализмом, еще носящим явственные следы катаризма. Всегда полезно польстить тем, кто принимает какое-то учение, хоть бы и еретическое, показав им, что они — единственные обладатели Истины. Это ободряет.

Статья 3 важнее в том отношении, что упоминает понятие, положенное в основу исторической деятельности ордена Храма: «Пришло время, когда не будут почитать ни Отца, ни Иерусалима, ни Рима. Дух есть Бог, и если вы сыны Божьи, вы станете почитать его в духе и истине». Известно, например, что одна секта неотаплиеров — из числа многих! — собирается каждый год 18 марта, в годовщину казни Жака де Моле, и в ходе церемонии выкрикивают знаменитый призыв: «Кто теперь защитит Святой Храм? Кто освободит могилу Христа?» Это прямо вытекает из легенды о цирке Гаварни в Пиренеях. Эта легенда утверждает, что именно 18 марта всякий раз появляется призрак тамплиера, на котором вместо савана знаменитый белый плащ с красным крестом, и издает этот душераздирающий клич. Тогда шестеро тамплиеров, похороненных в ближайшей часовне, встают и отвечают: «Никто! Никто! Никто! Храм разрушен!» Эта красивая и трогательная легенда имеет отношение и к фразе из статьи 3. В самом деле, можно задуматься: а вдруг тамплиеры, хотя бы те, кто входил в число *посвященных*, считали, что могила Христа *символически* находится повсюду и, значит, нет смысла удерживать или отвоевывать Иерусалим.

Впрочем, продолжение этой статьи показательное: «Знайτε, что все сказанное Иисусом через истинного Христа есть дух и жизнь в Боге. Животворит дух Божий, *плоть Иисуса не может служить ничему*». Если так, зачем стараться завоевать гроб Иисуса в Иерусалиме? Иисус как исторический и материальный персонаж ставится под сомнение, и это, может быть, объясняет отречение и плевок на крест. Но, повторим, этот текст —

подделка XIX века: он просто перерабатывает некоторые представления тамплиеров, подгоняя их под доктрину масонов. Следовательно, этим могло бы объясняться и исключение из текста мессы слов об освящении, ведь слова «*hoc est corpus meum*»¹ тем самым теряют всякий смысл.

Статья 4 дополнительно подчеркивает ценность тайны, которую могут знать лишь счастливые утешенные и которая «остается сокрытой от детей нового Вавилона, каковой будет обращен в прах и пепел смиренными служителями Бога». Конечно, если верить этому тайному уставу, цель ордена Храма — не защита паломников на путях к Иерусалиму, а завоевание мира и учреждение всемирной монархии, над которой будет царить Великий монарх. Филипп Красивый имел все основания желать должности великого магистра, и вполне понятно, что он, не в силах обеспечить себе власть магистра над этим опасным братством «смирненных служителей Бога», предпочел лучше уничтожить его, чем рисковать, что оно попадет в руки другого. Но та же статья уточняет, что ни один государь века сего (которого?) и ни один первосвященник не знал Истины. «Если бы они ее знали, они не почитали бы древо креста и не жгли бы тех, кто обладал истинным духом истинного Христа». Это откровенная апология катаризма и намек на костер Монсегюра, если только не «предвидение» костра Жака де Моле. Конечно, катары отрицательно относились к кресту и к Распятому. Они признавали Христа только в эфирном, но не в плотском виде и отказывались почитать казненного человека. Было ли то же самое у тамплиеров? Этот вопрос стоит и ни разу не был разрешен. Однако отречение и плевок на крест как будто демонстрируют это.

Статья 5, которую продолжает и дополняет статья 8, — настоящий панегирик всемирному братству совершенно в масонском духе: «Знайте, что Бог не делает различий между людьми, христианами, сарацинами, иудеями, греками, римлянами,

¹ «Сие есть Тело Мое» (лат.).

французами, болгарами, потому что всякий, кто молится Богу, спасен». Это очень еретическое положение и, надо признать, полностью противоречащее доктрине, которая утверждает, что «вне церкви нет спасения». Можно отметить упоминание болгар, то есть бугров, предшественников катаров. Статья 8 возвращается к этой теме, перечисляя еретиков: «Тулузские добрые люди, лионские бедняки, альбигойцы из окрестностей Вероны и Бергамо, Vajolais из Галисии и Тосканы, бегарды и болгары». Словом, все, кто не поладил с инквизицией. Но это и призыв к вербовке: «Подземными путями вы поведете к своим капитулам и тем, кто страшился чего-либо, даруете Consolamentum в капитулах при трех свидетелях». Терминология почти исключительно катарская. В самом деле, на орден Храма часто усматривают явное влияние катаров, особенно с середины XIII века. И никак не Гильом де Ногаре, которого Бонифаций VIII назвал «сыном патарена» и который старался скрыть свое происхождение из настоящей катарской семьи, мог бы отрицать это!

Нужно отметить также, что сарацины — «сыны Бога». Это могло бы показаться странным в отношении ордена, созданного специально для борьбы *против* мусульман и, кстати, доставлявшего много неприятностей всем «сарацинам» Святой Земли, действуя порой в опасных условиях, но всегда мужественно и даже смело. Впрочем, вернемся к статье 9: «Утешенные Испании и Кипра по-братски примут сарацин, друзов и тех, кто живет в Ливане».

Итак, возникает проблема отношений ордена Храма с мусульманским миром. Слишком много раз повторяли, что тамплиеры представляли собой эквивалент *ассасинов* или *гашишинов*, фанатичных приверженцев Старца Горы, несколько таинственной секты, которой (неосмотрительно) приписывают эзотерические доктрины, как нарочно, утраченные, так что теперь их удобно угадывать. Слишком много раз также повторяли, что тамплиеры осквернили себя контактами с мусульманами и что истоки их ереси можно искать в том, что в собственную доктрину они включили какие-то верования или обычаи

ислама. Эти гипотезы основаны на очень зыбких аналогиях, объективное же исследование, напротив, обнаруживает, что никогда у ислама — во всех его формах, включая еретические секты, — не было злейших врагов, как на поле боя, так и в идеологической сфере, нежели рыцари Храма. В равной мере абсурдно полагать, что тамплиеры надеялись основать в Святой Земле большое королевство при помощи синтеза мусульманского и христианского духа. Все документы показывают обратное. И если в ордене Храма было нечто, достойное называться ересью, искать его происхождение следует, конечно, не в исламе¹.

Статья 11 отличается крайне резким антиклерикализмом. Никогда средневековый текст не содержал столь прямолинейных и примитивных нападок на духовенство. Средневековые авторы в своем антиклерикализме проявляли куда больше изобретательности и били намного дальше. Словно попадаешь во времена «маленького папаши Комба», который хотя бы знал куда метить, как бывший семинарист. Содержание текста красноречиво: «Настоятельно советуется как можно осторожнее вести себя по отношению к монахам², священникам и епископам, аббатам и ученым докторам, потому что они поступают по-злодейски, чтобы вольготней валяться в грязи своих преступлений». Как ни удивительно, их тем не менее советуют

¹ Пусть даже это не понравится сторонникам так называемой генонианской школы, упорно выискивающим черты сходства между традициями христианского Запада и некоторыми исламскими ересями. Черты сходства между исламом и христианством, конечно, находят, потому что обе этих традиции плюс иудейская отлиты по одной и той же форме, а именно по первым книгам Библии. Но у христианства и исламизма было достаточно времени, чтобы разойтись в разные стороны, и каждая из обеих традиций включила в себя традиции ближайšie, соседние, которые постоянно изменяли и в значительной мере изменили основную традицию. Синтез — дело превосходное, но *синкретизм*, состоящий в искусственном склеивании разнородных понятий, никогда не давал в итоге ничего, кроме жалких *поделок*.

² Не забыл ли автор этих строк, что тамплиеры были монахами?

принимать в орден, но, внимание, «не сообщая им ничего из статуты и обычаев ордена». И статья 18 настаивает на этом: «Вещи, которые строго должны быть скрыты от церковников, принятых в орден». Тогда спрашивается, зачем в 1139 году тамплиеры так упорно требовали, чтобы им разрешили иметь собственных капелланов, то есть священников, входящих в состав ордена, если всякий церковник в большей или меньшей степени валяется «в грязи своих преступлений»? Вероятно, автора секретного устава лишнее противоречие ничуть не смущало.

Статья 13 посвящена процедуре приема. Тут можно отметить фразу, показывающую, какая идеология вдохновляла автора данного текста. Восприимчик нового тамплиера, отпустив ему грехи, «освобождает его от всех заповедей Церкви во имя Бога, который не рожден и не рождает, во имя истинного Христа, который не умер и не может умереть». Опять-таки все это связано с отречением и плевком на крест. Но ни в одном документе процесса невозможно найти столь отчетливого упоминания об отрицании Христа в качестве «Сына Божия». Откуда же мог взяться этот факт?

Объяснение содержится в последующих статьях 14–18, посвященных молитвам и жестам, которые надлежит совершать во время церемонии приема нового члена. Тут перед нами невероятный ворох гностических понятий, плохо переваренных оккультистом XIX века, которому бы следовало еще изучить их азбуку. Упомянуто все, и в полном беспорядке. Нет нужды прибегать к изошренным умозаключениям — этот текст полностью и окончательно показывает, что устав, приписываемый магистру Ронселену дю Фо и переписанный минимум за сорок лет до того, как означенный Ронселен его написал, представляет собой фальшивку.

Однако этот «тайный» устав, при условии что мы не принимаем его за чистую монету, интересен в той мере, в какой предлагает интерпретацию *ереси* тамплиеров. Это просто рабочая гипотеза, как к ней и надо относиться. Она даже пытается найти логическое объяснение несколько жалкой позиции великого

магистра Жака де Моле. Действительно, в статье 20 сказано: «Строго запрещается избирать великим магистром утешенного». Спрашивается почему, если «утешенный» по определению достиг совершенного знания, совершенного Света. Но это и успокаивает: значит, Жак де Моле не был «утешенным». Он *нигего не знал*, чем и объясняется его обескураживающее поведение. Но это также подразумевает, что он не был настоящим руководителем ордена Храма и что, следовательно, существовала параллельная и тайная иерархия, причем различные показания в ходе процесса как будто настолько на это указывают, что это становится более чем вероятным.

Впрочем, другие свидетельства приписывают введение «порочного ритуала» и, следовательно, составление тайного устава Тома Берару, которого в связи с этим определяют как «дурного магистра» и который был великим магистром ордена с 1256 по 1272 год. Все эти изобличения создают впечатление, что все тамплиеры были в курсе: тайный устав ордена Храма существует, но когда он точно появился, не знал никто. К тому же никто из них никогда его не видел и не читал, по крайней мере, все так утверждали. В этой сфере лучше всего ничему и никому не доверять. Все слова, произнесенные обвиняемыми, даже не под пыткой, надо подвергать сомнению, потому что тамплиеры всегда могли отвечать уклончиво или даже «прикинуться дурачками». Так, мы убеждены, что на своем первом допросе прецептор Аквитании и Пуату Жоффруа де Гонневиль, приписав «магистру» Ронселену введение «порочных ритуалов», просто хотел направить следователей по ложному пути. С чего бы он так запросто выдал подобную тайну, а потом семь лет молчал и никогда больше не говорил об этом деле?

Повторим: текст, опубликованный в 1877 году, — подделка. Он столь же неправдоподобен, когда в приложении приводит причудливую молитву Аллаху и утверждает, что в случае опасности издавали крик «Ях Аллах». Это просто-напросто синкретизм. И самое любопытное, что этот текст отрицает себя сам, потому что там написано: «Тайные статуты не будут переведены

ни на один народно-разговорный язык и никогда не будут переданы в руки братьев». А ведь документ, который якобы нашли и который как будто хранился в архивах Ватикана, написан на французском, то есть на народно-разговорном языке.

Тем не менее это отнюдь не значит, что не существовало тайного устава, который знали только конкретные братья, избранные, несомненно, за свои способности и облеченные ответственностью в оккультном плане. В так называемых инициационных обществах и в рыцарских орденах это совсем не исключительный случай. Иерархизация бесспорно порождает соперничество, которое может идти на пользу всей общине. К тому же большинство братьев очевидно были не в состоянии постичь некоторые вещи, особенно отвлеченные понятия. Никогда не надо забывать, что орден Храма был прежде всего военным орденом, которому не требовались метафизики и нежные мечтатели. Но все-таки этими монахами-воинами надо было руководить, и те, кто обязан был это делать, по необходимости отличались более высоким уровнем культуры, не говоря уже об уме.

Итак, есть действительно острая проблема, которая, несомненно, никогда не будет решена: существовала параллельная иерархия или нет. Пример Жака де Моле, человека откровенно неспособного к руководству орденом, как будто подтверждает эту гипотезу. В самом деле, невозможно поверить, чтобы такое ничтожество выбрали управлять судьбами столь важного ордена. Во всяком случае всем своим поведением, сначала отказом объединиться с госпитальерами, потом своими жалкими признаниями, он довел орден до катастрофы. У нас сильное искушение счесть, что он был просто «подставным лицом» и над ним стоял реальный великий магистр, который был известен лишь немногим и действовал негласно, а Жак де Моле и другие сановники — и тогда это следует поставить им в заслугу — так и не выдали его, предпочтя бесчестие, костер или тюрьму. Если это правда, Жак де Моле, пройдя чистилище Истории, чрезвычайно вырос.

Но тогда, если существовал скрытый великий магистр и, разумеется, не менее скрытый капитул (великий магистр мог действовать только с одобрения членов капитула), а значит, то, что называют параллельной иерархией, почему же она ни во что не вмещалась, разумеется, чисто в скрытой форме, через третьих лиц, в течение всего процесса? Насколько известно, орден по-настоящему никто не защищал, кроме некоторых отдельных персон, да и те проявили себя весьма робко. По-видимому, отстоять орден Храма было невозможно. Те, кто убежден в существовании параллельной иерархии, объясняют это невмешательство тем, что ее единственной заботой было скрыть казну и архивы. После чего означенная иерархия исчезла, не оставив следов, если только, конечно, не вернулась в новое время в облике неотамплиерских орденов и им подобных обществ, которые все, несмотря на различия, претендуют на звание единственных подлинных наследников рыцарей в белых плащах.

Однако прежде чем вдаваться в объяснения, которые в большей степени походят на журнальный роман с продолжением, чем на Историю, следовало бы задаться вопросом: на самом ли деле существовал этот скрытый великий магистр? А обстоятельства, при которых начался процесс тамплиеров, сомнения и неясности, двусмысленное поведение той и другой стороны, суровый и окончательный приговор, вынесенный Филиппу Красивому и Клименту V, знаменитое проклятие Жака де Моле, которое с полным правом столь оспаривают, — все это усугубляет путаницу.

Однако во всем этом деле есть ключевая фигура. Она находится на сцене на первом плане, и на нее, похоже, никто не обращает внимания. *Это просто-напросто папа.* Такая гипотеза может вызвать возмущение, но она не абсурдней других, выдвинутых в связи с этим сюжетом. В самом деле, именно папа в соответствии со статутами, то есть по закону, был верховным главой ордена Храма. Это было сказано и пересказано в момент официального основания ордена и повторено самим

Климентом V, который, не забудем, единолично принимал окончательное решение о судьбе ордена. К тому же если проанализировать события процесса тамплиеров, можно заметить, что единственным человеком, который по-настоящему защищал орден Храма, по крайней мере среди великих мира сего, был Климент V. Он сделал все, чтобы замять дело и сорвать акцию Филиппа Красивого. Он сделал все, чтобы выяснить, что же в действительности происходило внутри ордена. Он сделал все, чтобы спасти тамплиеров от королевского суда. Он сделал все, чтобы выиграть время и затянуть процесс. Он дал последний шанс Жаку де Моле и другим сановникам, и это они сами не послушались папу. Разве что... Вполне можно также утверждать, что четверо сановников, которых их клятва связывала с папой, их верховным главой, слепо повиновались тому, чего от них потребовал Климент V.

Кстати, если орден Храма, прежде всего во Франции, составлял государство в государстве, был политической, финансовой и военной силой, не подчиненной монарху, то папа, всегда в большей или меньшей степени конфликтовавший с королями, а особенно с королем Франции, имел это грозное воинство в своем распоряжении, чтобы мог оттеснять противников. Почему он не воспользовался своей властью, чтобы призвать тамплиеров к оружию и урезонить Филиппа Красивого?

Для объяснения невмешательства папы на таком уровне есть превосходные аргументы. Полностью вернув все силы в Европу, орден Храма переживал период неустойчивости, и число боеспособных рыцарей было не слишком велико. Куда больше было людей, принадлежащих ордену: слуг, сервов, свободных крестьян, различных ремесленников. Если орден и представлял собой грозную силу, то по сути *потенциально*: чтобы задействовать ее, понадобилось бы много времени. С другой стороны, в тот период, начало XIV века, папство очень ослабло. Оскорбление в Ананьи и дело Бонифация VIII нанесли очень тяжелый удар по престижу папства. Рим стал ареной непрестанных распрей между соперничающими группировками.

Церковь была глубоко расколота. Тот факт, что Климент V был вынужден поселиться в Авиньоне и даже не мог вернуться в Рим, очень ярко характеризует это состояние упадка. Но тогда почему папа лишил себя главной силы, остававшейся ему верной вопреки всем и против всех, — ордена Храма?

Правду сказать, орден Храма тоже ослаб и пребывал в поисках новой точки опоры, с тех пор как предлог крестовых походов уже не оправдывал его существования. Потому, несомненно, Климент V и предложил объединить орден Храма с госпитальерами. Но известно, что тамплиеры отказались от того, что, может быть, предоставляло последний шанс их ордену, а также папе. Тогда можно предположить, что Климент V, оставляя орден Храма на произвол судьбы, в реальности отказывался просто от негодного, архаичного и устаревшего орудия, да еще и непослушного. И в самом ли деле он на практике был повелителем ордена?

Все это не более чем гипотеза и лишь добавляет неясностей, нагромождение которых вокруг ордена Храма непрерывно растет с тех пор, как попытались чуть пристальней присмотреться к нему. Ставя вопросы, которые остаются без ответов, порождаешь лишь новые вопросы, которые тоже остаются без ответов.

Тайный великий магистр? Вероятно. Но кто это был? Неизвестно. Тайный устав? Да, конечно. Но что он собой представлял? Неизвестно. И где он находится?

Может быть, в подземельях Жизора. Кто знает?

Глава II

ТАИНСТВЕННАЯ ГОЛОВА

Среди пунктов обвинения, выдвинутых против тамплиеров, самое интригующее и дающее больше всех простора для воображения — конечно, обвинение в идолопоклонстве. Это явно было удобным способом изобличить рыцарей Храма как еретиков и приверженцев языческих ритуалов. В этом обвинении самом по себе ничего оригинального нет: его выдвигали против большинства еретиков, даже не сознавая или не отдавая себе отчета, что некоторые обряды Католической церкви плохо осведомленный наблюдатель мог бы принять за настоящие акты идолопоклонства. Это относится к культу реликвий и даже к присутствию статуй в церквях: мусульман ужасало именно это, они не терпели изображений Бога в своих святилищах. А что сказать о разнообразных «объектах поклонения»? Конечно, для того, кто не знаком с христианским учением, в церемониях Римско-католической церкви немало элементов идолопоклонства. Кстати, справедливости ради надо напомнить, что католические церемонии во многом воспроизводят так называемые языческие культы древности и раннего средневековья. Если учесть это, к обвинениям в идолопоклонстве, которые подручные Филиппа Красивого бросали тамплиерам, следует отнестись с большой осторожностью.

Прежде всего надо обратиться к различным свидетельствам, собранным во время процесса. Вот что показал, не подверг-

шись пытке, Гуго де Пейро, второй человек в ордене Храма: «Эту человеческую голову я видел, держал и осязал в Монпелье, во время капитула, и поклонялся ей, как все прочие присутствовавшие братья, однако устами и притворно, а не сердцем». Странное признание. Если только слова Гуго де Пейро не были *притворством*, рассчитанным на то, чтобы направить инквизиторов по ложному пути.

Речь идет о голове или скорее об изображении головы, которое, как говорят, имелось в каждом командорстве и иногда извлекалось во время собраний капитулов в тайном и закрытом месте. Тогда присутствующие должны были отправлять культ этой головы. Что она представляла собой на самом деле, это другая проблема: признания сильно расходятся. Согласно брату Ренье де Ларшану, это была бородатая голова. Он признавал, что видел ее раз двенадцать, и уточнял, что все присутствовавшие братья «ее почитали, целовали и называли своим Спасителем». Если это правда, тамплиеры действительно были идолопоклонниками.

Но это не все. Вот свидетельство Гильома д'Эрбле, духовника короля: «Что касается головы, я видел ее на двух капитулах, которые проводил брат Гуго де Пейро, досмотрщик Франции. Я видел, что братья ее почитали, но никогда не сердцем. Думаю, что она деревянная, снаружи посеребренная и позолоченная... Мне кажется, у нее есть борода или нечто вроде бороды». По утверждению другого брата, Гуго де Бюра, «она была не из дерева, а, может быть, из серебра или же из золота либо из меди. Она напоминала человеческую голову, с лицом и длинной бородой». Но согласно брату Бартеlemi Буше, «она напоминала голову тамплиера, в колпаке, с длинной белой бородой», тогда как, по словам Гуго де Пейро, в другом показании, «у этой головы было четыре ноги, две спереди и две сзади». Создается впечатление, что великий досмотрщик Франции скорей морочил голову тем, кто его допрашивал. В рассказе того же Гильома д'Эрбле эта голова приобретает фантастический облик: «Я слышал, что это была голова одной из Одиннадцати

тысяч дев¹. Но теперь я думаю, что это был идол. У нее было два лица ужасного вида. Ее борода была серебряной». Ужасающий вид особо подчеркивает Рауль де Жизи, сборщик Шампани: «Эту голову я видел во время семи капитулов... Ее приносят, и все простираются на земле, снимают клобуки и поклоняются ей... Ее лицо ужасно, мне казалось, что это лицо беса, *maufé*². Всякий раз, когда я бросал на нее взгляд, меня охватывал такой ужас, что я едва мог на нее смотреть, все мои члены дрожали». Этому брату заметили, что почитать идола — дело очень дурное. Он ответил: «Отрекаясь от Иисуса, поступали намного хуже, после этого вполне можно было поклоняться голове». Очевидно, что братья-тамплиеры не слишком понимали ритуал, при котором их обязывали присутствовать. Итак, на этих знаменитых тайных капитулах что-то происходило, но никто из присутствовавших не был способен точно объяснить, что именно.

В показаниях фигурирует и много других описаний этого рода. Отметим еще показание брата Бартеlemi Роше от 19 апреля 1311 года: «Я был принят в большой часовне парижского Тампля. После посвящения меня ввели в маленькую часовню. Я остался наедине с сновником, который показал мне голову рядом с дарохранильницей. Он велел мне в случае опасности звать к этой голове. Голова была покрыта куском тонкого белого полотна. Не знаю, была ли она из слоновой кости, металла или дерева. Я видел ее только один раз». Иногда эта голова обретала фантастические формы. Так, брат Бернар де Сельг уверял, что в Монпелье, где хранилась эта голова, с ней воедино слился дьявол, предстывая в облике кота, говорящего на человеческом языке. А по словам брата Жана де Неритона, этот сатанинский котище сулил своим почитателям обильные урожаи, много золота и здоровье. Этот брат даже утверждал, что

¹ Знаменитые реликвии, хранящиеся в Кельне. По легенде, имеют в виду святая Урсула и десять тысяч девятисот девяносто девять посвященных дев, убитых гуннами, потому что отказались им отдаться.

² «*Mauvais fé*», то есть «злого духа».

слышал от капеллана слова: «*Istud caput vester Deus est, et vester Mahumet*», то есть «Вот ваш Бог и ваш Магомет». Назвать идола Магометом — это не лишено остроумия! Это напоминает знаменитое место из «Песни о Роланде», где эмир Балиган и король Марсилий, два добрых «сарацина», в подземном святилище поклоняются трем идолам — Аполлону, Магомету и Терваганту, причем последний — это Бык с Тремя Журавлями у кельтов.

Итак: голова, черт, кот, чудовище? Легко узнаешь джентльменский набор колдунов низшего разряда. Самое меньшее, что можно сказать, — что мы имеем дело с фольклорным персонажем.

Однако из-за знаменитого *Бафомета* пролилось немало чернил, пронеслось немало бурь в ученой литературе...

Так что же такое Бафомет? По мнению Жана Шарпантье, выдающегося знатока проблемы тамплиеров, напрашивается гипотеза, что двуликая голова символизировала тайный союз Востока и Запада, тот самый союз, который готовили тамплиеры. Согласно этой гипотезе, разделяемой Виктором-Эмилем Мишле, подхваченной Юлиусом Эволой и Рене Геноном, тамплиеры, по крайней мере некоторые из них, входившие в некий круг посвященных, хотели объединить мудрость Востока и Запада, ислама и христианства в нечто вроде «транскуменизма». Бафомет — его символический образ. Перед нами опять знаменитый геноновский синкретизм. Но почему бы нет? Можно даже предположить, что тамплиеры были тайными мусульманами, например, суфиями. Исторические данные формально противоречат этой гипотезе, но зачем об этом... «Западные эрудиты предположили, что слово „Бафомет“ (*Bafomet*, или *Varhomet*) могло быть искаженным арабским *abuфихамат* (или *буфихамат*), что можно перевести как „отец понимания“. В суфийской терминологии понятие *раль-эль-фахмат* (голова знания) связано с ментальным процессом у посвященного»¹. Вот еще объяснение, не хуже прочих.

¹ Idries Shah. *Les Soufis et l'ésotérisme*. Paris, Payot, 1972.

Разгадке значения слова «бафомет» было уделено много внимания. В начале XIX века арабист Сильвестр де Саси заявил, что это искаженное слово «Магомет», что, естественно, вызвало бурю протестов: в мусульманском культе антропоморфическое изображение немислимо, хоть Саси и нашел в одном словаре XVIII века слово *bahammerid* в смысле «мечеть». Немецкий ориенталист Гаммер-Пургшталь выдвинул утверждение, что «Бафомет» происходит от арабского «Бахумид», означающего «теленок». Отсюда он сделал вывод, что «голова» тамплиеров была связана с культом золотого тельца. Толкование выразительное, если вспомнить, что тамплиеры были крупнейшими банкирами Европы.

Но поскольку ни в одном словаре слово «Бахумид» не нашлось, Гаммер-Пургшталь быстро изменил свой тезис. Теперь он заявил, что это слово имеет гностическое происхождение и возникло в результате объединения двух греческих слов: *бафе* (крещение) и *метеос* (инициация). По его словам, это было связано с инициацией огнем. Иначе считал оккультист Виктор-Эмиль Мишле. По его мнению, это была сокращенная формула, *Templi Omnium Hominum Pacis Abbas*¹, иначе говоря, ТЕМОНРАВ, которую надо по правилам кабалистики читать справа налево, оставляя, неизвестно почему, одни буквы, а не другие. По тому же принципу Джон Шарпантье, опираясь на необоснованное положение, что патроном ордена Храма был Иоанн Креститель, предлагал соединить слова «Креститель» (*Baptiste*) и «Магомет» (*Mahomet*), вычеркнув после третьей буквы количество букв, равное сакральному числу семь. Видно, как люди барахтаются в *игре слов*!

Совсем другим путем пошел Альбер Олливье. Он предложил сопоставить имя «Бафомет» с «Бафо» [Пафос], названием порта на Кипре, где долгие годы была резиденция тамплиеров. Он предположил, что могла существовать связь между культом Астарты, храм которой находился в Бафо в древности, и культом

¹ Настоятель Храма Мира Всех Людей (лат.).

Девы Марии, которую особо почитали тамплиеры. «Не исключено, что орден привез с Кипра какую-то голову или останки — неизвестно, христианские или языческие, — а судьи сочли возможным связать их с культом Астарты»¹. Но для этого судьи и инквизиторы должны были бы обладать довольно широкой общей культурой и глубокими знаниями древних культов, что далеко не факт. Тем не менее эта гипотеза интересна в том отношении, что на Кипре определенно возникли контакты между тамплиерами и восточными христианами, а именно коптами². Однако непохоже, чтобы между бородатым идолом, описанным в ходе допросов, и изображением Астарты было много сходства, даже если последнюю считать богиней Бафо.

Но все это труды на пустом месте. Ведь в конечном счете слова «Бафомет» никогда не произносили ни обвинители ордена Храма, ни даже сами допрашиваемые тамплиеры, во всяком случае в начале процесса. За невероятное распространение этого слова ответственны историки и оккультисты. Реальность гораздо проще: ее можно найти в протоколе допроса одного сержанта из Монпеза, что близ Монтобана, обвиненного в *поклонении бафометического образу*. А говорил этот сержант на окситанском, на языке своих краев. Следователи, которые были родом с Севера, толком не поняли, о чем идет речь. Во всяком случае, они не знали, что в народной речи на языке «ок» слово «Магомет» часто искажается и произносится как «Бафомет». Это показывает нам поэма одного трубадура, известного под именем Оливьер Тамплиер, который писал в 1265 году: «(Турки) знают, что каждый день они нас унижат, ибо Бог спит, что некогда бодрствовал, и Бафомет открыто проявляет свою силу, позволяя блистать султану Египта»³. Таким образом,

¹ Ollivier A. Les Templiers. Paris, Seuil, 1958. P. 76.

² На эту тему можно прочесть превосходную книгу: Tourniac J. De la chevalerie au secret du Temple. Paris, Prisme, 1975, где автор рассматривает возможные совпадения между восточными христианскими учениями и тайным учением ордена Храма.

³ Цит. по: Ollivier A. Les Templiers. Paris, Seuil, 1958. P. 120.

бафометический образ — это просто-напросто *магометанский* образ. Сержант, конечно, не знал, что мусульманская религия запрещает любое изображение человека, равно как этого не знал автор «Песни о Роланде» и многие средневековые писатели, говорившие о «сарацинах» в других местах¹. Для него причудливое изображение, которое он считал нехристианским, могло быть только *mahometie*, как иногда говорили в XII и XIII веках, когда не слишком домогались точности. В героических песнях все нехристианское — сарацинское. И на этом-то недопонимании выстроили мудреные теории, усмотрев мусульманское влияние на тайные верования тамплиеров! *Бафомета* не существовало: это выдумка эрудитов.

Но если не было *Бафомета* как такового, то *голова* все-таки как будто была: ведь о ней говорит столько показаний?

Нет: и головы тоже не было.

11 мая 1311 года папская следственная комиссия, заинтригованная противоречивыми свидетельствами относительно головы, запросила хранителя секвестрованного имущества ордена Храма, есть ли среди изъятых предметов деревянная или металлическая голова. Хранитель, Гиљом Пидуа, «принес голову, большую, красивую, из позолоченного серебра, которая имела женское лицо и содержала кости черепа, помещенные в складки сшитого куска белого полотна, а также другую ткань, красноватого оттенка, покрывавшую полотно... Пидуа заявил, что в доме ордена Храма более ничего не найдено». Надо уточ-

¹ Во многих героических песнях, написанных в XII и XIII веках, часто описывали, как сарацины клянутся Магометом, Аполлоном и Тервагантом и отправляют культ идолов. В Западной Европе явно были незнакомы с мусульманской религией, и под пресловутыми сарацинами понимались все, кто не был христианами, в том числе приверженцы римской и друидической религий, а также сохранившихся в народе, в сельской местности, пережитков этих религий. Таким же образом в героических песнях сарацины иногда оказываются колдунами или даже бесами.

нить, что эта голова имела надпись «Caput LVIII m». По поводу надписи было пролито много чернил, но, вероятно, это был просто номер. Видеть в ней тайный код незачем. Во всяком случае, свидетели не опознали в представленной женской голове ту, которую видели во время таинственных церемоний, когда принимали в них участие. А в ходе обысков во всех домах ордена Храма *ни одной головы найдено не было*, что все-таки весьма удивительно.

А что это был за «идол» под названием «Caput LVIII m», очень хорошо известно. Это был просто-напросто реликварий в форме бюста женщины, абсолютно похожий на все реликварии такого рода, используемые в совершенно ортодоксальных культах святых жен или мучениц¹. И никакой тайны в этом быть не может.

Следовало бы вспомнить и то странное место из Рабле, из пролога к «Гаргантюа», где говорится о «силенах»: «Силенами прежде назывались ларчики вроде тех, какие бывают теперь у аптекарей; сверху на них нарисованы смешные и забавные фигурки, как, например, гарпии, сатиры, взнузданные гуси, рогатые зайцы, утки под вьючным седлом, крылатые козлы, олени в упряжке и разные другие занятные картинки, вызывающие у людей смех, — этим именно свойством и обладал Силен, учитель доброго Бахуса, — а внутри хранились редкостные снадобья, как-то: меккский бальзам, амбра, амом, мускус, цибет, порошки из драгоценных камней и прочее тому подобное»². Рабле хочет здесь показать, на этом примере и на примере Сократа, который имел уродливое и гротескное лицо, но по уму был величайшим мудрецом мира, что часто не следует доверять внешности. Что же может скрывать безобразный и гротескный идол тамплиеров? Какой природы на самом деле были реликвии в ларце такого рода, украшенном гротескной головой?

¹ См. Probst-Biraben et Maitrot de la Motte-Capron. Les idoles des chevaliers du Temple // Mercure de France, 1939. Vol. 294. P. 569–590.

² Рабле, Франсуа. Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. Н. Любимова. М.: Правда, 1981. С. 23.

Все это связано с символами и с народными традициями, общими для многих стран Востока и Запада. В описании «силенов», которое сделал Рабле, есть удивительная аналогия с описаниями таинственной головы, о которой свидетельствовали тамплиеры. Вероятно, Рабле, который был вполне в курсе дела ордена Храма и рассыпал многочисленные намеки на него в своем произведении, вспомнил это дело и использовал, чтобы показать, что за уродством часто скрывается красота и что реальность — не обязательно то, что видно снаружи. Это вопрос философский и никакого отношения к культу идолов не имеет.

Другое свидетельство, сделанное во время процесса, повернуло ход разбирательства в сторону народных преданий. Это показание итальянского нотариуса Антонио Сиччи из Верчелли, который сорок лет находился на службе у сирийских тамплиеров. Вот что он рассказал 1 марта 1311 года: «Я несколько раз слышал рассказ о том, что произошло в городе Сидон. Некий дворянин из этого города полюбил некую знатную женщину родом из Армении; при жизни он никогда не познал ее, но когда она умерла, он тайно изнасиловал ее в могиле, ночью после того же дня, когда ее похоронили. По совершении этого действия он услышал голос, сказавший ему: „Вернись, когда придет срок рожать, ибо ты обнаружишь голову, плод твоих трудов“. По истечении этого времени рыцарь вернулся на могилу и между ног погребенной женщины нашел человеческую голову. Снова раздался голос и сказал ему: „Крепко береги эту голову, ибо от нее ты получишь все блага“. В то время, когда я слышал это, прецептором того места (Сидона) был брат Матье, по прозвищу Сарнаж, родом из Пикардии, он стал братом судану (султану) Вавилона (Каира), что тогда царствовал, потому что один пил кровь другого, и потому в них стали видеть братьев»¹. Эта

¹ Reinach. S. La Tête magique des Templiers // Revue de l'histoire des Religions. Paris, 1911. № 63. P. 25–39. Рейнах со страстью разыскивает филогические истоки этой знаменитой «головы».

некрофильская история хорошо известна. Ее с вариантами пересказывают еще в двух показаниях. Этот рассказ еще веком раньше можно найти в курьезных произведениях Гервазия Тилберийского и Вальтера Мапа, и это показывает, что перед нами мифологический сюжет, перешедший в разряд народной сказки. Мотивы легко узнаваемы: волшебный череп, дающий богатство своему обладателю, запретное, но эффективное в магическом смысле соитие между живым и мертвым и представление о дурном глазе. Добавлено упоминание о тамплиерах с намеком на то, что один из них, совершив обряд братания по крови с главой мусульман, унаследовал эту волшебную голову. Разве что всем ее магическим и символическим могуществом не наделили так называемый Бафомет.

На самом деле, как показывает Саломон Рейнах, история о «голове» тамплиеров относится к циклу легенд, связанных с Персеем и Медузой. За век до процесса легенда о Персее испытала новый всплеск популярности. Но вместо персонажа античности Персей, согласно средневековым обычаям, всегда осовременивавшим героев прошлого, стал рыцарем наподобие Ланселота Озерного. А кого в то время на Ближнем Востоке привычно представляли при слове «рыцарь»? Разумеется, тамплиера. Поэтому Персея уподобили тамплиеру. Восточные люди слышали, что рыцари прячут волшебную голову (голову Медузы): эти рыцари могли быть только тамплиерами. А поскольку с этой головой они совершали что-то диковинное, они, конечно, тайно обратились в ислам и почитали голову как идола, *tahomerie*.

В результате эту голову стали считать «инициационной». Потому что ее соотнесли со шнурком, который носили тамплиеры. А ведь, согласно показаниям на процессе, этот шнурок передавали новому рыцарю после того, как им повязывали шею идола. Вот что рассказывает брат Гуго де Бюн: «Брат извлек из шкафа голову и поставил ее на алтарь. Он счел своим долгом опоясать ее шнурком, потом передал его мне и велел носить на поясе». Явно ссылаясь на самые обычные обряды,

тамплиеров хотели *огернить* и приписать им идолопоклоннические обычаи. На самом деле эти шнурки были хорошо известны, и им подобные носили все монахи. Это был просто-напросто символ предписанного целомудрия, о котором должен был помнить любой монах. И если для придания этому шнурку магических свойств, то есть в действительности для его благословения, служила эта голова, то ничего столь уж зловещего в ней не было. Должно быть, речь шла просто-напросто о реликварии. Кстати, другой брат, Ги Дофин, рассказывал, что этот шнурок касался в Назарете столпа Благовещения. Вероятно, у тамплиеров существовал обычай приводить шнурок в соприкосновение со священным предметом, придавая ему больше могущества или значимости. Это можно считать суеверием, но в любом случае это совершенно ортодоксальный христианский поступок. Кстати, многие свидетели рассказывали, что орден обладал множеством реликвий, в том числе святого Поликарпа и святой Евфимии. Эта знаменитая голова, представление о которой породило столько гипотез и столько бредней, в конечном счете, похоже, была всего лишь реликвиарием, подобном тому, который захватили в парижском Тампле и показали членам папской комиссии. Никаким котом и не пахнет.

Как же! «Представление о сатанической природе этого идола появилось из-за того, что ряд свидетелей упорно настаивал: они-де видели его в обществе нашего старого знакомого, сатанического кота. Этот кот возникал рядом с идолом в подобии облака, оставался там в течение всей церемонии, а потом исчезал и больше не появлялся. Никто не может объяснить его происхождения, и утверждается только, что он исходил из дьявола или сам был дьяволом. Присутствующие тамплиеры оказывали ему почести, снимая перед ним шапки, низко ему кланяясь и, наконец, целуя его под хвост. В остальном кот был столь же переменчивым, как и идол: некоторые утверждали, что он был черным, другие — серым, третьи — пятнистым или даже рыжим. После этого мы не удивимся, узнав, что, по утверждениям некоторых обвиняемых, тамплиеры помазывали идола

жиром из жареного трупa новорожденного, что они жгли тела умерших братьев и смешивали их пепел с порошком, который давали послушникам, чтобы при помощи этого магического снадобья нерасторжимо связать их со своими отвратительными обрядами. Нас уже не изумит сообщение, что на поклонении идолу и коту иногда присутствовали бесы в облике прекрасных дев, чье появление было тем более необычным, что окна были плотно закрыты... но с которыми тамплиеры, собравшиеся для церемонии, охотно вступали в любовную связь»¹. В результате, должно быть, эти церемонии оборачивались практикой так называемого принудительного гомосексуализма. В общем, полный бред.

Пытаться разделить здесь миф и реальность бесполезно. Они слишком перемешаны, чтобы их можно было распознать. Обвинители тамплиеров, и это очевидно, задействовали все фольклорные ресурсы, какими располагали, чтобы уличить бывших «бедных рыцарей Христа». Тут использован весь обычный инвентарь ведовских процессов. И если кстати появлялся кот, настоящее медиумическое животное, и его отождествляли с дьяволом, это поражало воображение людей. В конце концов тамплиеров убедили, что они нечто видели или в чем-то участвовали. Но тем не менее все это основано на двух-трех реальных фактах, которые подручные Филиппа Красивого использовали и раздули с ловкостью, которую, и самое время это сказать, можно определить как дьявольскую.

Вероятно, во время некоторых капитулов ордена Храма проводились более или менее тайные церемонии, значения которых уже точно не понимали и сами участники. Эти церемонии стали формальностями, лишенными первоначального содержания. Остались только определенные символические жесты или символические заклинания. Ведь таинственная «голова» тамплиеров, вероятно, никогда не существовала материально.

¹ Cohn N. *Démonolâtrie et sorcellerie au Moyen âge*. Paris, Payot, 1982. P. 117.

Но о ней говорили, ее описывали. Значит, она обязательно возникала, причем в символической форме. Это трудно опровергнуть.

Верить или нет в реальность этих причудливых ритуалов — другой вопрос. Описания, которыми мы располагаем, полностью соответствуют знакомым измышлениям той эпохи, относящимся к ведовству и демонологии. И в конечном счете только эти измышления, участниками и свидетелями которых наконец становились сами обвиняемые, и убеждали инквизиторов. Так бывало на всех ведовских процессах. В результате сформировался ряд типичных образов, которые без конца повторялись, в которые искренне верили обвиняемые и обвинители и которые с незначительными вариациями совпадают с легко распознаваемыми мифологическими схемами. Словом, миф в качестве ментальной структуры сильнее реальных событий.

Что касается таинственной «головы» тамплиеров, поскольку речь идет в основном о ней, то источники этого мифа хорошо известны в европейской традиции. Они восходят к незапамятным временам и составляют часть кельтского наследия при аналогичных заимствованиях из восточных традиций. В свете этих источников и надо рассмотреть «миф» о голове, который в той или иной форме *пережили* тамплиеры, и воплощенный в событиях того времени образ, который *представился* обвинителям через посредство этого кривого зеркала.

Исходная точка — один валлийский текст, содержащийся в рукописи XII века, но воспроизводящий более ранний рассказ: «Передур, сын Эвраука». Это валлийская — и кельтская — версия «Поисков Грааля», по крайней мере первоначальной версии, использованной Кретьеном де Труа в своем «Персевале, или Повести о Граале». Когда герой оказывается в замке Грааля, у таинственного Короля-Рыбака, он становится очевидцем необычной процессии: «Он начал разговаривать со своим дядей, когда увидел подходящих к залу и входящих в комнату двух человек, которые несли огромное копьё; с узкого места в наконечнике копьё на пол стекали три струи крови.

При этом зрелище все общество заплакало и застонало... Через несколько мгновений молчания вошли две девы, несущие между собой большое блюдо, на котором лежала человеческая голова, плавающая в собственной крови. Общество издало такие крики, что трудно было находиться с ними в одном зале»¹. Сразу можно отметить, что Кретьен де Труа эту человеческую голову на блюде заменит *граалем*, не сказав ничего о его содержании.

Это единственная версия «Поисков Грааля», представляющая столь таинственный предмет, как Грааль, в таком виде. Но в валлийской традиции эта история об отрубленной голове не уникальна. В другом легендарном рассказе герой Бран Благословенный после неудачного похода в Ирландию, во время которого его ранили отравленным копьем, просит спутников отрубить ему голову, взять ее с собой и поместить в Лондоне на белый холм. Там они примут участие в настоящем празднике бессмертия, который возглавит эта отрубленная голова². И они похоронят эту голову в холме; в результате страна будет недоступна для любого вторжения, пока не выкопают эту голову. Бесспорно, изложенный здесь сюжет близок к мифу о Персее и Медузе. Священная Голова — это защита от врагов. Об этом следовало бы вспомнить, прежде чем пускаться в эзотерические толки насчет так называемого Бафомета.

Во французском рассказе «Перлесваус», тексте конца XII века, который отмечен сильным клюнийским влиянием, но излагает первоначальную кельтскую легенду о Граале, Ланселот Озерный вынужден отрубить голову великану, чтобы спасти свою жизнь, но при условии, что сам вернется через год и позволит великану отрубить голову себе. Великан подбирает свою голову и исчезает. Та же история содержится в гораздо более раннем ирландском рассказе «Пир у Брикриу», герой

¹ Les Mabinogion / trad. de Joseph Loth. Paris, Presses d'Aujourd'hui, 1979. P. 203. См.: Markale J. Le Graal. Paris, Retz, 1982. P. 54.

² Les Mabinogion. P. 39–41. См.: Markale J. L'Épopée celtique en Bretagne. 3e éd. Paris, Payot, 1984. P. 43–52.

которого — знаменитый воин Кухулин¹. Эта «игра в обезглавленного», как ее называют, заканчивается имитацией отрубания головы и соотносится с сюжетом, хорошо известным в христианской агиографии, — святыми цефалофорами (носителями своей головы после агрессии), такими, как св. Дионисий во Франции, св. Тремер и св. Трифина в Бретани или св. Митра в Провансе.

Такие рассказы соответствуют традиции, которую приписывают древним галлам. Согласно Титу Ливию, галлы отрубали головы врагам и, обработав их, вешали за волосы на подгрудные ремни своих коней (Тит Ливий, X, 26). Диодор Сицилийский (V, 29) и Страбон (IV, 4) говорят почти то же самое, уточняя, что галлы крепят трофеи к дверям своих домов. Тит Ливий (XXIII, 24) охотно распространяется о судьбе головы консула Постумия, которую оправили в золото и сделали ритуальным сосудом для друидических церемоний. Данные археологии подтверждают эти тексты. Среди развалин городов Гланума (Сен-Реми-де-Прованс), Сен-Блеза (близ Истра) и Антремона (близ Экса-ан-Прованс), а также в музее Борели в Марселе можно видеть столбы с гвоздями, служившие «вешалками для черепов». В том же музее Борели, а также в музеях Гране в Эксе-ан-Прованс и Кальве в Авиньоне есть некоторое количество отрубленных голов, высеченных из камня. Кстати, такие изображения часто встречаются на капителях романских церквей: романское искусство унаследовало многое из галльской скульптуры.

Об этом обычае свидетельствует и ирландская традиция. В Ольстере, в крепости короля Конхобара, был зал, предназначенный для военных трофеев, в частности для отрубленных голов. В одном странном рассказе герой Коналл Кернах отрубает голову королю Месегре. Потом он кладет голову на камень на берегу брода. «Капля крови скатилась с шеи и упала на камень, пройдя сквозь него до земли. Тогда он положил голову

¹ Markale J. L'Épopée celtique d'Irlande. Paris, Payot, 1978. P. 112–113.

на другой камень, и голова прошла сквозь камень»¹. Можно понять, что эта голова обладала коррозионными свойствами. Та же деталь приводится и при описании головы героя Кухулина: «Голова расплавилась камень и прошла насквозь»². Итак, можно заметить, что таинственная «голова» тамплиеров возникла в воображении инквизиторов совсем не случайно. Она связана с весьма давней западноевропейской традицией. И надо ли напоминать легенду о голове святого Иоанна Крестителя, которого хотели сделать покровителем ордена Храма?

Но обвинения по адресу ордена Храма этим не ограничились. Известно, что безо всяких доказательств тамплиеров обвиняли в занятиях алхимией. Этим объясняли происхождение их богатства, что, в свою очередь, укрепляло веру в существование спрятанного сокровища, то ли в материальной форме, то ли в форме секретных документов, посвященных превращению металлов. Смелчаков, пытающихся проникнуть в тайну подземелий Жизора, можно включить в категорию людей, которые верят в существование алхимических документов.

А ведь в рассказе о валлийском герое Бране Благословенном сказано, что голова Брана должна быть похоронена внутри белого холма в Лондоне. Надо знать, что на валлийском и бретонском языках *brân* означает «ворон». Значит, можно понять, что «Голова Ворона» должна быть спрятана в «белом холме». В алхимических текстах «Голова Ворона» — распространенный символ одной из стадий операции, называемой «великое делание». «Наша ртуть, — пишет святой и алхимик Альберт Великий (*Состав составов*, V), — останется на дне... превратившись в черноватую землю». Поэт-алхимик Раймунд Луллий, чьи грандиозные фантазии вдохновили Филиппа Красивого, описав изощренные операции очистки первоматерии, чтобы она могла стать философским камнем, пишет (*Ключица*, VIII): «Тогда ты получишь Голову Ворона, которую так искали

¹ *Revue celtique*. VIII. P. 48 ff.

² *Ogam*. XVIII. P. 352.

Философы, без которой не может существовать Великое Магистерство».

Мало того. Знаменитый Никола Фламель в своем «Трактате об иероглифических фигурах» (глава V) пишет так: «Рассмотри этого человека, имеющего облик святого Павла... Он хочет взять обнаженный меч, то ли чтобы отрубить голову тому человеку, который стоит на коленях у его ног, то ли чтобы совершить над ним еще что-то... Но хочешь знать, чему учит этот человек, взявший меч? Он означает, что надо отрубить Голову Ворону, то есть тому человеку... который стоит на коленях... Лиши головы этого черного человека, отруби голову ворону, и едва она будет отъята, миг появится белый цвет». Известно, что «Голова Ворона» — одна из стадий «великого делания», когда Камень пребывает в *герном*. Тогда его надо избавить от этой черноты и отрубить голову ворону, что позволит достичь следующей стадии, *Камня в Белом*, способного, кстати, превращать свинец в серебро.

Все это довольно странно. Нельзя не вспомнить о печати тамплиеров, изображающей *двух всадников на одной лошади*, очевидный символ Ртути и Серы у алхимиков, соединение которых, необходимое для получения философского камня, может быть достигнуто только при помощи Тайного огня, символ которого здесь — лошадь. Нельзя забыть и о штандарте тамплиеров, Босеане или Босане (Vauscent либо Vaussant): этот штандарт — *герно-белый*. Этот черно-белый штандарт невозможно не сопоставить с таинственной «головой». А разве неизвестно, что в «Романе о Лисе» кабана зовут Босан? Что в валлийском языке кабан называется *baoddan*, что произносится приблизительно как «босан»? Что у кельтов кабан символизирует жреческий класс друидов? Что во многих скульптурных изображениях, например на знаменитом котле из Гундеструпа, кельтские воины носят на шлемах фигурку кабана? Когда воины носят жреческую эмблему, это скорее странно, потому что полностью противоречит средневековому закону о трех классах, который индоевропейцы, а значит, и кельты строго

соблюдали. Все-таки разделение на три функции имеет очень четкий характер: есть священники, воины и производители. Но разве тамплиеры, будучи одновременно монахами и солдатами, не выполняли обе функции, воинскую и священническую? Во всяком случае, их штандарт говорит об этом. И таинственная «голова» — Голова Ворона, которую надо отрубить, чтобы открыть белизну, в смысле — свет.

Это алхимические понятия. Но Алхимия, прежде чем стать заурядным ремеслом по превращению металлов, поначалу была философской системой, претендующей на выявление Знания благодаря работе над Материей (Черным) и Духом (Белым), над физическим и психическим, над телом и душой. Однако полностью роль таинственной «головой» в церемониях, описанных в протоколах допросов, никогда не понять, если отделить проблему «головой» от проблемы «непристойных поцелуев».

Среди пунктов обвинения действительно числятся обычаи, которые судьи расценили как постыдные: «Во время приема братья... целовали друг друга иногда в уста, в пупок или в голый живот, а также в анальное отверстие или в позвоночник». Можно полагать, обвинители задействовали весь фольклорный арсенал шабаша, действия, для которого характерны непристойные жесты, особенно когда участники целовали дьявола в образе козла под хвост. Можно также полагать, что эти бесстыдные поцелуи входили и в другой пункт обвинения — в содомии. Сразу же уточним, что в Средние века слово «содомия» не имело того узкого смысла, как теперь, и означало любую гомосексуальную практику, в том числе и развратные поцелуи. Но тамплиеры в основном отвергали обвинения в *принудительной* содомии, и инквизиторы не очень настаивали на этом пункте, довольствуясь выявлением частных случаев: гомосексуализм существовал всегда, тем более в сообществах мужчин, которым запрещалось иметь дело с женщинами. Это не составляет отдельной проблемы.

Но непристойные поцелуи, в которых упрекали тамплиеров, похоже, входили в состав ритуала, смысла которого уже

не понимали сами исполнители. Описания чисто формальны. «Я отвел его в сторону и велел поцеловать меня в нижнюю часть позвоночника, в пупок и в уста» (Гуго де Пейро). «Я поцеловал его сначала в нижнюю часть позвоночника, потом в пупок и наконец в губы» (Ренье де Ларшан). «Опять-таки по его приказу я поцеловал его в нижнюю часть позвоночника, в пупок и в губы» (Пьер де Тортевиль). «Далее брат Жан трижды поцеловал меня, сначала в нижнюю часть позвоночника, потом в пупок и наконец в уста» (Жан дю Тур, казначей парижского Тампля). «Я поцеловал прецептора в губы, в пупок и в непристойные органы снизу. Я видел, как так же принимали брата Артура, каковой был со мной, и впоследствии нескольких других» (Пьер Болонский). «Брат, принимавший меня, грубо сказал мне: поцелуй меня в задницу» (Никола Амьенский, прозванный Никола из Люлли). «Я слышал об этом пятьсот раз с разом, это было общеизвестно, что принимаемый целует принимающего в анальное отверстие, если только не наоборот. Поэтому, говорили, прием и происходит тайно за семью запорами» (Гишар де Машиако)...

Такие цитаты можно приводить и дальше. Они отличаются характерной похожестью. Кроме случая с Пьером Болонским, который, впрочем, скорее всего перепутал направление, речь идет о трех поцелуях: сначала в анальное отверстие, потом в живот и наконец в уста. Конечно, это должно что-то означать. Обычно комментаторы процесса тамплиеров не задерживаются на рассмотрении этих отталкивающих процедур. Они либо сдержанно посмеиваются над этим, либо, очень шокированные (говорить о таких вещах не следует!), поскорее ставят клеймо: это ребячество, *дедовщина*, как в больших школах и тому подобных сообществах или же у военных, которые, как знает каждый, не слишком утончены и не слишком деликатны. Это легко сказать. Но прежде чем пытаться немного яснее понять это, хорошо бы еще раз обратиться к Рабле, этому старому хитрецу, многое знавшему о традициях, доставшихся от былых веков. Помним ли мы, что в «Гаргантюа» имя, данное

конюшим Гимнастом (чье имя значит «тот, кто обнажен»), — *Поцелуй-меня-в-зад?* Что в «Пантагрюэле» происходит бурная — и совершенно непонятная на первый взгляд, так богата там словесная алхимия намеками и символами, — дискуссия между сеньорами *Пейвино* и *Лижизадам*, что любимым оружие брата Жана Зубодробителя — из которого получился бы превосходный тамплиер — был странный фаллический предмет под названием *Мальхус* (Mal-Cul [Плохой Зад], где игра слов намекает на короля Малека)? Во всем произведении Рабле явно проявляется желание подчеркнуть важность выходящих газов, и прежде всего *из зада*. Чувствительные люди сочтут это скатологией, но им следовало бы догадаться о символическом значении *отходящих газов*, каковые происходят из *подземного мира*, иначе говоря, из *копей*, где добывают *Первоматерию Философов*, ту самую, которая в силу разных операций и трансформаций становится *Философским Камнем*, иначе говоря, чистым светом Духа. А Дух традиционно находится в Голове.

Ну вот. Непристойные поцелуи тамплиеров — это все, что осталось (или все, о чем пожелали сообщить) от очень старинного инициационного обряда: он начинается с *зада*, то есть из рудников, воспринимающих выдохи материи грубой, необработанной, но богатой возможностями, переходит к *животу*, месту преобразования (вспомним мессера Гастера!), переработки и очищения, и кончается на *устах*, на *голове*, высшей точке, где очищенный выдох становится гласом божьим.

Кстати, это полностью соответствует восточной традиции *Кундалини*, энергии, которая рождается в нижней части позвоночника, между половым органом и анальным отверстием, и в форме символической змеи поднимается вдоль тела, иннервируя различные *чакры* — разнообразные центры активности человека, пока наконец не достигает последней чакры, находящейся в голове, — чакры Просветления. Этот инициационный ритуал не может вызвать никаких сомнений. Он так верно описан в показаниях тамплиеров, пусть даже исполнители его уже не понимали, что отрицать это невозможно. Итак, эти

непристойные поцелуи — не скабрезная забава школяров, а то, что осталось от инициационного ритуала высокого полета, цель которого заключалась в том, чтобы дать новому рыцарю осознать: *он должен нагнать снизу, чтобы достичь верха*, а не считать, что уже достиг верха, и не спускаться обратно вниз. И главное, этот ритуал фактически полностью оправдан святым Бернаром Клервоским: «Мы существа плотские и рождены от вожделения плоти; поэтому наша любовь неизбежно начинается с плоти, а последняя, успокоившись, постепенно выискиваясь под водительством благодати, расходует себя в духе. То, что в нас духовно, не может опередить животное начало, но раскрывается лишь вслед за ним; прежде чем обрести образ человека небесного, нам должно иметь образ человека земного. Человек начинает с того, что любит себя... потом он любит Бога, но все еще для себя, не для Него... изведав же, как милосерд Господь, он возвышается до третьей ступени, состоящей в том, чтобы любить Бога для Бога. Тогда он останавливается, и не знаю, был ли такой человек, который в сей жизни когда-либо достиг последней ступени любви — любить самого себя только для Бога»¹.

Аббатом Клерво, основателем ордена Храма, в этом тексте сказано все. Вопрос лишь в том, все ли тамплиеры были способны понять эти слова и извлечь из них практические уроки.

Бафомет — это миф. Голова, чудовищный облик которой описывали, — это миф. Но мифы — это намного более сильные реалии, чем материальные предметы или даже человеческие существа. Надо лишь очень высоко подняться, чтобы попытаться их понять или воспринять то, что непостижимо. Таинственная «голова» тамплиеров — это символ, символ главной цели, к которой следует стремиться: *любви к самому себе для Бога*. Все остальное — низкопробная литература, которую породило воображение людей, распаленное легендами, конечно,

¹ Bernard de Clairvaux, saint. Textes politiques. Éd. de Zumthor. Paris, Union générale d'éditions, 1986. P. 78–79.

очень важными, но уже непонятными для тех, кому следовало бы их понимать¹.

Однако эта таинственная «голова» тамплиеров и все темные элементы, ореолом окружающие ее, могут преподать нам и еще один урок. Если хочешь что-то обнаружить, необходимо терпение, и, главное, не следует начинать сразу с намеченной цели. Голова — это Цель. Но начинать надо с поиска — в темных областях *низа*. Может быть, тщательно обследуя подземелья, как Жизора, так и нашего мышления, мы обнаружим колодец, выводящий к свету, — туда, где находится Голова, освобожденная от тела, и глаза, устремленные в бесконечность.

¹ Так, традиция упорно утверждает, что папа Сильвестр II, то есть знаменитый монах Герберт Орильякский, очень сведущий в тайных науках, изготовил бронзовую говорящую голову. Святой алхимик Альберт Великий якобы потратил тридцать лет на изготовление аналогичной головы. Но Фома Аквинский, основатель рационалистического направления в Церкви, якобы разбил этого «идола», потому что голова говорила слишком много. Символика этой легенды очень ясна.

Глава III

ОТРЕЧЕНИЕ

Из всех обвинений, выдвинутых против ордена Храма, самым тяжким, конечно, было обвинение в отречении от Иисуса, которого требовали от нового брата во время приема. Это обвинение выдвинули на первый план все враги ордена, и именно по этой причине Климент V официально распустил его. Это также и наиболее обоснованное обвинение. Оно абсолютно бесспорно: отрицать его значило бы ставить под сомнение *все* свидетельства. И тем не менее это обвинение остается самым загадочным, самым необъяснимым, самым странным.

Все признания, говорящие об отречении, согласуются, они точны и неопровержимы. Если исключить показания, сделанные под пыткой, которые ни в коем случае нельзя учитывать, их еще остается более чем достаточно, чтобы подтвердить реальность этого факта. Прежде всего это признания Жака де Моле и еще трех сановников во время первого допроса перед представителями университета и инквизитором Парижа. Их повторили в Шиноне в присутствии трех кардиналов, спешно отправленных для этого папой. Далее — признания, полученные самим папой во время личного допроса семидесяти двух тамплиеров. Надо добавить различные показания, записанные в Англии и Германии, и показания, собранные папской комиссией в Сансе с 11 апреля по 13 мая 1310 года. Эти показания особенно интересны, потому что очень подробны.

Вот показание брата Жана де Сен-Бенуа на смертном ложе: «Я был принят сорок лет назад в Ла-Рошели братом Полем де

Лежионом. Во время приема он мне сказал, что надо отречься от Нашего Господа. Уже не помню, назвал ли он Его Иисусом, Христом или Распятым, он сказал мне, что это одно и то же. Я отрекся устами, а не сердцем». Этому брату, находящемуся при смерти, уже явно было нечего терять: зачем бы ему было лгать? А вот что сказал Жан Англичанин: «Я был принят в Ла-Рошели, в Сентонже, братом Пьером де Мадии... Он отвел меня за алтарь и велел трижды отречься от Иисуса и плюнуть на крест, который мне поднесли. По его приказу я трижды отрекся от Иисуса, устами, а не сердцем, и плюнул на крест». Все то же самое произошло с братом Жаном Тайефером из Лангрского диоцеза: «В день своего приема по приказанию капеллана, принимавшего меня, я отрекся от Христа, только раз; я сделал это устами, а не сердцем. Далее от меня потребовали плюнуть на крест; я плюнул, только один раз и в сторону». Можно отметить, что в этом случае отречься требует священник.

Другие свидетели упоминают устав Ордена. «Брат принес крест и велел мне плюнуть на оный и попать его ногой, отрекшись от Иисуса трижды. Я был совершенно ошеломлен этим и отказался. Тогда брат сказал мне, что это надо сделать, таков устав ордена Храма» (Гуго де Бюр, из Лангрского диоцеза). «Брат Жан отдал мне приказ, прежде чем я надену плащ, трижды отречься от Иисуса. Я в этом уверен. Я трижды отрекся, сказав: я отрекаюсь от Иисуса, я отрекаюсь от Иисуса, я отрекаюсь от Иисуса. После этого прецептор велел принести крест и попросил меня плюнуть на оный; я плюнул в сторону, отказавшись плевать на крест. Он сказал мне, что таков устав, что он бы мне объяснил, но не имеет права ничего объяснять» (Жоффруа де Татан, из Турского диоцеза). «Брат Пьер де Брелль, прецептор Соммеро, отвел меня в другую комнату, где за семью запорами велел мне отречься от Бога. Ужаснувшись, я отказался. Он ответил, что так нужно, иначе мне будет плохо. Это меня испугало... Я отрекся от Бога, как он требовал от меня, устами, а не сердцем, и только раз» (Бодуэн де Сен-Жюст, из Амьенского диоцеза). «Брат Рауль повелел мне отречься от

Господа Нашего, распятого на крестном древе. Мне это претипло, как вы можете представить, но, опасаясь, что они меня убьют, потому что у них был большой обнаженный меч, я в конце концов отрекся от Христа, трижды сказав устами, а не сердцем: я отрекаюсь от Господа Нашего, потому что вам так угодно. Далее брат Рауль велел мне попать ногами серебряный крест, на котором был образ Распятого, и плюнуть на него. Его положили на землю. Я трижды прошел по нему, по ногам Распятого, уточняя, и плюнул в сторону, а не на крест» (Жак из Труа, из Труаского диоцеза). «Четверо или пятеро братьев-сержантов ордена заперли двери зала на засов или на узел и извлекли деревянный крест длиной в полторы ладони. На кресте не было никакого изображения Распятого. Они сказали нам, показав на крест: отрекитесь от Бога! Мы, придя в изумление и ужас, конечно, отказались. Так нужно, сказали они, обнажив мечи. Тогда, испугавшись, не имея при себе оружия, мы отреклись от Бога. Я сделал это устами, а не сердцем; двое других тоже, я полагаю. Плюньте на крест, велели нам далее сержанты. Когда мы отказались, они сказали, что помилуют нас при условии, что мы промолчим обо всем этом и не донесем на них» (Жеро де Косс, из Родезского диоцеза). Здесь примечательно то, что приказ об отречении отдают сержанты, а не рыцари или капеллан.

Мы располагаем несколькими сотнями свидетельств такого рода. Все обвиняемые, кроме человек пятнадцати, признали, что совершили этот ритуал, которому то ли подвергали новых тамплиеров, то ли обязывали их совершить его. Ритуал имеет некоторые вариации, но основное содержание его неизменно. На кресте в большинстве случаев изображен Распятый, но иногда для отречения использовался и пустой крест либо крест на плаще. Отречение всегда производилось от Иисуса, как бы последнего ни называли. Даже те, кто заявлял, что отрекается от Бога, подразумевали под этим бога Иисуса, который на кресте. И большинство свидетелей, которые, похоже, ничего не понимали в этом ритуале, заявляют, что отреклись «устаами, а не

сердцем». В некоторых случаях, вероятно, по отношению к новому тамплиеру угрожали применить силу, если он откажется произнести слова отречения.

Поразительно, что ни один свидетель, похоже, не понимал смысла того, чего от него хотели. Этой причудливой церемонии никогда не предшествовало ни предупреждение, ни объяснение: все свидетели заявляют, что были удивлены тем, что потребовали от них. Видимо, они этого не ожидали.

Итак, это нечто секретное, о чем никогда не говорят. И ритуал происходил в удаленной комнате или в углу церкви, иногда в месте, закрытом изнутри.

Некоторые принятые братья требовали объяснений, но не все, что все-таки может показаться странным. Тем, кто требовал объяснений, их никогда не давали. «Молчи, мы расскажем тебе о статутах ордена в другой раз!» — такой ответ услышал брат Рено из орлеанского Тампля. Но этого так и не было сделано. Мимоходом отметим, что это явное указание на то, что существовал некий тайный устав ордена. Любопытно, что такой отказ как будто входил в ритуал приема. После ничего об этом не говорили. Некоторые свидетели заявляют, что память об этом их смущала и они никогда не решались упоминать об этом в разговорах между собой. Однако как-то раз брат Боско де Мазюалье из Лиможского диоцеза потребовал объяснений у прецептора Буржа: «Брат Пьер ответил мне, чтобы я не проявлял излишнего любопытства, а то навлеку на себя гнев братьев и начальников ордена. Убирайся в суп, сказал он. *Тут дело в одном пророке, объяснять это тебе было бы слишком долго*». Это уже становится интересным. *Знают, внутри ордена были те, кто знал это.*

По здравой логике такими людьми должны быть сановники. Но в этом сюжете они проявляли примечательную сдержанность. Жак де Моле ничего не знал, предпочитая ссылаться на «коварство врага рода человеческого», который «довел тамплиеров, слепо за ним следовавших, до гибели». Жоффруа де Гонневиль отделался ссылкой на историю: мол, во время

приема ему объяснили, что таков обычай ордена, введенный «по обету одного дурного магистра ордена, который, попав в плен к султану, получил освобождение, лишь поклявшись, что обяжет братьев выполнять такой обычай». Сразу же вспоминается Жерар де Ридфор, которого называли «злым гением ордена Храма». Но будь это так, папа не преминул бы освободить великого магистра, а значит, и весь орден от этого обещания, сделанного под угрозой. Все это выглядит совершенно неправдоподобным, и Жоффруа де Гонневиль, похоже, просто направляет следователей по ложному пути. Гуго де Пейро, который, похоже, из четырех сановников знал больше всех, не дал никаких объяснений. Дальше всех зашел Жоффруа де Шарне, которому предстояло разделить судьбу Жака де Моле и взойти на костер: «Брат Амори велел мне *не верить в того, тей образ там написан, ибо это лжепророк, а не Бог*». Тут особо отметили слово «пророк», чтобы сделать вывод о влиянии ислама, которое совсем не очевидно, тем более что мусульмане признают Иисуса пророком. И Жоффруа де Шарне запросто добавил: «Я вполне понял, что способ, каким принимали меня самого, был безбожным кощунством, противным католической вере». По-видимому, это его не слишком обеспокоило. Но какво признание! Можно утверждать, не слишком рискуя ошибиться, что сановники прекрасно знали, с чем было связано это отречение от Иисуса. *Только ничего об этом не сказали.*

К большинству тамплиеров это не относится. Конечно, некоторые делали вид, что ничего об этом ритуале не знают, то есть соблюдали закон молчания. Но наивность отдельных свидетелей показательна: «тайну» знали только немногие сановники и немногие загадочные «избранные». Остальные довольствовались подчинением — впрочем, они дали обет повиноваться.

Но многих набожных и благонамеренных братьев этот ритуал все-таки должен был приводить в замешательство. И именно тут возникает нечто, вызывающее изрядное недоумение. Жан де л'Омон, сержант из Парижского диоцеза, только

что, дрожа, плюнул в сторону от креста. И прецептор, принявший его, сказал: «Кретин! Иди теперь исповедуйся!» Другой брат, Пьер де Моды, отказался отречься от Иисуса. Прецептор сказал ему, что таков устав. И добавил: «Так что не бойся, капеллан отпустит тебе грехи!»

На первый взгляд можно удивиться, что капелланов не тревожили откровения подобного рода. Но не забудем: *тамплиер мог исповедаться только у священников — зленов ордена*, он был связан клятвой. Значит, все это происходило некоторым образом за закрытыми дверями. Похоже, все было организовано так, чтобы обычаи, которые могли бы вызвать негодование у ортодоксального клира, не получали известность за пределами общины. Все капелланы, священники ордена, несомненно были полностью в курсе этого ритуала, мало совместимого с католической верой, а возможно, и многих других, неизвестных нам.

Если только речь не шла о пародии на исповедь, что было бы достаточно тяжким грехом с точки зрения ортодоксов. Все это можно связать с другим пунктом обвинения, правду сказать, очень слабо разработанным: в намеренном пропуске слов при произнесении формулы освящения во время мессы. Известно, что под конец в ордене было очень мало священников. Но четыре капеллана говорили об этом деле. Готье де Бюр и Этьен Дижонский, заслушанные папской комиссией, 21 декабря 1310 года показали, что их действительно просили при чтении мессы опускать слова «*hoc est corpus meum*», но уверяли, что никогда не учитывали эту просьбу. Двое других священников, Бертран де Вилье из Лиможского диоцеза и Жан де Бранль из Тампля в Со-сюр-Йонн, дали идентичные показания. Что касается всех допрошенных тамплиеров, они единодушно утверждали, что ничего не знали о подобном пропуске и, по их мнению, священник читал мессу как обычно.

Однако четыре этих случая показательны. После того как от братьев требовали отречься от распятого на кресте, потому что это лжепророк, а не Бог, непонятно, с чего бы священнику-

тамплиеру по-прежнему произносить ритуальные слова («сие есть Тело Мое»), благодаря которым, согласно догмату о пресуществлении, в облике хлеба телесно воплощается Иисус. Подобное изъятие было бы даже логичным. Но где в этом деле логика?

В самом деле, тамплиеры называли себя христианами, умирали по-христиански, желали слушать мессу, исповедались, причащались, получали соборование. И однако эти же люди сознательно — пусть даже устами, а не сердцем — совершили ритуальное отречение от Иисуса. Это невероятно и необъяснимо... Была выдвинута гипотеза о катарском влиянии. Сформулировать ее действительно можно, тем более что процесс тамплиеров происходил всего через шестьдесят три года после креста Монсегюра. Известно также, что во время крестового похода против катаров тамплиеры вели себя скорей сдержанно и что некоторые из них помогали «добрым людям». Можно не говорить об общем сговоре между тамплиерами и катарами, но надо признать, что некоторые случаи снисходительного отношения и даже союзов были. В частности, в Разесе собственники, подозревавшиеся в катаризме, доверяли свое имущество тамплиерам из страха, что его захватят королевские агенты. Возможно также, что во время избиения катаров некоторое число «патаренов», как их иронически называли, вступило в орден Храма, чтобы найти убежище. О том, что в этом аспекте орден имел характер «иностранного легиона», особенно в конце XIII века, нельзя забывать. И эти катары, став тамплиерами, в самом деле могли изменить доктрину ордена Храма. Но этот орден едва ли имел доктрину, по крайней мере официально.

Этих чисто исторических замечаний недостаточно, чтобы сделать вывод о присоединении. Такую гипотезу надо рассматривать лишь в другом плане. Прежде всего — пропуск слов в формуле освящения. Согласно признаниям, полученным инквизицией, эти слова пропускали и некоторые католические священники, тайно поддерживавшие верования катаров; несомненно, таких священников было немного. Что касается

тамплиерских священников, непохоже, чтобы они выполняли просьбы о пропуске слов молитвы.

Отречение также напоминает о том, что катары не признавали символ креста как орудия казни Бога. Но нигде ни словом не упоминается, чтобы катары отрекались от Иисуса или плевали на крест. Они вовсе даже не отрекались от Христа — они почитали в нем Небесное существо и отнюдь не отрицали его воплощения, то есть того, что он снизошел на землю во плоти: напротив, он указал путь к восхождению в Царство Света. Тогда как тамплиеры, если мы правильно поняли, отрекались в Иисусе от Бога, а не от человека, человека же этого они отвергали. Так что аналогия далеко не доказательна.

К тому же в ордене Храма не было никакого инициационного процесса, по крайней мере для того, чтобы стать *экзотеригеским* членом ордена. Если инициация была — что очень вероятно, — она касалась лишь отдельных его членов и происходила только после приема в орден. И главное, в ордене Храма не было никакого особого обучения, тогда как у катаров, как у всех еретиков, практиковалось обучение доктрине, порой в широких масштабах.

Наконец, катары следовали жизненным правилам, совершенно непохожим на тамплиерские. Во-первых, катары отказывались воевать и проливать кровь, тогда как тамплиеры были монахами-воинами: это противоречие выглядит непримиримым. Во-вторых, катары жили в нужде. О тамплиерах этого совсем нельзя сказать: если они и давали обет личной бедности, то не нуждались ни в чем, а богатств у них было даже с избытком. В-третьих, катары по возможности воздерживались от участия в церемониях христианской церкви: если они и делали это, то лишь в целях маскировки. Позиция тамплиеров была совершенно противоположной: они, даже в тюрьмах, во что бы то ни стало домогались присутствия на мессах и участия в таинствах. А ведь известно, что катары ни в каких таинствах участвовать не желали, признавая только одно — знаменитый *Consolamentum*. В-четвертых, принципиально отличалось

отношение тех и других к смерти. Катары не отрекались от своей веры даже под угрозой костра. Если сколько-то катаров «раскаялось», вернувшись в лоно Церкви, надо признать, что большинство из них предпочло умереть, чем отречься от веры. А вот тамплиеры, всю разоблачая «дурные обычаи», просочившиеся в орден, фактически старались только спасти свою шкуру: почти никто из них, начиная с сановников, не пожелал рискнуть жизнью, чтобы опровергнуть «вздор», о котором говорил Жак де Моле.

К тому же инквизиторы в начале XIV века были прекрасно осведомлены о доктрине и обычаях катаров — это были самые привычные объекты их процессов. Если бы они нашли какое-либо сходство между новой ересью, которую теперь открыли, и давно знакомой, они бы не преминули упомянуть об этом. То же можно сказать и о подручных Филиппа Красивого: они бы с радостью включили в обвинения грозные факты, позволяющие уличить тамплиеров в этой мерзкой ереси. Нет, говорить о катарском влиянии на орден Храма невозможно. Эти два воззрения на мир и на религию принципиально различны.

Была выдвинута и другая гипотеза — о мусульманском влиянии. Она также наталкивается на многочисленные возражения. В чисто материальном плане и с учетом основания и структуры ордена, очевидно, можно провести какие-то параллели между ним и мусульманским *рибатом*. *Рибат* представлял собой военный и религиозный центр, размещенный на границах мусульманского мира. Служба, военная и мирская, представляла собой акт аскезы и рассматривалась как один из аспектов обязательного *джихада*, священной войны ислама. Особенно много *рибатов* было в Испании. Но такая аналогия чисто формальна.

Есть также аналогии между орденом Храма и знаменитой сектой *гашишинов*, или «ассасинов», о существовании которой книга Марко Поло сообщит лишь тогда, когда эта секта исчезнет. Как раз в то время, когда был основан орден Храма, некий Хасан поселился на Кавказе и основал религиозную секту

шиитской направленности. Потом одна ветвь этой секты обосновалась в сирийских горах. Этой мистической общиной руководил глава, пользовавшийся большим авторитетом, — «Старец Горы», а самые безупречные и самые надежные ее члены, *фидаи*, назывались гашишинами, потому что для выполнения некоторых операций накачивали себя гашишем. Другое объяснение происхождения этого слова производит его от арабского *ассас*, что значит «страж». Сторонники Старца Горы действительно претендовали на звание «стражей Святой Земли», как и тамплиеры. Как бы то ни было, слово «ассасин» перешло в разговорный язык в том смысле, какой оно имеет сегодня [убийца], потому что террористическое убийство было излюбленным методом Старца и его приверженцев. Во всяком случае, установлено, что тамплиеры неоднократно вступали в контакт с сектой Старца и иногда даже заключали с ней временные союзы. На Святой Земле не всегда сражались: бывали и периоды перемирия, когда происходил обмен не только материальными ценностями, но и идеями. И потом, христиане, пытаясь воспользоваться расколом в мусульманском мире, заключали союз с одной группировкой против другой. Это не значит, что происходило заражение. Кстати, целью ассасинов было, видимо, создание обширного исмаилитского государства в Иране и расширение его на весь Ближний Восток. В 1265 году крепости ассасинов сожгли монголы, убив последнего Старца Горы.

Утверждали, что ассасины имели тайное мистическое учение и что у них в логове была очень богатая библиотека. Но поскольку ее целиком сожгли, легко выдвигать какие угодно предположения. Известно только, что секта Старца была связана с исмаилитским движением, которое, в свою очередь, вышло из шиизма и, представляя собой некое смешение неоплатонизма и мессианства, отвергало буквальное толкование Корана в пользу символического. Тут могла бы возникнуть аналогия: коль скоро тамплиеры отрекались от Иисуса, продолжая называть себя христианами в полной мере, они именно что отказывались воспринимать Евангелие буквально, видя

в нем символический текст. Сказать, было ли непосредственное влияние ассасинов на тамплиеров, невозможно. Впрочем, если у исмаилитов были обучение, обсуждение текстов и довольно долгая инициация, у тамплиеров мы ничего подобного не обнаружим, во всяком случае в официальном, *экзотеригеском* ордене Храма. И, как бы их ни толковать, отречение от Иисуса и плевков на крест как будто не очень соотносятся с мусульманским умонастроением. Правда, мусульманский мир сам был расколот на многочисленные духовные группировки, у каждой из которых были собственное толкование текстов и собственная мистика. Мы не отвергаем абсолютно идею о влиянии мусульманского эзотеризма на тамплиеров, но надо признать, что об этом нам известно не слишком много.

Исходя из того, что боевой клич тамплиеров звучал как «Да здравствует Бог Святая Любовь!», некоторые предположили, что те могли поддерживать связи с христианским Востоком, где наряду с официальным христианством существовало множество сект, в том числе и явно гностической природы. Это гипотеза, которая выглядит наиболее правдоподобной. В то самое время, скорее на Кипре, чем на Святой Земле, гностические идеи если не завоевали орден Храма, то по меньшей мере повлияли на него: восприятие Иисуса как человека, а не как Бога характерно именно для гностиков. Кипр тогда был тиглем, где смешивались все восточные учения, а значит, и все легенды, в том числе легенда о знаменитом «пресвитере Иоанне», преемнике Соломона и образцовом священнике-царе. Разве тамплиеры при их двойственной природе, при их принадлежности к двум классам, священников и воинов (из которых происходит король), не преследовали отдаленную цель создания всемирной империи, во главе которой стоял бы священник-король, знаменитый «Великий монарх», каким бы хотел стать и Филипп Красивый в своих мечтаниях, подпитываемых идеями Раймунда Луллия?

В этой сфере мы обречены лишь строить догадки. Можно предположить, что во время длительного пребывания на Кипре

тамплиеры вошли в контакт с многочисленными более или менее тайными «братствами», причастными одновременно к восточному христианству и гностической традиции. Но сделать из этого какие-либо выводы невозможно. К тому же не забудем, что внутри ордена Храма, похоже, не было собственной доктрины. Аномалии, которые можно отметить, — не более чем обряды, даже непонятные для большинства. Если не возвращаться к идее о *двойственности* ордена, то есть о существовании параллельной иерархии, едва ли можно говорить о каком-то тамплиерском *эзотеризме*.

Но все-таки отречение остается загадочным. Даже если оно было понятным не для всех братьев ордена, *только оно бесспорно давало настоящее право на вступление в орден Храма*. Сановники на допросах отнюдь его не отрицали. *Но они ничего не сказали на эту тему и умерли некоторым образом за то, чтобы сохранить эту тайну*. Так не была ли эта тайна скандальной?

Эта проблема очевидно была связана с личностью Иисуса Христа. И была крайне сложной, потому что при неосторожной постановке этой проблемы или такой форме ее выявления, которая могла бы внести сумятицу в умы, могли бы поколебаться все основы Римско-католической церкви, как ее официальные и *эзотерические* догматы, так и ее структуры. А ведь Римская церковь, как и все, кто опирался на нее, то есть короли и, в частности, французские, в начале XIV века не были готовы рисковать потрясением этих структур. На карте стояли слишком существенные материальные интересы. Римская церковь, при помощи королевской власти Капетингов, раздавила, уничтожила катаризм именно потому, что сама доктрина катаров, как и образ их жизни, потрясли основы католической иерархии и всех материальных интересов, связанных с ней. Поэтому было немислимо, чтобы сановники ордена Храма, входившие в состав католической иерархии, могли бы способствовать разрушению этой иерархии, дававшей им власть и богатство. Тамплиеры никогда не противопоставляли себя

Церкви и всегда утверждали, что они — самая верная ее опора. И это, вероятно, так и было. Этим объясняется двусмысленное положение ордена Храма. Этим объясняется закон молчания. Этим объясняется полное отсутствие доктринальной информации о личности Иисуса Христа — камня преткновения для всей системы. Оставался лишь ритуал, ставший непонятным, но руководители, вероятно, считали нужным его сохранять.

Известно, что коптское искусство не признает никаких изображений Христа на кресте. Это переводит в конкретную форму теологическую идею, которую мы находим у многих сект, не поддающихся классификации, но с преобладающим влиянием гностицизма. Известно также, что ранние христиане почитали только сияющий и блистательный крест — символ вечного совершенства, а не орудие казни некоего Иисуса, «царя иудейского», приговоренного римлянами к смерти за мятеж против установленного порядка. Спрашивается: почему *на Великую пятницу во всех католических церквях распятие завешивают покрывалом?*

Конечно, этот ритуал, смысла которого уже не понимает никто либо которому дают ложное толкование (знак траура), *это-то означает.*

Не значит ли это, что почитают не орудие казни, а символический крест и что, следовательно, в день поминовения этого события чисто исторический элемент надо скрывать?

Это объясняло бы, почему простые воины-тамплиеры воспринимали церемонию отречения и плевка на крест просто как позорное кощунство, что эта масса монахов-солдат, правду сказать, более солдат, нежели монахов, и неизбежно более воинов, нежели теологов, смешивала отказ от материального изображения Христа с простым отказом от креста. Вспомним слова одного из обвиняемых, Жерара дю Пассажа, который 28 апреля 1310 года заявил перед папской комиссией: *«Это не более чем кусок дерева. Наш Господь на Небе».*

Следовательно, если мы хотим выйти из тупика, а именно из формального противоречия между явно выраженным

желанием тамплиеров считать себя христианами и их ритуалом отречения от Иисуса, возможно лишь одно решение: они (по крайней мере, те, кто входил в состав тамплиерской элиты) верили не в материальное существование некоего Иисуса, «царя иудейского», распятого в качестве вождя антиримской организации, а в *постоянно* существующего Христа, то есть «мессию», «помазанника», вселенского и вневременного, символического «Сына Божия», по образцу которого все люди должны стать *сынами Божьими*.

Понятно, что распространять эту идею среди широких масс верующих было неуместно. Они, возможно, были неспособны понять этого изощренного онтологического суждения, потому что находились в плену материалистических рассказов, возникших в результате буквального понимания Евангелия, дух которого был давно утрачен. Вот почему тамплиеров, *которые знали*, жестоко убили. Вот почему Филипп Красивый, желавший, чтобы эта тайна осталась известна лишь ему одному, так лютовал против ордена Храма. Вот почему папа, заботясь о сохранении структуры Церкви, *оставил* этот орден на произвол судьбы.

Нет смысла обращаться к различным изощренным теориям по поводу историчности Иисуса Христа. Иногда утверждают, что Иисус не был распят, а вместо него казнили безвестного обреченного. Мотив знакомый и очень широко распространенный: такое говорят о многих личностях, будь то Жанна д'Арк или Адольф Гитлер. Иногда утверждают, что Иисус не воскрес, а его ученики ловко похитили тело, чтобы подумали, будто он вышел из могилы сам. Иногда утверждают, что у Иисуса был брат-близнец и именно этого близнеца ученики видели после Пасхи, причем этому близнецу предварительно нанесли татуировки в виде стигматов Страстей, чтобы убедить Фому Неверующего. Все эти теории выявляют внутренние противоречия, которым в Евангелиях нет числа. Евангелия — это в лучшем случае неуклюжие компиляции. В худшем — это версии усеченные, искаженные и намеренно фальсифицированные с целью

оправдать господствующую римскую идеологию. Последний вариант более всего похож на истину. Для объективного наблюдателя Евангелия, если учесть отличия текста, приписываемого Иоанну, от тех, которые неправильно называют синоптическими, — сплошь сказки, противоречащие одна другой. В Евангелиях не больше Истины, чем в любом мифологическом тексте, будь то ирландский, греческий или патагонский. Но, что обычно забывают сказать, *в той же мере там есть Истины*. Наша задача — их выявить.

Проблема не в том, чтобы доказать, существовал Иисус или нет, либо это несколько персонажей, впоследствии объединенных. Проблема в том, чтобы суметь дать определение Христа. Для большей части католиков слово «Христос» неразрывно связано с понятием креста. Все они удивляются, когда им говорят, что между словами «Христос» и *срux* [крест (*лат.*)] нет никакой связи: для них «Христос» означает «распятый на кресте». В этом, кстати, виновна Римская церковь: она насаждает в умах верующих ложные принципы и широко пользуется ими, «оболванивая» людей целыми днями при посредстве дурацких «наставлений в вере» и настолько банальных проповедей, что их никто не слушает. Реакция крестьян прошлого, покидавших церковь во время проповеди, чтобы пойти в соседнее «бистро», была спасительной, избавлявшей их от отупения, до которого доводило людей множество священников, хоть и облеченных бесподобной миссией. Измена клириков — не том, что обычно понимают под этим словом: они сочли, что простые смертные могут довольствоваться сказками, тогда как тем были бы нужны истины. Подобное обвинение не беспочвенно и лишь ярче показывает, что произошло в период дела тамплиеров. Внутри ордена Храма простых рыцарей, оруженосцев и сержантов уже считали за рабов, которых клятва, конечно, обязывает обеспечивать материальную жизнь ордена и его внешние операции. За ними стоял другой орден Храма, менее заметный, более скрытый, но притом не желающий распространять те метафизические истины, которые знал. Это достаточно

заметно по тому, как мало интереса сановники проявляли к своим братьям, которых подвергали пыткам и которым грозили костром. Если бы они последовали учению о братстве и свете, которое хранили, они бы не повели себя так. Но они не желали говорить. Они не хотели сказать, почему Иисуса нельзя путать с Христом.

На Западе в наши дни в кругах спиритуалистов или тех, кого так называют, есть обыкновение делить Христа на «исторического», «космического» и «мистического Христа». Но Христос сам по себе един и неделим. В качестве конкретного проявления в данный исторический момент он мог являться в образе человека, будь то Иисус или кто-то другой. Это *Идеальный человек*, абсолютный, но символический образец, каким должно стать всякое человеческое существо. Он видим и достигаем для всех. Но Слово, носителем которого он себя заявляет и которое распространяет вокруг себя, выходит за пределы предназначения человека и восходит к божеству, то есть на высший план, который можно считать таковым в любое время и во всем мире. Вот космический Христос. В таком случае главное — войти в него, признать его как Существо (по онтологическому определению), сознательно уподобиться этому Существо, и тогда возникнет мистический Христос. Это не более и не менее как лозунг, который Римская церковь непрерывно повторяет, не желая, однако, ни объяснять его, ни воплощать на практике: *Живите во Христе*.

Верующие же, напротив, заключены в оболочку конкретных, то есть видимых, реальностей. Они обожествляют Иисуса Христа — человека, даже если приходится проливать слезы над его бедами и подражать ему, принимая абсурдные лишения или страдания, и замыкаются в этой человеческой природе. Проповедники поощряют такие настроения. Они заявляют, что Христос пришел на землю, чтобы спасти людей. Не будем наивными. Если бы Христос спас мир *механистическим* способом (это термин взят из рационалистской философии XIX века), как считает большинство верующих Римской церкви, и если

бы эти самые верующие были по-настоящему спасены, они бы не жили так, как живут, то есть, если присмотреться, в абсолютном противоречии с духом учения Христа. Верующим Римской церкви было бы недостаточно до бесконечности повторять слова о *жертве на кресте*, то есть о позорной смертной казни. Тем же верующим было бы недостаточно томиться, *отказывая* себе в чем-то, и практиковать умерщвление плоти, вызывающее сомнительные мазохистские ассоциации и содержащее столько элементов деградации, вредных для подъема Духа. Еще ничего не сделано: человек еще не спасен, а Христос — образец спасения, какое должен совершить каждый. Но этот самый Христос — не Иисус, умерший на кресте, это Христос, никогда не рождавшийся и никогда не умиравший, потому что он может родиться только через посредство Духа. Веру первых христиан извратили сознательно, чтобы вернее подчинить их¹. Вместо того чтобы показать им путь к спасению, им показали древо креста и постарались поставить их на колени перед бесформенными обломками, происхождение которых явно более чем сомнительно. Кто поклоняется идолу: тамплиеры перед своим так называемым Бафометом или верующие Римской церкви, почитающие невесть откуда взявшийся кусок дерева?

Основатели ордена Храма и их преемники, имевшие доступ к некоему тайному уставу, должно быть, сознавали все это. Для них Христос был вне времени, а Гроб Христов — повсюду и нигде. Потому и появился ритуал отречения от Иисуса — как распятого человека — и плевок на крест. К сожалению, те, кто это знал, не считали нужным объяснять это остальным, несомненно, чтобы вернее их подчинить, начиная со своих же братьев — тамплиеров. Параллельная иерархия ордена Храма, абсолютного доказательства существования которой у нас нет,

¹ См. Ellul J. La subversion du Christianisme. Paris, Seuil, 1984. Эта книга, написанная кальвинистским богословом, показывает, какие механизмы были использованы для полного искажения вестей Христовой.

но наличие которой за видимым фасадом представляется бесспорным, имела свою миссию. Но она пренебрегла этой миссией, погнавшись за материальными выгодами. Она предала одновременно и братьев ордена Храма, и весь христианский народ. Она предала идеи Бернара Клервоского. В конечном счете ее постигла участь, какой она заслуживала, но она увлекла за собой на костры инквизиции и невинных.

Глава IV

ТАМПЛИЕРСКАЯ СИМВОЛИКА

Всякое инициационное общество, то есть основанное на определенных знаниях, которые его членам сообщают по элитарному или иерархическому принципу, использует особые знаки, будь то опознавательные знаки или разные символы, воплощающие некоторые важные положения доктрины или в закодированном виде уточняющие необходимые пути.

В отношении ордена Храма сразу же возникает вопрос: был ли он инициационным обществом? По внешней видимости — нет, поскольку ничто в его организации, не считая знаменитой секретности проведения капитулов и обязательной исповеди только у капелланов ордена, как будто не основано на предварительном обучении, испытаниях и степенях осведомленности. Это разоблачения, сделанные в ходе процесса, наводят на мысль о том, что было нечто вроде параллельной иерархии, владеющей секретами, которые скрыты от остальных членов ордена. Допустим, что эта иерархия и, следовательно, инициационное знание существовали. В таком случае нам надо обнаружить закодированный язык ордена Храма, элементы специфической символики, которой пользовались исключительно те, кто понимал ее.

Очевидно, первое, что приходит на ум в этой сфере, — тамплиерская архитектура. Со времен Виолле-ле-Дюка и Проспера Мериме полагали, что в церквах ордена Храма, особенно в тех, которые имеют центральную ротонду многоугольной формы, можно найти следы герметической символики. На этот сюжет

написано без числа исследований, и автор каждого старался показать, что в той или иной церкви заключен некий смысл, скрытый от непосвященных, к которому, разумеется, поспешно давался ключ. В этой сфере надо проявлять крайнюю осторожность. Как показал Эли Ламбер¹, мало того, что большинство церквей, считавшихся тамплиерскими, были построены не тамплиерами и даже не для них, но к тому же часовни, крепости, дома, даже некоторые церкви, построенные ими или под их руководством, как правило, усваивали черты стиля соответствующей эпохи. Так, среди них можно найти как готические, так и романские храмы, и никаких выводов из этого делать не приходится. Все, что можно сказать, — что тамплиеры, похоже, благоволили к готическому искусству и содействовали его появлению. Но шедевры готики никакого отношения к тамплиерам не имеют, как, впрочем, и шедевры романского искусства.

В самом деле, церкви с центрическим планом, то есть круглым или многоугольным, представляют собой исключение среди религиозных строений ордена Храма и, кстати, не специфичны для этого ордена. Некоторые известные примеры — это очень тщательные постройки, расположенные в самых значительных командорствах. Единственное строение на Востоке, которое можно отнести к этому типу, — двенадцатигранная часовня могучей крепости Шато-Пелерен. Впрочем, с этим исключительным памятником пытались соотнести характерную тамплиерскую постройку в замке Жизор, ориентированную по двенадцати знакам Зодиака. Конечно, некоторую согласованность с Зодиаком в часовне Шато-Пелерен отрицать нельзя, но что это доказывает? Разве астрологию могли знать одни только тамплиеры? Ей пропитано все средневековье, и количество памятников, выстроенных с учетом зодиакальных зон или положения солнца в некоторые периоды года, неисчислимо. Ничего оригинального в этом нет

¹ Lambert E. L'architecture des Templiers // Bulletin Monumental, 1954. № 112. См. специальный номер журнала *Archeologia*, 1969. См. также: Pernoud R. *Les Templiers*. Paris, R.U.F., 1974. P. 34–46.

Во всяком случае, известно, что первоначальная церковь парижского Тампля имела форму ротонды с куполом, опирающимся на шесть колонн. Во Франции другой такой нет, но есть в Англии, в частности в Лондоне. Зато часовня тамплиеров в Лане, очень хорошо сохранившаяся, имеет в плане весьма характерную восьмиугольную форму. Итак, мы видим два типа архитектуры. Круглая в плане форма («ротонда»), вероятно, происходит от *анастазиса* в храме Гроба Господня в Иерусалиме. Ротонда, несомненно, наделена особым смыслом: это образ вселенной, а также с эзотерической точки зрения место, где сходятся все космические энергии, эквивалент черепной коробки, под которой происходят тонкие преобразования материи в дух. Но такой тип здания в ордене Храма получил очень ограниченное распространение; стало быть, нельзя утверждать, что это тамплиерский стиль, и даже, что этот стиль ввели тамплиеры.

То же относится к церквям многоугольной в плане формы, у которых более нет ничего общего с храмом Гроба Господня. Предположили, что их прообразом можно считать Храм Господень в Иерусалиме, знаменитый Купол над скалой, имеющий в плане восьмиугольную форму. Там символика тоже ясна: число восемь традиционно связано с представлением о воскресении, потому-то этот восьмиугольник так часто встречается в погребальных часовнях на кладбищах и вообще во всех святилищах, построенных в память святого или мученика. Тамплиеры по неизвестным нам причинам охотно усвоили этот тип архитектуры, но нельзя сказать, чтобы он был специфичен для этого ордена. Если сделать обзор церквей или часовен, построенных тамплиерами или под их руководством, можно отметить, что формы ротонды и восьмиугольника составляют лишь исключения, правда, весьма примечательные.

Так что же типично для построек ордена Храма? Очень простая прямоугольная форма. Если считать, что существует тамплиерский стиль, он отличается крайней простотой, даже строгостью, граничащей со скудостью. Это напоминает нам о том, что поначалу орден Храма испытывал влияние цистерцианцев,

а известно, что для последних характерно почти полное отсутствие украшений и декоративности в святылицах. Однако часовни ордена Храма можно разделить на две группы.

Первую группу составляют прямоугольные часовни с единственным нефом длиной пятнадцать-двадцать метров и шириной пять-семь метров, имеющим толстые стены и плоские контрфорсы по бокам. Проемы узкие, обычно сгруппированы по три. Апсида тоже плоская. Здание покрыто цилиндрическим стрельчатым сводом с двойными, обрамленными валиками арками, которые образуют внутри свода пролеты, чаще всего три пролета. Очевидно, что число три использовано намеренно, чтобы, несомненно, напоминать о вечности, а не символизировать Троицу, как слишком часто утверждают. Троичность некоторых мотивов, вероятно, имела отдаленное кельтское происхождение и соответствовала западноевропейской традиции, которая надолго сохранилась в памяти строителей и художников.

Тип часовни с плоской апсидой имел довольно ограниченную распространенность: он встречается в основном в Центральной Франции и на Юго-Западе. Это единственный тип, представленный в Жиронде и в департаменте Ло-и-Гаронна, но он распространился также в Приморской Шаранте, Пуату, Берри и на севере Бургундии.

Вторая группа включает прямоугольные часовни с выпуклой апсидой. Это, похоже, самый обычный тип постройки: его можно встретить почти по всей Франции, от Комменжа до Бретани и от Наварры до Бургундии. Общая структура этих часовен абсолютно идентична структуре часовен с плоской апсидой. Это не более чем вариация, и, не имея необходимости объяснять форму апсиды иначе как местной модой, можно сказать, что апсида со сферической крышей очень часто занимала часть наличной территории.

Но как у часовен с плоской апсидой, так и с выпуклой апсидой скульптурный декор был скудным. Если мы хотим увидеть здесь символику, надо рассмотреть прежде всего детали постройки, не впадая, однако, в бредовые истолкования. Все эти

молельни ориентированы точно с востока на запад, то есть не на Иерусалим, который находится скорей на юго-востоке. Мы здесь имеем дело со специфически западноевропейской планировкой кельтского происхождения: восток находится спереди и символизирует рождение, начало, первостепенное божество. Справа — юг, то есть свет, божественная сила в действии, жизнь. Сзади — запад: смерть, Иной Мир. Слева — север, это негативная сторона, традиционно соотносившаяся со злыми силами. Ни одно отверстие никогда не выходит на север. Несомненно, прежде всего по соображениям материального характера: защиты от холода или пристройки к святилищу остальных традиционных строений. Но символический смысл важнее пользы: даже если у часовни никаких пристроек нет, все равно северная стена глухая. Очевидно, это не чисто тамплиерский обычай, следование ему можно отметить и во многих других святилищах.

На востоке всегда три проема независимо от того, плоская апсида или выпуклая. Центральный проем начинается ниже и поднимается выше, чем оба других. Сделано ли это ради гармоничности? На западе — всего одно отверстие, строго под верхним рядом кладки. С юга неф освещают одно-два окна. Похоже, этой схеме следовали в большинстве так называемых тамплиерских часовен. Что касается внешнего облика, он очень прост. Входной портал, очевидно, расположенный на западе, образуют одна или несколько круглых арок, чаще всего увенчанных архивольтом и опирающихся на абаку, которую поддерживают тонкие колонны с базами, отделанными лепкой. Архивольт иногда декорирован плетенками или «веревкой» с головками гвоздей, имеющими бриллиантовую огранку. В некоторых случаях капители украшены орнаментом из листьев и крюков. Но среди них часто встречаются и выглядят характерными два мотива: скульптуры, изображающие Благовещение, и знаменитый сюжет с двумя птицами, пьющими с двух сторон из одной чаши. Последний сюжет, похоже, имеет тамплиерское происхождение и напоминает о печати, изображающей

двух всадников на одной лошади. В нем мы можем увидеть группу из трех предметов и традиционную алхимическую символику. Остается узнать, какой смысл придавали ему художники, работавшие на тамплиеров. Кто-то увидел в этом, конечно, изображение Грааля. Но это не очень убедительно: при виде любого сосуда или чаши на памятнике, которые нуждаются в комментариях, их непременно объявляют Граалем, не слишком точно зная, что собой представляет этот знаменитый «святой» Грааль.

Отдельные часовни содержат живописные изображения, несколько образцов которых сохранилось. Самые известные — картины из часовни в Крессаке (Шаранта), изображающие всадников в доспехах, которые сражаются с сарацинами. Но эти всадники не тамплиеры, а обычные крестоносцы. Однако в глубине можно заметить трех рыцарей Храма, покидающих город. Эти фрески, несомненно, своим существованием обязаны богатому донатору, позаботившемуся увековечить свою щедрость. Зато фрески церкви Сан-Бевиньяте в Перудже, в Италии, похоже, созданы самими тамплиерами. Но нельзя сказать, чтобы эти изображения, как и многие фрагменты, найденные в других местах, были характерны именно для тамплиерского искусства. Лишь частота определенных мотивов позволяет увидеть здесь влияние ордена Храма.

Сюжеты Благовещения и двух птиц уже упоминались. Но к последнему надо бы добавить сюжет двух змей. Находят и многочисленные изображения солнца и луны, в чем нет ничего оригинального. Мотив шнура очевидно напоминает о ритуальном жесте, изобличенном обвинителями ордена Храма: шнур повязывали на шею так называемого идола и потом передавали новому брату. В изобилии заметны также розочки или скорее цветы шиповника и лилии, которые, похоже, были очень популярны. Но в целом в часовнях, которые можно считать орденскими, нет ничего по-настоящему примечательного, позволяющего сделать вывод о существовании особой символики. Как и в архитектуре, тамплиеры для передачи отдельных закодированных посланий использовали те же методы и те же

символические фигуры, что и другие монашеские ордены и различные инициационные общества той эпохи.

Много комментировали знаменитые изображения на стенах в башне Кудре замка Шинон, как и другие, обнаруженные в одной из башен крепостной стены Домма (Дордонь). Эти настенные рисунки, никогда не претендовавшие на принадлежность к произведениям искусства, — свидетельства интересные, потому что их вырезали настоящие тамплиеры, ставшие узниками. В Шиноне этим занимались сам Жак де Моле и высшие сановники ордена, а также некоторые послушники. Значит, есть над чем подумать.

Эти изображения находятся в бойницах башни Кудре, и среди них выделяют надписи, гербы и различные мотивы, на самом деле имеющие символическое значение, даже если его расшифровка может вызывать споры. Главные мотивы — это кресты на круге с точкой или без точки; Соломонова печать; нечто напоминающее буквы S, спирально закрученные, — вне всякого сомнения, то, что называют *sol invictus*, «непобедимое солнце», символ цикличного божественного света, который, по видимости, умирает и далее возникает из мрака; двойная фигура, похожая на восточный символ «инь-ян»; кисти рук; характерные три точки старинных братств строителей; три круга с точками в центре, но переплетенные; восьмиконечные звезды внутри квадратов или щитков, которые в геральдике называют «карбункулами»; знак в виде двух треугольников, соединенных одной вершиной; нечто вроде перевернутых полумесяцев и, главное, сердца с лучами и какими-то выпуклостями наверху, возможно, схематическими изображениями цветов или языков пламени. Особое внимание специалистов привлекли именно эти сердца.

На самом деле сердце с лучами — в католической религии эмблема Сердца Иисусова. Но во времена тамплиеров этот культ еще не был введен официально. Похоже, это символ центра Целостного существа, тепла и света как в западной традиции, так и в исламе, где он означает огонь разума и любви.

Можно задуматься, не служили ли эти лучистые сердца иллюстрацией к боевому кличу тамплиеров: «Да здравствует Бог Святая Любовь!»

Наверху одного из них изображено четыре овальных лепестка, которые вполне можно рассматривать как цветок. Может быть, это просто личный знак автора, выбитый на камне, как в некоторых соборах Центральной Европы. Но его можно интерпретировать и как изображение чего-то вроде Грааля, по крайней мере предмета, заключающего в себе все богатство мира, а из него поднимаются растения, символизирующие жизнь. В Бретани, в мегалитическом памятнике Гавринис (Морбиан), есть одно изображение такого рода — нечто вроде сердца, из которого выходят стебли. Но эта загадочная резьба датируется самое позднее серединой третьего тысячелетия до нашей эры. Правда, у символов нет возраста, и разные идеологии, сменяющие друг друга, то и дело используют их заново. Однако надо отметить, что для Гавриниса местная легенда утверждает, будто тамплиеры, поселившиеся недалеко оттуда, на Острове Монахов, иногда приезжали на остров Гавринис, и там у них был дом. Внутри этого могильного холма даже показывают три отверстия, полости которых соединены так, что можно просунуть руку. И рассказывают, что тамплиеры держали там узников, закрепив им руки в этих отверстиях.

Справа от этого ансамбля — кисть руки, очень хорошо изображенная на первом камне. Но начиная с руки в доисторических пещерах, наводящей чары, до благословляющей руки и «руки славы» в германской традиции этот знак изображали с самыми разными магическими и религиозными целями. Это может быть также призыв или условный знак, если это опять-таки не подпись автора. Этот вопрос никогда не получит ответа. Добавим, что рядом с этой рукой — двойной топор, неупотребительное, но символическое орудие, форму которого воспроизводит франциска¹.

¹ Боевой топор франков и галлов. — *Примеч. пер.*

Другие рисунки изображают кресты и орудия Страстей. Возможно, персонаж, который держит копьё, связан с сюжетом о Граале или по меньшей мере о процессии Грааля, когда Персеваль видит молодого человека, несущего копьё, с которого текут струи крови. Но, в конце концов, все может быть гораздо проще: разве не копьё сотника Лонгина, по Преданию, пронзило бок Христа? Тут мы оказываемся у истоков христианской версии легенды о поисках Святого Грааля. Главное — выяснить, могли ли тамплиеры, которые не были интеллектуалами и открыто презирали мирские забавы, слышать эту легенду о Граале, которая все-таки была очень мирской и фактически известной только аристократической публике.

Составить себе мнение об этих шинонских изображениях очень трудно. Их происхождение бесспорно, но для выяснения тайного кода в виде образов и знаков, какой могли бы использовать тамплиеры, они не дают никаких убедительных данных. По сути они содержат все мотивы, которые можно считать самыми ортодоксальными¹.

То же относится к изображениям, найденным в одной из башен крепостной стены Домма, где также довольно долго держали в заключении братьев ордена Храма. Они тщательно изучены², но сделать окончательные выводы мы едва ли можем. Однако некоторые замечания напрашиваются: никогда значение креста для рыцарей Храма не выказывалось столь очевидным образом. Изображался не пустой крест в окружении орудий Страстей, а распятие, в верхних углах которого находятся Солнце и Луна; это изображение было бы вполне классическим, если бы на месте Святой Девы не оказывался персонаж мужского пола, притом не святой Иоанн, как будто подставляющий сосуд, в который стекает капля крови из руки Распятого. Большого и не надо, чтобы узнать Иосифа Аримафейского, собирающего кровь Христа в Грааль согласно христианской

¹ Symbolique templière // Atlantis. Paris, 1963. № 216.

² Archeologia. Paris, 1970–1971. № 32, 33, 38.

версии этой легенды. Но это граффити далеко не отчетливо, и вдобавок, согласно тексту той же легенды, Иосиф Аримафейский собирал кровь не из руки Иисуса, а из бока, пронзенного сотником Лонгином. Все это выглядит не очень убедительным.

По крайней мере в одном случае Распятый изображен в окружении двух крестов, выцарапанных явственно и толкуемых как кресты, на которых распяли разбойников. Однако любопытно отметить, что крест позади Святой Девы — обычный, с точками на концах, тогда как крест позади святого Иоанна имеет над горизонтальной перекладиной еще две наклонных. Эти три креста, бесспорно, так же точно воспроизводят тамплиерский, который хорошо известен и очень часто встречается.

Впрочем, кресты, изображенные поодиночке, в Домме бывают разного типа. Прежде всего это латинский крест с точкой, установленный внизу на чем-то вроде холмика. Отмечены также греческие кресты с равновеликими ветвями, иногда «сопровождаемые» в углах точками либо латинскими крестами с точками на концах, нижняя часть которых как бы разделяется натрое. Эти кресты, как и сцены распятия, — классические изображения, почти не отличающиеся от тех, какие можно видеть повсюду, совершенно канонические, к которым порой добавляется какая-то деталь, которую авторы рисунков, наверно, вспомнили из прочитанного.

Что странно в изображениях Домма, так это то, что в них проявляется фундаментальное противоречие, присущее ордену Храма. С одной стороны, тамплиеры отрекались от распятого Иисуса и плевали на крест, с другой — в тюрьмах они постоянно изображали крест и сцены распятия. Есть даже надписи: «Сие есть пища моя, и я верую», где речь идет о евхаристии, и нечто вроде проклятия папе: «Климент, разрушитель Храма». Это напоминает изъявление верности, признание символа католической веры. Следует ли из этого сделать вывод, что тамплиеры, заключенные в Домме, не были посвящены в тайну?

Увы, эти изображения, сколь бы трогательны они ни были, почти не дают нам сведений о вероятной символике ордена

Храма. Всегда есть соблазн толковать какой-либо знак так или этак, тем более что символы могут приобретать разнообразные значения в зависимости от контекста. Здесь, как и во многих других сферах, тамплиерам приписали то, что им, должно быть, и в голову не приходило. Если люди Филиппа Красивого не нашли в резиденциях ордена Храма ни одного *бафомета*, потомство постаралось найти их немало. О «бафомете» в церкви Сен-Мерри в Париже мы уж не говорим. Известно, что эта скульптура появилась во время реставрации церкви, так подшутил один каменотес. Кстати, как можно назвать ее «бафометом»? Это изображение дьявола, какие часто встречаются в средневековых церквях и соборах. Но, похоже, уже не меньше века «бафометы» растут как грибы. Любая горгулья становится «бафометом». Любую гримасничающую статую безо всяких доказательств объявляют идолом тамплиеров. «Бафометов» искали даже на природе, в местах, где, конечно, были святилища, но намного более ранние. Нашли статуи со странными лицами и разинутыми ртами. Это бафометы — сказали нам. Однако следовало бы знать, что такое изображение божества с открытым ртом, называемое «кричащий бог» или «бог красноречия», восходит к галло-римским или даже к галльским, а то и к доисторическим временам. Если тамплиеры в самом деле отправляли причудливый культ не менее причудливого идола, напоминающего бородатую голову, образ его они взяли из народных легенд. И это не более чем символ. В память народа давно вошла отрубленная голова кельтского героя Брана Благословенного.

При всем том видно, что ни в пользу существования чисто тамплиерской символики, ни даже тамплиерского искусства аргументов не находится. Но это не значит, что тамплиеры не внесли своего вклада в развитие архитектуры, искусства и символики XII и XIII веков.

В самом деле, они поддерживали контакты с Востоком. Оттуда они привозили идеи, новые концепции, а иногда и людей. Если учесть, что среди тех, кому они покровительствовали и заказывали работу, было немало архитекторов, каменщиков

и скульпторов, много ремесленников и художников, не понятно, почему бы они не могли оказать влияния на обычаи христианского Запада. Тамплиеры использовали романское искусство, которое в первые времена существования их ордена было современным. Потом они обратились к так называемому готическому искусству, поскольку оно, несомненно, лучше соответствовало требованиям времени. Здесь, кстати, в связи с необыкновенным подъемом готического искусства можно сделать кое-какие замечания.

Не тамплиеры — вопреки тому, что говорили слишком часто и бездоказательно, — придумали готический собор. Это сделали другие. Но, и это неоспоримый факт, тамплиеры способствовали созданию и распространению готической модели, действуя через посредство строительных братств, связанных с ними. А ведь святилище готического типа представляет собой полный разрыв с романским образцом. Не столько архитектура сама по себе, потому что архитекторы готики в конечном счете не сделали ничего иного, кроме как с помощью новой технологии (крестового свода и аркбутанов) разрешили деликатную проблему устойчивости стен, сколько новая идеология, которой руководствовалась готика. Романское здание — это место, рассчитанное на то, чтобы человек медитировал, молился и сосредоточивался, замкнувшись в себе. Оно дает возможность *индивидуального* раскрытия, прямого контакта индивида с божеством в сумрачной обстановке. Словом, романское здание — это *внутреннее* святилище, таинственность которого дополнительно усиливается архитектурными элементами и пластическими изображениями, унаследованными от галльской древности, чисто символическими и по сути эзотерическими, будь то купол в виде ротонды, форма колонн, их расположение и странные фигуры на капителях. Напротив, в новом готическом искусстве акцент делался на свет, на полетность форм и на просторность. Это уже не индивидуальное святилище, а *коллективный храм* для собрания общины, которую благодаря свету лучше видно и, значит, легче контролировать. Никакой загадочности,

никакой тайны больше не было. И «трепетная вера» строителей соборов на самом деле вполне могла быть подчинена скрытому желанию легче господствовать над толпой верующих, объединив их в организованную группу, где каждый занимал бы свое место относительно других. Здесь индивидуальной сосредоточенности больше не было. А значит, больше не было необходимости во внутренней символике: эту ориентацию на внутреннее уничтожила просторная структура, влияние которой ощущаешь, но вместе с которой уже не трепещешь. Вы заметили, что символы и прочие эзотерические мотивы покинули интерьер готического собора, чтобы найти убежище снаружи, прежде всего на порталах? Эзотеризм христианского храма стал *внешним*. Он вызывает подозрения. Таким образом, он сделался профанным. Готический собор принадлежит к новому миру, вселенскому миру, более, чем когда-либо, подчиненным Богу, но где Его представителем на земле — а то и на амвоне — мог бы оказаться знаменитый Великий монарх, воплощением которого мечтал стать Филипп Красивый.

А ведь судя по тому, что мы можем знать об ордене Храма, он преследовал именно такую цель. Широко окутывая западный мир своей паутиной, он добивался не чего иного, как создания такого всемирного царства, превосходным олицетворением которого служит собрание верующих в готической церкви, готовое внимать слову, которое не потерпит возражений. Здесь *уединенности* нет. Медитация и молитва коллективны, как у цистерцианцев, достойными сынами которых были тамплиеры. И прежде всего, никакого сложного или таинственного декора: он мог бы искушать либо провоцировать на толкования, не сообразующиеся с официальной доктриной.

Этого-то и хватило бы, чтобы усомниться в существовании у тамплиеров особой символики. Она бы совершенно противоречила их миссии «объединять в ясности» или, по крайней мере, объединять, оставляя в неведении тех, кому знать было не положено. Если измена клириков имела место, то прежде всего ее искать следует у тамплиеров.

Глава V

ОРДЕН ХРАМА И ГРААЛЬ

Любая эпопея происходит во «время начала», как сказал Мирча Элиаде, на заре существования человечества. Но эпопея, как и миф, повествовательной опорой которому она служит, бесконечно воспроизводится заново, заимствуя идеи у той эпохи, когда сочли нужным вызвать ее из мрака памяти. Подлинная и достоверная история тамплиеров, та, которую знают открыто и которая почти не вызывает споров, явно сродни эпопее — с рыцарскими сражениями, благородным идеалом, который надо защищать, борьбой Добра и Зла, вмешательством незримых сил и страстным поиском таинственного Предмета, будь то сокровище, будь то тайна, спасенная от потопа; будь то магическая формула, которая, если ее применить надлежащим образом, позволила бы преобразить мир. Таким образом, тамплиеры не стали исключением из правила. Как сказочный король Артур, который был не королем, а простым вождем всадников, как Карл Великий, который не был седобородым, как Александр Македонский, которого весь период средневековья считали высшим посвященным, тамплиеры вышли за пределы стадии Истории, вступив в беспокойный цикл Мифа.

Это не основание, чтобы относиться к Мифу как к обычной выдумке. Миф — реальность намного более сильная, чем так называемое историческое событие, потому что он *имманентен* и может без конца материализоваться в самых разных формах. Это ментальная структура неизменная и неизменяемая, потому что входит в состав наследия Человечества. Когда же он

воплощается, он это делает по необходимости в тех формах, которые осязаемы и понятны для эпохи, в которой он является очередной раз. Никому бы теперь не пришло в голову отрицать, что именно благодаря Мифу, заново актуализированному в легенде «Илиада», один немецкий археолог сумел найти подлинные следы Трои. И однако, историки недавних времен насмехались над детскими глупостями, содержащимися в мифологических рассказах и бесчисленных легендах всего человечества. В этой сфере надо быть очень осторожным. Прежде всего нельзя забывать, что для Истории, которой нас учат, со всеми ее бесспорными данностями, движущими силами служит некоторое количество мифов, незаметных на первый взгляд, и что исторические персонажи очень часто, даже помимо своей воли, оказываются воплощениями мифов, которых уже не помнят, но которые продолжают действовать в подсознании людей.

Все знают о золотых яблоках из сада Гесперид. Знают, что эти яблоки Геракл захватил у дочерей Атланта, чей сад Гесперид, то есть явно западную часть мира, охраняли грозный дракон и прежде всего великан Антей. А ведь это место, а также имена Атланта и Антея позволяют увязать этот миф с преданием об Атлантиде, как его изложил Платон. То же относится к легенде о золотом руне, захваченном Ясоном при помощи волшебницы Медеи у странных народов, живущих на Кавказе, куда легенда поместила Прометея, закованного за то, что он похитил Небесный Огонь и передал его людям. Что здесь сокрыто?

Тамплиеры как своими хорошо известными подвигами, так и своими тайнами, которые далеко не раскрыты, породили настоящую легенду, которую веками распространяли как историки, так и фантазеры. Те и другие объединились в «мрачное и глубокое единство». При такой ситуации неудивительно, что орден Храма со времен своего расцвета стал действующим лицом мифологических легенд, хотя бы легенды о Граале. Конечно, выяснение, не попались ли тамплиеры на крючок метафизических рассказов, было бы напрасной потерей времени. Это было не в их стиле. За включение их ордена в сюжет одного из

самых загадочных преданий, известных человечеству, ответственность несут не они. Но тот факт, что они туда попали, при том еще во время существования ордена, должен бы заставить нас задуматься.

Правду сказать, тамплиеры появились, и скорее эпизодически, чем в качестве главных героев, только в одной из многочисленных версий легенды о Граале¹ — немецкой версии Вольфрама фон Эшенбаха, баварского писателя начала XIII века. Сразу напрашивается одно соображение: в подобном контексте следовало бы ожидать присутствия скорее тевтонских рыцарей, чем тамплиеров. Но это так. Для Вольфрама фон Эшенбаха тамплиеры — это рыцари, окружающие Короля-Рыбака, таинственного Анфортаса, и обязанные охранять сакральный предмет, «Святой» Грааль, в не менее таинственном замке, носящем название Монсальваж, то есть «Гора Спасения», если только — что вероятнее всего — не «Дикая Гора».

Лучший способ изучить эту проблему — обратиться к самому тексту. Имеется в виду эпизод, когда Парцифаль (Персеваль) гостит у отшельника Треврицента, который оказывается его дядей со стороны матери. Треврицент объясняет юному герою тайны Грааля²:

¹ Краткий обзор различных — порой противоречивых — версий легенды о Граале я сделал в одной главе книги: Markale J. *Montségur et l'énigme cathare*. Paris, Pygmalion, Gérard Watelet, 1986. P. 267–270. Все, что я сказал о катарах и их связи с легендой о Граале, может быть полезным и для сюжета о тамплиерах и Граале, по крайней мере в качестве информации. Что касается легенды о Граале в целом, то я сделал ее полное исследование, опираясь на все доступные источники и попытавшись показать специфичность каждой версии, связанную с особыми мотивами автора или с толкованием сюжета в определенном контексте. См.: Markale J. *Le Graal*. Paris, Retz, 1982.

² Поэма «Парцифаль» цитируется по переводу Л. Гинзбурга по изданию: БВЛ, серия первая, том 22. М.: Художественная литература, 1974, но, так как это перевод сокращенный, пропущенные места даются в подстрочном переводе с французского издания в квадратных скобках. Parzival / trad. Ernest Tonnelat. Paris, Aubier-Montaigne, 1934. Vol. II. — *Примеч. пер.*

Отшельник рек: Там все священной!
 Святого Мунсальвеша стены
 Храмовники иль тамплиеры —
 Рыцари Христовой веры —
 И ночью стерегут и днем:
 Святой Грааль хранится в нем!..

[Тамплиеры часто приезжают сюда издалека, в поисках приключений. Каким бы ни был для них исход схватки, несет ли он славу или унижение, они принимают его со спокойным сердцем, во искупление своих грехов. В этом замке живет отряд гордых воинов. Хочу сказать тебе, как их содержат: все, чем они питаются, исходит от одного драгоценного камня, который по сути своей — сама чистота.]

Грааль — это камень особой породы:
 Lapsit ex illis¹ — перевода
 На наш язык пока что нет...
 Он излучает волшебный свет,
 Пламя, в котором, раскинув крыла,
 Птица Феникс сгорает дотла,
 Чтобы из пепла воспрянуть снова,
 Ущерба не потерпев никакого,
 А только прекраснее становясь. <...>
 Грааль, он тем и знаменит,
 Что человечью жизнь хранит.
 Тот, кто на камень глянет,
 Пусть знает: хоть побьют, хоть ранят,
 Семь дней уж точно не умрет!
 Это известно наперед. <...>
 Исполнен к людям доброты,
 Грааль сохраняет их черты
 До самой старости молодыми...²

¹ Термин, искаженный Вольфрамом и давший повод ко множеству толкований. Объяснение, которое кажется лучшим: lapis ex coelis, то есть «камень [, упавший] с неба», что ассоциируется с преданием о Каабе в Мекке. Это единственная версия легенды, где Грааль — это камень. В других Грааль — чаще всего чаша, миска, поднос, кубок или, как в валлийской версии, блюдо с головой человека, плавающей в собственной крови.

² БВЛ. Т. 22. С. 470–471. — Parzival. P. 36–37.

Сразу следует заметить, что таинственный предмет, дающий пищу, силу и здоровье тамплиерам, обязанным его охранять, каким бы ни было его происхождение, некоторым образом сходен с «головой», в поклонении которой их обвиняли и которая, согласно некоторым свидетельствам, давала им процветание и хороший урожай. Не следует ли знаменитый Бафомет отождествить с Граалем? На первый взгляд — следует. Но не забудем, что в качестве реального предмета Бафомет не существовал. Это чистой воды символ, который, должно быть, фигурировал только в составе какого-то литургического вымысла, содержание которого мы утратили и которого большинство братьев-тамплиеров не понимало. Запугивание довершило дело, и они добросовестно описали голову, которая была им известна только по рассказу, конечно, очень отчетливому, обнаружение которого позволило бы разрешить эту загадку. Впрочем, это не столь важно. Факт налицо: имеется аналогия между «головой» тамплиеров и Граалем, описанным у Вольфрама, особенно если обратиться к валлийской версии легенды, где Грааль — голова, плавающая в крови и лежащая на блюде. Это уже более чем совпадение. Но это не значит, что за подобное сходство ответственность несут сами тамплиеры. Главное — выяснить, почему Вольфрам фон Эшенбах счел возможным провести столь ясную и четкую связь между тамплиерами, которые в его время еще пользовались превосходной репутацией и не обвинялись ни в каких преступлениях, и преданием о Граале, которое имеет кельтское происхождение, но было пересмотрено и исправлено немецким писателем с откровенно эзотерических позиций.

Во всяком случае, если верить Вольфраму, этот Грааль, а следовательно, и тамплиеры не могли вызывать подозрений в ереси. Перед нами, напротив, полнейшая ортодоксия:

[В этот день (Грааль) получает сверху то, что ему придает наивысшее достоинство.]

В ночь на пятницу страстную
Грааль, о коем повествую,

Из-под заоблачных высот
Белоснежного голубя на землю ждет.
По заведенному порядку
На камень дивную облатку
Небесный голубь сей кладет.
Так повторяется из года в год...
Облаткою Грааль насыщается,
И сила его не истощается,
Не могут исчерпаться никогда
Ни его питье, ни его еда,
Ни сокровища недр, ни сокровища вод,
Ни что на суше, в реке или в море живет.
Несметны у Грааля богатства...¹

[Рай не создал ничего более лакомого. Я говорю здесь о плодах, которые производит земля. Кроме того, камень порождает для своих стражей дичь всякого рода: животных, которые дышат воздухом и летают либо бегают, или же рыб, которые плавают в водах. Это пребенда, которую благодаря своим тайным достоинствам Грааль предоставляет рыцарскому братству².]

Перед нами здесь опять же всегдашнее противоречие, связанное с тамплиерами. Они, выражаясь символически, питаются святым причастием. Как это согласовать с непризнанием Иисуса-Бога, которое как будто доказывается актом отречения? Конечно, заметно, что тамплиеры пользуются репутацией любителей хорошо поесть и выпить, но это не решает проблему. По всей очевидности, для Вольфрама фон Эшенбаха это строго ортодоксальные рыцари, утверждающие свою веру в пресуществление и даже положившие ее в основу организации всей жизни. Они бы не представляли собой ничего без этого голубя, приносящего на камень облатку, причем на страстную пятницу, то есть в день распятия, которого они, впрочем, как будто не признают. Конечно, образ голубя, приносящего облатку, напоминает об очень известном предании — о склянке с

¹ БВЛ. Т. 22. С. 471.

² Parzival. P. 37.

миром для помазания, которую принес в Реймс таинственный голубь, символ Святого Духа. Есть ли здесь элементы ритуала, связанного с помазанием королей? В отношении поисков Грааля такое предположение выдвигали часто. Во многих аспектах поиск священного предмета через посредство целого ряда инициационных испытаний и возведение героя Грааля на престол — явные доказательства, что здесь имеется в виду церемониал, связанный с монаршей властью. Истоки его легко распознать в разных мифах и разных традициях. Можно указать на кельтский ритуал, известный нам по ирландским текстам: там речь идет о волшебном камне, Камне Тары, который кричит, когда на него садится тот, кому предназначено быть королем. Знаменитый камень Фал, настоящий фаллический камень, якобы привезенный в Шотландию и ставший Камнем из Ско-не, использовался при коронации суверенов Шотландии, прежде чем его включили в ритуал возведения на престол британских монархов.

Но по сути сам предмет, будь то камень, сосуд или голова, не столь важен. Что вызывает интерес, так это присутствие тамплиеров. Откуда они берутся? Конечно, их набор происходит совсем не так, как в ордене Храма. Устами отшельника Треври-цента Вольфрам рассказывает такую странную историю:

Но как же попасть в Граалево братство
И как о том, что ты *избран*, узнать?..
Надпись на камне сумей прочитать!
Она появляется время от времени
С указанием имени, рода, племени,
А также пола того лица,
Что призвано Граалю служить до конца. <...>
Чудесная надпись никем не стирается,
А по прочтенье, за словом слово,
Гаснет, чтоб появился снова
Дальнейший список в урочный час
И также, прочитанный, погас...¹

¹ БВЛ. Т. 22. С. 471.

[Все зрелые люди, которых можно видеть в этом замке, прибыли сюда детьми. Счастлива мать, породившая на свет дитя, коему однажды выпало предназначение служить Граалю! Бедные и богатые равно радуются, когда им дают знать, что им следует отправить своего ребенка в священный отряд. За избранными отправляются в разные страны; с тех пор и навсегда те защищены от грешных мыслей, от коих рождается стыд, и получают прекрасное вознаграждение на небе: когда их жизнь подходит к концу здесь, они обретают наверху высшее блаженство¹.]

Во всем этом есть что-то странное: речь идет, по словам Вольфрама, о стражах Грааля, то есть о тамплиерах. Но среди них не только фигурируют женщины, но в их число принимают мальчиков и девочек еще в детстве. Это как будто противоречит обычаю ордена Храма, несмотря на свидетельство брата Понсара де Жизи, прецептора дома Пейна, от 27 ноября 1309 года: «Item, магистры, назначавшие братьев и сестер ордена Храма, брали с означенных сестер обет целомудрия, бедности, и оные магистры обещали им верность и преданность, как своим сестрам... Item, когда означенные сестры вступали, оные магистры лишали их девственности, и прочих сестер, каковые находились в определенном возрасте и полагали, что вступили в орден, дабы спасти душу, магистры непременно силой подчиняли своим желанием; и у оных сестер появлялись дети; и означенные магистры делали их детей братьями ордена». Такое действительно бывало в некоторых монастырях Средних веков и Возрождения. На этот счет есть разнообразные и неопровержимые свидетельства, и достаточно прочесть Рабле, чтобы понять, что они не всегда были клеветой. Но показание Понсара де Жизи более чем подозрительно, потому что получено под пыткой. Однако, поскольку дыма без огня не бывает, можно задаться вопросом, в какой степени «признания» брата Понсара не соответствуют злоупотреблениям, отмеченным в некоторых орденских резиденциях.

¹ Parzival. P. 37–38.

Притом орден Храма никогда не был открыт для женщин. По этой причине тамплиеры даже имели репутацию гомосексуалистов. Однако *иногда орден допускал угастие женщин в своей деятельности*. Так, когда вдова, одинокая и бездетная, хотела посвятить себя ордену Храма, ее чаще всего принимали, но в качестве *доната*, то есть внешнего ассоциированного члена, не участвующего в жизни общины. В этой связи приводят пример одной знатной женщины из Руссильона по имени Азаис, которая принесла в дар ордену свой фьеф и пообещала служить тамплиерам, как это в то время делали многочисленные ремесленники, земледельцы или работники. В некоторых документах идет речь о «сестрах ордена», но если обратить внимание на контекст, становится понятно, что имеются в виду женщины, давшие монашеский обет епископу и ассоциированные с орденом Храма. Это все. Тут ничто не противоречит абсолютному запрету для братьев-тамплиеров иметь дело с женщинами. Тем не менее детали, приведенные Вольфрамом фон Эшенбахом, вызывают сильные подозрения, тем более что в «Парцифале» все повествование — интрига которого закручена вокруг *постыдной* раны, полученной королем Анфорта-сом, виновным в том, что полюбил недостойную его женщину, — погружено в причудливую атмосферу, где с мистикой за просто смешивается сексуальность.

Но здесь очень важен таинственный и во всяком случае магический способ набора новых стражей Грааля. Похоже, что эти тамплиеры были членами особо закрытого и очень тайного общества. Это была не каста, к которой бы принадлежали по рождению, и не коллегия, в которую бы выбирали путем кооптации, и даже не братство, куда, как у тамплиеров, принимали бы за заслуги, подтвержденные другими членами сообщества. Здесь выбор происходит магическим путем и несколько не зависит от стражей Грааля. Тамплиеры у Вольфрама «избраны» на основе неизвестных критериев и предназначены осуществлять столь же таинственные миссии. Итак, это в полной мере то, что называется *отборной воинской гостью*. Эту

идею, просвечивающую сквозь весь рассказ Вольфрама, в своей опере «Парсифаль» развил Вагнер; при таком положении дел неудивительно, что «Парсифаль» стал любимым произведением Адольфа Гитлера, которое планировали показать в день окончательной победы Третьего рейха. При подобных коннотациях образы тамплиеров у Вольфрама начинают выглядеть весьма зловеще, потому что неминуемо напоминают некоторые специальные подразделения, какие были в большой чести во времена нацизма. Нельзя не вспомнить и о тайных обществах вроде общества «Туле», предшествовавших подъему нацизма и ставших его идеологическим и мифологическим каркасом.

То есть проблему надо поставить четко. *Сознавал ли Вольфрам, что делает, когда изображал стражей Грааля, которыми были тамплиеры, бойцами отборной воинской части, грезвыггайно закрытой и грезвыггайно секретной?*

Этот вопрос важен потому, что может вывести на объяснение поведения исторических тамплиеров. Если ответ — «да», то Вольфрам знал, что орден Храма представляет собой тайное общество, преследующее очень конкретные цели владычества над миром. Но, прежде чем ответить, следует обратиться к другим строкам из произведения Вольфрама: «Когда началась борьба между Люцифером и Троицей, некоторые ангелы не пожелали принять в ней участие. Всех этих ангелов, благородных и добрых, Бог заставил спуститься на землю, чтобы хранить этот камень. И камень не перестал быть чистым. Не знаю, простил ли Бог этих ангелов или обрек их на погибель. Должно быть, Он вновь призвал их к себе, если Его справедливость не воспротивилась этому. С тех пор камень охраняют те, кого назначил сам Бог и к кому послал одного из этих ангелов»¹. Это откровенно катарский сюжет². Если мы правильно поняли, тамплиеры, избранные Богом для охраны Грааля, равнозначны ангелам. Вот некоторым образом элитаризм в чистом

¹ Parzival. P. 38.

² Markale J. Montségur et l'énigme cathare. Paris, Pygmalion, Gérard Watelet, 1986. P. 265–288.

виде, если не сказать — предвосхищение кальвинизма. Так решил Бог — эту формулировку можно рассматривать как ортодоксально-христианскую, но тут есть нюанс: Бог превращается в элитариста, избирающего лишь тех, кто кажется ему достаточно чистым, чтобы защищать чистоту камня. Из этой истории неизбежно следует идея сохранения расовой чистоты.

И это не все:
Служители Грааля — братья,
Отважны до невероятья.
Они со всех концов земли
Святой Грааль стеречь пришли,
Закрыв для посторонних входы...
Их снарядили все народы...¹

Итак, не только элитаризм, но и отстранение, чтобы не сказать — устранение всех, кто хотел бы участвовать в Празднике Грааля, но не предназначен для этого. А в другом, намного менее известном тексте Вольфрама, в поэме под названием «Титурель», излагающей историю предков Анфортаса, а следовательно, и Парцифалья, есть весьма интересные детали. Там появляются все те же тамплиеры и более, чем когда-либо, убежденные в своем превосходстве: «Весь отряд Грааля состоит из избранных, к которым в этом и в том мире судьба всегда благосклонна, которые всегда числятся среди тех, чья слава живет долго... Там, куда это семя было занесено от самой страны Грааля, ему было дано плодоносить и быть для тех, кто собирает эти плоды, бичом позора»². Кстати, идея Вольфрама подхвачена в очень длинной поэме некоего Альбрехта, автора «Нового Титуреля», где Монсальваж — уже не крепость, а «Храм Грааля», в котором проводятся странные церемонии и где богослужения совершают тамплиеры, в большей степени «братья», чем когда-либо, объединенные в нерушимую общину —

¹ БВЛ. Т. 22. С. 472.

² Markale J. Le Graal. Paris, Retz, 1982. P. 151–183.

хранительницу вести, единственный и неповторимый орден посвященных, который однажды должен овладеть миром и изгнать из него грех.

Несомненно похоже, что Вольфрам, как и его продолжатели, намеренно отождествлял стражей Грааля с тамплиерами. Но он не довольствуется изображением их как общины монахов-солдат: он из них делает закрытое тайное общество, с особыми ритуалами, с неизбежным посвящением и, *главное, с целью захватить власть над миром*. Смысл этого завоевания мира? Его можно найти в «Новом Титуреле»: искоренить грех. Цель благородна. Но не вредно как следует задуматься. Ведь отсюда недалеко до знаменитого «Убивайте их всех, Бог узнает своих!».

Итак, Вольфрам фон Эшенбах знал настоящую тайну тамплиеров? Все как будто указывает на это. Вольфрам был осведомлен о многом, он учитывал всю маргинальную традицию, начавшую выражать себя через посредство некоего «иллюминизма», центром которого стала как раз Бавария. В самом деле, Германия начала XIII века была тиглем, где смешивались внешне противоположные влияния, из которых предстояло вырасти духовности, далекой от ортодоксальности цистерцианской мистики. Поэзия миннезингеров стала прелюдией к литературе, миновавшей стадию куртуазности как таковой и достигшей стадии герметизма. На германском горизонте уже вырисовывался профиль Якоба Беме, и в форме внешне ортодоксальных сочинений набирало силу целое еретическое учение. Усиливалась тяга к таинственным обрядам, к «инициациям». Численность алхимиков непрерывно росла, а ведь эта особая наука, традиционная алхимия, — не только поиск способов для превращения свинца в золото: это личная аскеза, имеющая отношение как к духу, так и к материи и направленная на открытие великих тайн, управляющих миром. Знать эти великие тайны — значит владеть миром, одновременно господствуя над религией, властвуя над политикой и экономикой, эксклюзивно пользуясь Наукой. Разумеется, такие опыты, такая аскеза — удел только интеллектуальной и духовной элиты, и одно было

неотделимо от другого в эпоху, когда профанное еще совсем не выделилось из сакрального. Доступ простым смертным был на-прочь исключен. Этим объясняется привкус тайны, характер-ный для таких начинаний, и рождение того, что назвали эзоте-ризмом и что представляло собой желание передавать некую весть заведомо лишь в зашифрованной форме, предназначен-ной для тех, кто умел читать между строк. Этот эзотеризм про-сачивался повсюду, используя символы, принадлежавшие к прошлому, но приобретающие новое значение. Вольфрам фон Эшенбах развивался в среде всего этого интеллектуального брожения, все больше и больше отходившего от официально принятой модели. В таком-то окружении он намеренно и «при-цепил» тамплиеров к теме Грааля.

Известно, что в «Парцифале» тема Грааля очень удалена от кельтского прообраза, который был еще виден Кретьену де Труа и который мы обнаруживаем почти неизменным в вал-лийской версии, где Грааль — это отрубленная голова. У не-мецкого автора сюжет ушел в сторону и обогатился множест-вом элементов не только германских, но и позаимствованных с Востока, как из мусульманской, так и из индо-буддийской традиции¹. В равной мере можно сказать, что Вольфрам дает германо-иранскую версию этой легенды.

Тем не менее сам по себе Грааль в «Парцифале» занимает очень второстепенное место. Похоже, что тамплиеры, стражи Грааля, хранители тайной традиции, — самые значительные персонажи, во всяком случае, Вольфрам счел нужным обра-тить внимание на них. Похоже, что инициационный аспект Поиска также берет верх над мистическим аспектом. В самом деле, достичь Монсальважа и прежде всего попасть в него мож-но не благодаря долгой и опасной аскезе, а потому, что тебя *заранее* назначили для этого, о чем таинственным образом опо-вещают буквы, появляющиеся на Камне, который упал с Неба. Если ты — страж Грааля, ты не только монах, священник, но и

¹ Markale J. Le Graal. Paris, Retz, 1982. P. 151–183.

воин. Вольфрам хотел примирить духовного человека с материальным? Вне всякого сомнения, и это полностью в духе Бернара Клервоского, хоть и значительно выходит за рамки личной аскезы, которую проповедовал монах-цистерцианец. Устами Кундри, странной многоликой колдуньи, обличья которой противоречат одно другому, Вольфрам говорит Парцифалю: «Ты завоевал мир души и достиг радости тела в верном желании». Это намек на верность героя своей супруге Кондвигамур. Но какой ценой достигается эта гармонизация обоих коренных стремлений человеческого существа, чья голова — в небесах, но ноги — на земле? Как раз это и придает всему неоднозначность.

Ведь Парцифаль, Избранный в высшей степени, которого так долго и в страхе ждали, сумел найти дорогу в Монсальваж. На самом деле это Кундри пришла за ним и провела его запутанными тропами, потому что имя Парцифалья было написано на Камне. Парцифаль исцеляет своего дядю, короля Анфорта, от постыдной раны, просто спросив: «О дядя! Молви, что с тобой?!»¹ Парцифаль — это король-чудотворец. Его чудотворство возводит его на трон Грааля. Он устанавливает свою власть в Монсальваже. Он отправляет своего брата Фейрефица на Восток. Он царствует втайне и над идеальным королевством. Он — *священник-король*, обладающий двойной властью. Он производит синтез обеих функций, которые в Индии воплощали Митра и Варуна. Ему незачем делить власть со священником — или друидом, или брахманом, — потому что он сам священник. Но в самом ли деле он служит Богу? Скорее он жрец странного и немного еретического культа — культа Грааля. Ведь Грааль, даже если к нему приклеили слово «святой», все-таки остается магическим и *символическим* предметом.

И у короля Парцифалья есть сын. Именно его предание называет Лознгрином, а героические песни — возможно, «Лоррен Гарен» [Гарен Лотарингский?]. Во всяком случае, это *Рыцарь*

¹ БВЛ. Т. 22. С. 569.

Лебедя. Это он женился на герцогине Брабантской при условии, что она никогда не спросит, как его имя. «Из Монсальважа к ней был отправлен рыцарь, ведомый лебедем. Этому рыцарю Бог уготовал особое назначение»¹. Известно продолжение истории, которое Вагнер, опять-таки он, положил на столь великолепную музыку: герцогиня спросила его, кто он. «Тогда его друг лебедь пригнал легкую и прекрасную лодочку. Рыцарь, уезжая, оставил на память драгоценные вещи, прежде принадлежавшие ему: меч, рог и кольцо»². Но он оставил герцогине и прекрасных детей, которые в свою очередь продолжили род.

В самом деле, разве неизвестно, кто завоеватель Иерусалима Готфрид Бульонский утверждал, что происходит от Лозн-гринна, а знает, и от Парцифалья, короля Грааля? Тот самый Готфрид Бульонский, которого некоторые называют основателем так называемого Приората Сиона, создание которого якобы привело и к основанию ордена Храма. Мы решительно все время возвращаемся к началу, пусть это начало и окутано густым туманом легенд. Мы вправе задаться вопросом, в самом ли деле это легенда или, скорее, почему все эти легенды намеренно соединили. *Конечно, Вольфрам фон Эшенбах все это знал,* потому-то он и поместил тамплиеров в Монсальваж охранять Грааль. И это может быть аргументом — единственным, но крайне интересным — в пользу существования Приората Сиона, каким бы ни было его истинное название.

Таким образом, тамплиеры были якобы созданы, чтобы охранять Грааль. Но главное — выяснить, что авторы XII и XIII веков, в том числе Вольфрам, понимали под «Граалем». Непохоже, чтобы Грааль в самом деле кто-либо считал предметом ранее цистерцианского «восстановления», когда, черпая данные из Евангелия от Никодима, наполнили таинственный сосуд кровью Христа, умершего на кресте, сделав из этого сосуда орудие пропаганды культа Драгоценной крови. В этом убеждает

¹ Parzival. P. 339.

² Parzival. P. 340.

разнообразие форм, какие принимал Грааль. Это был не более чем символ.

В большинстве текстов, относящихся к артуровской легенде, Грааль называют «Святым Граалем» (Saint-Graal). Но в рукописях он чаще всего именуется «Sangréal» или «Sangral». А ведь здесь есть тонкость, вполне в духе средневековых авторов, которые имели обыкновение играть словами, передавая весть так, чтобы она не бросалась в глаза. Вольфрам, постоянно ссылаясь на авторитет некоего Киота или Гиота Провансальца, смеется над своими читателями: это просто игра слов на основе старофранцузского глагола *guiller*, что значит «обманывать». Но в те времена было хорошим тоном прятаться за спину хранителя подлинной версии легенды, порой используя всякие языковые двусмысленности.

Если разделить слово *Sangréal* на составляющие классическим образом, получится *San-Gréal*, то есть «Святой Грааль». Но его можно разделить и как *Sang-Réal*, и смещение места разрыва полностью меняет смысл: получается «Королевская Кровь». Что за королевская кровь?

Во всех рассказах из обширной артуровской эпопеи, где Артур, кстати, играет роль центра, вокруг которого выстроено идеальное общество, герой, который ищет Грааль, будь то Парцифаль, или Персеваль, или Ланселот Озерный, или его сын Галаад, обязательно принадлежит к королевскому роду, который иногда возводят к Давиду и который в любом случае является инициационным. *Король Грааля, которого ждут с таким нетерпением, чтобы вернуть плодородие спящему королевству Дурной Земли, по происхождению обязательно должен обладать этой инициационной Королевской Кровью*¹.

Ведь по-настоящему дело здесь не только в том, чтобы вылечить раненого Короля-Рыбака, но также и прежде всего в том, чтобы вдохнуть жизнь в королевство, захиревшее оттого,

¹ По этому поводу я давал объяснения в книге: Markale J. Montségur et l'énigme cathare. Paris, Pygmalion, Gérard Watelet, 1986. P. 289–302 (глава о Королевской Крови).

что его земли поражены бесплодием. Символика выглядит очень ясной. Когда тамплиеры, на которых возложена миссия следить за чистотой Грааля (как пишет Вольфрам), то есть за чистотой Королевской Крови — если надо, систематически устраняя тех, кто пожелал бы приблизиться к этой Королевской Крови, не будучи избранным, — найдут того, кто должен быть их королем, это королевство будет возрождено (грех в нем будет искоренен). Это явственно напоминает некоторые довольно недавние реалии, когда «черные воины» слепо подчинились предназначенному вождю, околдовавшему их, и обрекли мир огню и мечу, чтобы его очистить в надежде, что после этого inferнального *Рагнарека*, всплывшего прямо из германо-скандинавской мифологии, возникнет новый и вселенский мир под скипетром Великого монарха.

Подобное сопоставление может шокировать. Но так сказал Вольфрам фон Эшенбах, и идеологи национал-социализма в этом не заблуждались. Для них Парцифаль был мифологическим архетипом их действий. Вольфрам очень хорошо знал, кем на деле были тамплиеры.

Впрочем, Филипп Красивый и сам, желая носить титул *Bellator Rex*¹, хотел стать королем Грааля, то есть хранителем этой Королевской Крови, которую очень надеялся передать потомкам. Беда в том, что тамплиеры не захотели его. Вероятно, ждали не его, и его имя не было начертано на Камне. В такой ситуации Филипп Красивый, *тоже огонь хорошо знавший, кто такие тамплиеры*, пошел на все, чтобы их уничтожить, потому что не мог позволить этой опасной когорте выбрать себе другого короля Грааля, которого бы они обратили против него. Это был вопрос жизни и смерти. Филипп Красивый выиграл. Тамплиеры проиграли. Здесь Миф смыкается с Историей и составляет с ней одно целое.

Преувеличение? Так рассмотрим паутину, которую сплели тамплиеры в Европе и прежде всего во Франции. Для чего она

¹ Король-воитель (*лат.*).

служила? «Орден Храма — это завершение цивилизаторской линии Запада, и это завершение готовилось с давних пор. *Его миссия — на Западе*; защита Святой Земли — в некотором роде только *средство*, средство для испытания рыцарей и для приобретения могущества, поскольку его „паблисити“ было построено на этой защите. Именно ради этой защиты им делали дары, чего бы, конечно, не произошло, если бы они разоблачили свою роль на Западе»¹. В такой ситуации ритуал отречения выглядит тем, чем и является: выражением веры прежде всего в Христа-Царя, уже не имеющего ничего общего с расплывчатым образом распятого. Но, как и в любом тайном обществе с инициационной структурой, доктрину знали только отдельные братья. Остальные, темные и не имеющие степеней, поклявшись повиноваться, выполняли приказы. Они плевали на крест и шли на смерть в сражениях. Но их использовали для подготовки к созданию королевства, королевства вполне земного, которое после исцеления старого раненого короля сможет возродиться и ожить, как на заре мира, когда Земля была еще девственной.

Ведь еще Вольфрам фон Эшенбах писал: «Рыцарям Грааля часто выпадает счастливая участь — они помогают ближнему, и им самим помогает судьба. Они принимают у себя в замке маленьких детей из благородного рода и с красивым лицом. Иногда бывает, что какое-то королевство оказывается без повелителя; если народ этого королевства покорен Богу и желает себе короля, избранного из отряда Грааля, его желание удовлетворяют. *Нужно, чтобы народ погитал избранного таким образом короля*: ведь на том лежит Божье благословение. Это тайна, которую Бог поверяет тем, кого избрал»².

Решительно, через посредство легендарного повествования и благодаря Вольфраму фон Эшенбаху можно попытаться понять Историю. Вероятно, потому с таким увлечением и ведут поиски в темных подземельях. Можно надеяться обнаружить там Миф, намного более реальный, чем подлинный документ.

¹ Charpentier L. Les Mystères Templiers. Paris, R. Laffont, 1967. P. 74.

² Parzival. P. 57.

Глава VI

РУИНЫ ХРАМА

Буллой от 22 марта 1312 года папа Климент V упразднил орден Храма. Но это был не приговор суда, а просто волевое действие, решение высшей власти распустить организацию, которая в конечном счете зависела только от этой власти. Это не имело никакого отношения к судьбе членов ордена. С момента, когда орден перестал существовать, они стали не более чем отдельными индивидами, лично отвечающими за свои действия. Буллой от 6 мая 1312 года Климент V передавал обычному суду тех тамплиеров, которые были признаны виновными или, признавшись, вновь впали в свои заблуждения. Зато те, кого признали невиновными, получали пенсию и принимались в какой-нибудь монашеский орден. Это решение, внешне очень либеральное, но выполнение которого на деле зависело от доброй воли короля Франции, почти не затронуло нижних чинов ордена. Остальные кончили жизнь на костре или в тюрьме.

До этого надо было решить деликатную проблему имущества ордена Храма. Конечно, все, по крайней мере на французской территории, уже было захвачено агентами короля, но в виде временной меры. Климент V потребовал отдать имущества ордена Церкви, чтобы эти богатства послужили Святой Земле, но король Франции — и другие суверены — предпочли обеспечить распоряжение этим имуществом за собой, чтобы извлечь из этого как можно большую выгоду. То есть незадолго перед тем, как папа принял решение о передаче имущества ордена Храма, за кулисами Вьеннского собора и по всей Европе

развернулись ожесточенные споры. Каждый рассчитывал урвать свою часть от ожидаемой добычи, и едва ли кто-то проявлял при этом излишнюю щепетильность.

Для папы самым простым решением было передать все имущество Храма ордену госпитальеров. Оба ордена имели сходную структуру и часто находились на одной территории, проинформировать передачу было бы легко, и во всяком случае, коль скоро цели орденов Храма и госпитальеров были близки, такое решение выглядело бы наиболее справедливым. Кстати, в течение всего процесса госпитальеры строго воздерживались от вмешательства в это дело на стороне ордена Храма или его противников. Они не слишком хотели привлекать к себе внимание, поскольку было вполне понятно, что участь тамплиеров может постигнуть и их.

Но европейским суверенам, похоже, не очень улыбалась идея передачи имущества ордена Храма госпитальерам. Некоторые из них хотели сохранить это имущество, которым распорядились, за собой. Другие не доверяли госпитальерам. Третьи еще ратовали за создание нового ордена. Согласия достигнуто не было, и папа оказался в меньшинстве на соборе, где большинство кардиналов сочло, что убедительных доказательств виновности тамплиеров не предоставлено.

Деблокировал ситуацию Ангерран де Мариньи, другой верный пес Филиппа Красивого. После долгих безрезультатных переговоров он наконец убедил короля Франции согласиться на компромисс с папой. 2 мая 1312 года Климент V буллой «Ad providam» передал имущества ордена Храма госпитальерам. В отношении Испании и Португалии вопрос оставался открытым. Эту проблему смогли разрешить лишь позже: в королевстве Валенсии имущество ордена Храма, к которому добавилось имущество госпитальеров, отошло новому ордену, только что основанному в Арагоне, — ордену Монтезисы, а в Португалии — новому ордену Христа, почти исключительно состоявшему из бывших тамплиеров. Но в Кастилии большую часть имущества ордена Храма уже растащили.

Итак, госпитальеры святого Иоанна Иерусалимского завладели большей частью доменов и имущество своих соперников. Но они не извлекли из этого большой пользы, и орден госпитальеров, позже ставший Мальтийским орденом, пришел в упадок. Надо полагать, для орденов монахов-солдат, существование которых уже не оправдывалось крестовыми походами, настали не самые благоприятные времена. В целом можно сказать, что после процесса тамплиеры разделились на три группы: те, кого осудили, те, кто был признан виновным, но примирился с Церковью, и те, кто был признан невиновным. Очевидно, в эти три группы не вошли тамплиеры, которым посчастливилось выскользнуть из сети, то есть которые бежали за границу или сумели остаться незамеченными. Что стало с ними? Это вопрос, на который ответить трудно, потому что в принципе они сделали все, чтобы о них уже никогда не могло зайти речи.

Воображение хронистов, историков и писателей того времени, а особенно начиная с XVIII века, разжигала прежде всего тема тамплиеров, «ушедших в подполье». И именно благодаря этим авторам еще можно утверждать, что «тамплиеры — среди нас». Впрочем, хотелось бы знать, в каком качестве, поскольку, хотим мы этого или нет, *Храм на вершине мыса стоит в руинах*¹.

Предание о тайном сохранении ордена Храма начало распространяться по преимуществу в масонской среде в XVIII веке. Ввел туда это предание кавалер Рамсей, английский католик, который — неизвестно, на каких реальных основаниях, — пожелал связать франкмасонство с крестовыми походами. Исходной идеей был следующий постулат: масоны, то есть братства каменщиков, которых защищали, если не вдохновляли тамплиеры, якобы получили доступ к *секретным* документам, разумеется, найденным в Иерусалиме и являвшим древнюю

¹ Строка из стихотворения Леконта де Лиля, не имеющего никакого отношения к тамплиерам.

мудрость строителей Храма Соломона. Потом, около 1760 года, некоторые немецкие ложи, войдя в противоречие с эгалитаризмом и рационализмом оперативного масонства, ввели в спекулятивное масонство иерархию, степени и прежде всего секретность. Эти ложи в попытках оправдать свои действия обратились к истории и некоторым образом привили спекулятивное масонство к стволу ордена Храма, воспринимая его как хранителя великих тайн прошлого.

Все это не более чем спекуляции, но тем не менее братья-масоны нашего времени устраивают некие церемониальные поминовения, во время которых отдают дань памяти Жака де Моле и проклинают Филиппа Красивого и его наследников. Конечно, предполагаемые связи и преемственность между орденом Храма и франкмасонством — проблемы деликатные, но здесь мы не намерены к ним обращаться. Такая преемственность выглядит гораздо в большей мере символической, чем реальной, и в данном случае это не вопрос для исторической дискуссии.

Известно, что французское масонство произошло от шотландского. Независимо от тайных обществ, которые в XVII веке якобы нелегально трудились для реставрации династии Стюартов, первая ложа, основанная в Париже в 1726 году, как считается, сделала своим покровителем св. Фому Кентерберийского. Именно из этой ложи, после множества расколов и изгнаний, возник Великий Восток Франции. В 1756 году барон фон Хунд внес раскол в шотландский устав и основал «исправленный шотландский устав», или «строгое послушание». Это движение особо укоренилось в Германии, затронув таких лиц, как Моцарт, Лессинг или Гете. Но барон фон Хунд, чтобы оправдать свое инакомыслие, нашел древнее предание. Это предание очевидно не поддается проверке, но настаивает на том, что орден Храма сохранился.

В самом деле, рассказывали, что некоторое количество тамплиеров, которым удалось ускользнуть от полицейской облавы Филиппа Красивого, бежали в Германию, Испанию и Велико-

британию. Должно быть, это правда. К этому-то факту и привели предание.

Двести тридцать семь тамплиеров, одновременно капелланов, рыцарей и ремесленников, нашли убежище в сильном Лондонском командорстве. Среди них был один алхимик, описанный как настоящий хранитель великих секретов Королевского искусства, некий Гвидон де Монтанор. Любимым учеником, в некотором роде духовным сыном, он сделал другого беглого тамплиера — Гастона де ла Пьера Феба.

Через несколько месяцев, опасаясь происков английского короля Эдуарда II, большинство тамплиеров-эмигрантов покинуло Лондон и бежало в Шотландию, где они могли рассчитывать на лояльность короля Роберта Брюса. Они поселились на острове Малл, где встретили нескольких французских тамплиеров, уже вошедших в состав шотландского вассального вейска. Те, узнав о смерти Жака де Моле, по всем правилам выбрали ему преемника с полномочиями великого магистра, некоего Пьера д'Омона. Что касается Гастона де ла Пьера Феба, то он, с благословения Гвидона де Монтанора и под покровительством короля, создал коллегия алхимиков тамплиерской традиции, которой сообщил секреты и тайны ордена.

Потом, так как поведение папы Климента V их всех оскорбило, они решили покинуть Римско-католическую церковь и создать собственную, истинно евангелическую, которая бы хранила мудрость и традицию тамплиеров. В качестве символа они приняли «пеликана в его сострадании» — геральдическую розенкрейцерскую эмблему, изображающую пеликана в гнезде, распростершего крылья и кормящего шестерых голодных птенцов своим мясом и своей кровью. Впоследствии этот символ был перенят масонским орденом Рыцарей Розы и Креста и Черного Орла. Так возникла оккультная Священная Коллегия, наследники которой еще встречаются в Шотландии.

Однако в 1316 году, когда папой под именем Иоанна XXII стал кардинал Жак Дюэз, страстный приверженец алхимии и герметических наук, Гастон де ла Пьер Феб и двадцать семь его

товарищей решили очень тайно вернуться во Францию. Сначала они достигли Авиньона, где Иоанн XXII дал аудиенцию Гастону де ла Пьеру Фебу и обещал ему свое покровительство. Он возложил на того миссию вернуться в Шотландию и привезти в Авиньон элиту соратников Роберта Брюса.

Но так как дороги кишели разбойниками, Гастон де ла Пьер Феб из предосторожности, прежде чем отправиться в путь, считавшийся опасным, доверил основные из своих тайн одному приору госпитальеров святого Иоанна, бывшему тамплиеру, который жил в Пон-Сент-Эспри. И правильно сделал: он сам и тринадцать его спутников погибли в засаде недалеко от Лемана. Лишь пятеро выживших сумело достичь Шотландии. Они вернулись в Авиньон с отрядом под командованием Жака де Виа, родного племянника Иоанна XXII.

Однако приор из Пон-Сент-Эспри успел разработать новый тамплиерский устав. Будучи единственным и последним хранителем тайн ордена Храма, он осведомил о них тех, кого считал достойными, в частности Жака де Виа. Была избрана коллегия из тридцати трех мудрецов, которая назначила своим главой Жака де Виа как истинного наследника Гастона де ла Пьера Феба. Тамплиерская церковь росла, но оставалась тайной, что не помешало Жаку де Виа погибнуть от яда 6 мая 1317 года. Его наследники называли себя «Старшими Братьями Розы и Креста», и утверждается, что они существуют по сей день.

Это предание выявляет влияние тамплиеров на интеллектуальную и духовную жизнь Запада. Этот таинственный орден, состоявший из рыцарей, но также из «мудрецов», не мог исчезнуть, не оставив следа. В любой катастрофе выживал хотя бы один, чтобы рассказать о произошедшем. Нет, тамплиеры не могли умереть все. Пусть даже в этом легендарном повествовании существуют неувязки, а именно дата основания этого ордена, июнь 1312 года, с избранием великого магистра, когда Жак де Моле еще был жив. И непонятно, зачем ко всему этому припутали алхимию: ведь тамплиеры как будто прежде всего были бойцами, хозяйственниками и финансистами, а не

«философами», проводящими жизнь в рабочем кабинете или лаборатории?

Но существовало и другое предание, параллельное этому. Не забудем, что в Шотландии тамплиеры избрали великим магистром некоего Жака д'Омона. Утверждают, что это от него пошли другие ветви того, что сегодня принято называть не-отамплиерством. Эта история стоит того, чтобы ее рассказать.

Когда Жак де Моле осознал, что больше ни ему, ни ордену Храма не на что надеяться, он стал думать только о средствах, чтобы сохранить, распространить и увековечить знания и основные принципы, восходящие к отдаленному прошлому. Утверждают, что за несколько дней до казни он кое-что открыл своему племяннику, графу де Боже, и велел ему спуститься в гробницу великих магистров прошлого, чтобы под одной из могил взять хрустальный ларец треугольной формы. Граф де Боже повиновался и принес ларец Жаку де Моле. Тогда тот, удовлетворенный успешным исходом испытания, которому он подверг племянника, рассказал ему обо все, открыв все тайны, и взял с него клятву сделать все, чтобы орден жил до скончания веков. Он также поведал, что этот ларец содержит реликвию, преподнесенную ордену королем Балдуином Иерусалимским, — не менее чем указательный палец правой руки святого Иоанна Крестителя. Наконец, он передал племяннику три ключа, позволявшие открыть сундук, спрятанный в могиле предшественника Жака де Моле.

После того как Жак де Моле погиб, Боже вступил в контакт с девятью тамплиерами, избежавшими грозы, и вместе с ними спустился в мавзолей. Они извлекли оттуда сундук и опустошили две колонны, которые были полыми и содержали «великие сокровища». Далее они постарались переправить этот драгоценный клад в безопасное место — говорят, на Кипр; но почему на Кипр?

Спутники единодушно избрали Боже великим магистром. Но чтобы лучше скрыть орден, который он восстанавливал, Боже учредил новые церемонии, которые спрятал под покровом

Храма Соломона. Преемником Боже был Жак д'Омон, и от него пошла череда великих магистров, род которых, говорят, не угас и в наши дни. Но кто теперь великий магистр, сообщать остерегаются. Правда, это тайна. Еще одна¹.

Официально и открыто для широкой публики орден Храма был воссоздан при Первой империи, не делая тайну краеугольным камнем своей постройки. У истоков этого возрождения стоит некий Бернар-Раймон Фабре-Палапра, родившийся в Корде в 1773 году, вероятно, врач, но скорее его следует отнести к шарлатанам. В один прекрасный день он внезапно объявил себя наследником Жака де Моле и преобразовал клуб, где был председателем, в тамплиерскую секту, в которой, очевидно, стал великим магистром.

В подтверждение своих притязаний он предъявлял *сокровище*, состоящее из каски Жака де Моле и нескольких костей, якобы подобранных на пепелище казни. К тому же он сфабриковал документ, написанный готическими буквами, где перечислялись великие магистры ордена Храма, начиная с Жака де Моле. Кстати, с эпохи Регентства, он использовал подлинный масонский список, что придавало этому документу правдоподобие, и современники несколько лет относились к нему вполне серьезно и лишь потом категорически отвергли.

Конечно, новый орден Храма принимал дары и даже продавал дворянские титулы — или их видимость — простакам, жаждавшим позолотить свой герб. Продавал он также инсигнии, знаки отличия и церемониальные одежды, ведь денег лишних не бывает. Успех был огромным.

В эту ловушку попался сам Наполеон. Страстно увлеченный историей тамплиеров, он оказал покровительство начинающему Фабре-Палапра и предоставил свою личную гвардию для торжественной церемонии, состоявшейся 28 марта 1808 года в парижской церкви Святых Павла и Людовика в память Жака де Моле. Мессу служил аббат Клуэ, каноник собора Парижской

¹ Обо всех этих преданиях см. *Atlantis*, № 215–217.

Богоматери, который в проповеди превознес благочестие и воинские добродетели тамплиеров, защитников Святой Земли. И церковь наполнил «весь Париж» того времени...

Новый орден Храма пережил Империю. В 1833 году он организовал большую церемонию во Дворе Чудес: долго молились за государя (который был сыном цареубийцы, то есть происходил из рода, отомстившего за Жака де Моле), и канониссы, похоже, не слишком одетые, собирали пожертвования — важный момент в ритуалах подобного рода. Это был апофеоз Фабре-Палапра, который, впрочем, начал обнаруживать признаки умственного расстройства. Он умер в 1838 году, и преемником его стал англичанин, адмирал Смит. Между тем Фабре-Палапра в качестве примаса церкви принял некоего аббата Шателя. Но они поссорились и расстались, назвав друг друга шарлатанами и обманщиками. В конечном счете аббат Шатель стал бакалейщиком, но он успел основать собственную церковь, которая, похоже, существует и в наши дни.

Что касается адмирала Смита, то он умер в 1840 году, выполнив свой тамплиерский долг в Алжире, где сражался на стороне французов против неверных. Но его наследство стало поводом для разнообразных расколов и многочисленных скандалов. Этот новый орден Храма скончался в атмосфере полнейшего безразличия. Но как знать? Ходят слухи, что он смог возродиться из пепла.

И это был бы не единственный случай. Во всем мире существует несчетное количество групп, причисляющих себя к тамплиерской традиции и претендующих на права законных наследников. Эти «ордены» по большей части прекрасно известны и носят вполне официальный характер. Перед нами тот же феномен, что и феномен друидов: никогда в мире не было столько неodruidов, как в конце XX века. Помнят ли члены этих тамплиерских «орденов», по большей части принадлежащие к хорошему обществу, что их отдаленные предшественники «никогда не причесывались, редко умывались и предпочитали ходить со спутанными волосами, с запыленным лицом,

с загорелой и черной кожей»? Будем серьезными людьми. Если в наши дни еще есть настоящие тамплиеры, они стараются не привлекать к себе внимания¹.

Храм разрушен. В этом разрушении обвиняют короля Франции Филиппа Красивого и папу Климента V. Это, конечно, верно, но лишь на первый взгляд. Орден Храма, должно быть, содержал в себе самом зародыши собственного разрушения. В начале XIV века он стал социальным, экономическим институтом и более не соответствовал идеалам, которые были определяющими при его учреждении. Христиане окончательно

¹ Во всяком случае, *тамплиерский дух* существует. Не говоря уже об «Обществе Иисуса», которое с XVI века распространилось по всему миру, соткав крайне прочную сеть, и которое зависит только от папства (его назвали Черным интернационалом), можно позволить себе провести параллели с современными организациями, которые никак не претендуют на покровительство ордена Храма. В такой связи невозможно не вспомнить об этой всемирной организации, о которой в наши дни часто сообщает пресса. Ее исходная идея — мистическая: создать на земле истинное «царство Божье», нанеся решительное поражение материализму и побудив человечество жить в Духе. Используемые средства очень близки к тем, какие применял орден Храма. Прежде всего к этой «секте» принадлежат люди убежденные, и работают они на общину *бесплатно*. Чем они отличаются от монахов? Но это позволяет им располагать дармовой рабочей силой. Эта «секта» получает дары и извлекает из них пользу. Она примечательно умело ими распоряжается, так что теперь, вероятно, занимает пятое или шестое место в мире по размерам состояния. У нее есть владения, земли, промышленные предприятия (где на нее работают ее добровольцы), флоты, акции интернациональных предприятий, группы влияния в прессе и других средствах массовой информации. Это предприятие далеко раскинуло свои щупальца, имеет разнообразные формы и действует по всему миру. Его расположение напоминает «паутину» ордена Храма. И, как орден Храма, оно намерено сражаться со своими «неверными», в данном случае с марксистами или теми, кто так называется. Именно для этой борьбы оно принимает дары, как орден Храма их принимал, дабы обеспечить победу христиан над врагами веры. И в некоторых странах, где оно пустило прочные корни, как в США или Латинской Америке, оно оказывает огромное влияние на политику. Во всем этом есть примечательное сходство с орденом Храма.

утратили Святую Землю, и у фантазий Раймунда Луллия о христианизации мусульман было бы очень мало шансов воплотиться в жизнь, даже если бы Филиппу Красивому удалось добиться своего избрания великим магистром нового ордена, который он желал создать на основе ордена Храма, главного центра этой предполагаемой силы.

В действительности разрушение ордена тамплиеров означает собой конец того мира, который еще питал иллюзии о возможности сотрудничества светской и религиозной властей. Миф о Митре и Варуне, пара друид — царь, легенда о короле Артуре и волшебнике Мерлине, император и папа — все это соответствовало старой традиционной схеме. И тамплиеры — тоже часть этой схемы. «В самом деле, тамплиеры, имея двойственный характер — монахов и рыцарей, воплощали важный аспект духовной власти, которая отличалась от папства, но в полной мере признавалась последним и которая по мысли своего создателя, святого Бернара, должна была в точном соответствии со своим изначальным характером, походя одновременно на „брахмана“ и „кшатрия“, обеспечивать сохранение гармоничного равновесия в мирском обществе в традиционной ортодоксальной перспективе»¹. Проблема в том, что у ордена Храма, возможно, были секретные цели. Между декларациями о намерениях и их реализацией вглубь всегда большое расстояние.

Впрочем, если бы все было так просто, если бы у тамплиеров не было иной миссии, кроме как защищать паломников в Святую Землю, если бы они были только жертвами произвола, если бы Филипп Красивый был не более чем гнусным тираном, способным на худшие злодеяния, лишь бы пополнить казну государства, в чем состояла бы загадка, которую перед каждым из нас ставят тамплиеры?

Тамплиеры — бедные мученики христианской веры, жертвы злого короля и дурного папы? Не будем наивными. Если

¹ Hani J. *La royauté sacrée*. Paris, Trédaniel, 1984. P. 260.

прочсть все досье тамплиерского дела и учесть мифологические элементы, в невинность тамплиеров поверить нельзя. Они отреклись от Иисуса и плюнули на крест. Их вынудили это сделать? Конечно, *но они это сделали*. И кто же эти «они», заставлявшие бедных тамплиеров совершать эти не слишком благочестивые действия? По всей видимости, орден Храма имел двойственный характер, но не только, как обычно говорят, в том смысле, что представлял собой синтез группы, которая молится, и группы, которая сражается. Он был двойственным потому, что был окружен таинственностью, за которой непременно что-то крылось. Орден Храма — это *черный орден*. Скорее так: существовал один *Черный Орден*, который слепо повиновался другому. Еще раз обратимся к Вольфраму фон Эшенбаху, знавшему, что это был за орден: «С тех пор камень хранят те, кого предназначил сам Бог». А когда в каком-то королевстве нет короля, туда направляют человека Грааля, иначе говоря, тамплиера, и «нужно, чтобы народ почитал избранного таким образом короля». И наконец, «Бог посылает Своих избранников тайно». Любому черному ордену свойственно делать вид, что его не существует. А Иерусалим, который якобы защищали тамплиеры, был уже в пространственном и временном отношении не более реальным, чем Монсальваж из легенды о Граале.

В этом и заключена тайна тамплиеров. Несмотря на пытки и насилие, те, кто знал, не заговорили. Но то, чего они не сказали, для тех, кто пожелал бы их выслушать, было бы скандальным, непостижимым и в конечном счете совершенно невыносимым.

Потому что подлинную христианскую весть тщательно и намеренно удалили из Евангелий. Не всякую истину стоит высказывать. Климент V очень хорошо это знал, потому-то он и уклонился от судебного рассмотрения дела, приняв волевое решение, акт сакральной власти, на что, впрочем, имел право.

Вопрос не в выяснении, кто виновен или невиновен в этом деле, вышедшем далеко за исторические рамки, в которые его

хотели заключить. Вопрос лежит совсем в другой сфере — сфере мистики святого Бернара и легенды о Граале. Если он приобретает зловещий аспект, удивляться этому не следует, потому что на этом высшем уровне нет ни добра, ни зла, ни белого, ни черного.

Это троякий вопрос: что именно знали тамплиеры? Что это была за Тайна, за которую они умерли? *Эта тайна была скандальной*, во всяком случае для того времени. Является ли она таковой для нас и сегодня?

Эта тайна тамплиеров лежит в руинах, руинах Храма. А ведь руины Храма — повсюду и нигде. Может быть, она спит в подземельях Жизора, прикрытая тоннами строительного мусора и бетонной оболочкой. Главное — знать, что ищешь.

Бьези — Ланво, 1986

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Baigent Michael, Leigh Richard, Lincoln Henry.* L'Énigme sacrée. Paris: Pygmalion, 1983.
- Bayard, Jean-Pierre.* Le symbolisme maçonnique des hauts grades. Paris: Prisme, 1975.
- Bordonove, Georges.* La vie quotidienne des Templiers au XIIIe siècle. Paris: Hachette, 1975.
- Les Templiers.* Paris: Fayard, 1977.
- Cohn, Norman.* Démonolâtrie et sorcellerie au Moyen âge. Paris: Payot, 1982.
- Curzon, Henri de.* La règle du Temple. Paris: Renouard, H. Laurens, successeur, 1886.
- Dailliez, Laurent.* Les Templiers et les règles de l'Ordre du Temple. Paris: P. Belfond, 1972.
- Demurger, Alain.* Vie et Mort de l'Ordre du Temple. Paris: Seuil, 1985.
- Fau, Guy.* L'Affaire des Templiers. Paris: Pavillon, 1972.
- Favier, Jacques.* Philippe le Bel. Paris: Fayard, 1978.
- Hani, Jean.* La royauté sacrée. Paris: Trédaniel, 1984.
- Lizerand, Georges.* Le Dossier de l'affaire des Templiers. Paris: Champion, 1923; Paris: Belles Lettres, 1964.
- Markale, Jean.* Les Celtes et la civilisation celtique. Paris: Payot, 1969.
- Markale, Jean.* L'Épopée celtique d'Irlande. Paris: Payot, 1971.
- Markale, Jean.* L'Épopée celtique en Bretagne. Paris: Payot, 1971.
- Markale, Jean.* Le roi Arthur et la société celtique. Paris: Payot, 1976.
- Markale, Jean.* Aliénor d'Aquitaine. Paris: Payot, 1979.
- Markale, Jean.* Le Graal. Paris: Retz, 1982.

- Markale, Jean.* Le Christianisme celtique et ses survivances populaires. Paris: Imago, 1984.
- Markale, Jean.* Lancelot et la chevalerie arthurienne. Paris: Imago, 1985.
- Markale, Jean.* Le Chêne de la sagesse: un roi nommé saint Louis. Paris: Hermé. 1985.
- Markale, Jean.* Montségur et l'énigme cathare. Paris: Pygmalion / Gérard Watelet. 1986.
- Maurin, Jacques.* La double mort des Templiers. Paris: Laffont, 1982.
- Melville, Marion.* La vie des Templiers. Paris: Gallimard, 1951.
- Michelet, Jules.* Le procès des Templiers. Paris: Imprimerie royale, 1841–1851.
- Ollivier, Albert.* Les Templiers. Paris: Seuil, 1958.
- Pernoud, Régine.* Les Templiers. Paris: R.U.F., 1974.
- Sède, Gérard de.* Les Templiers sont parmi nous. Paris: Julliard, 1982.
- Tourniac, Jean.* De la chevalerie au secret du Temple. Paris: Prisme, 1975.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. Места	5
Глава I. Тени Жизора	7
Глава II. Великий час для Жизора	27
Глава III. Сокровище Жизора	55
Глава IV. Тамплиеры повсюду	83
Часть вторая. Кем были тамплиеры?	115
Глава I. Основание ордена Храма	117
Глава II. Эволюция ордена тамплиеров	147
Глава III. Орден Храма под обвинением	170
Часть третья. Загадка ордена Храма	197
Глава I. Тайный устав ордена Храма	199
Глава II. Таинственная голова	216
Глава III. Отречение	238
Глава IV. Тамплиерская символика	256
Глава V. Орден Храма и Грааль	269
Глава VI. Руины Храма	287
<i>Избранная библиография</i>	300

Научно-популярное издание

Маркаль Жан
Жизор и загадка тамплиеров

Главный редактор В.В. Чубарь
Ответственный редактор В.Ю. Трофимов
Компьютерная верстка: Е.А. Антонова
Корректор Н.Э. Тимофеева

Подписано в печать 27.11.07 г.
Формат 84x108¹/₃₂. Усл. печ. л. 15,96.
С.: И.Б.(84). Тираж 3000 экз. Заказ № 7822.
С.: ПКДВ(84). Тираж 3000 экз. Заказ № 7822.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

ООО «Издательство «Евразия».
197110, г. Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.

Качество печати соответствует качеству
предоставленных диапозитивов

Тайна разрушения ордена Храма по приказу Филиппа Красивого вот уже почти семь веков не перестает волновать умы. Но последние лет двадцать проблема, связанная с уничтожением этого ордена, вновь стала вызывать особый интерес и породила разнообразные толкования, прежде всего по поводу Жизора и его странного замка. Чей это все-таки замок? Какую роль в Жизоре играли тамплиеры? Спят ли еще тайны в подземельях этой старинной крепости?

Жан Маркаль очень объективно отвечает на все эти вопросы. Результаты его расследования могут удивить: может быть, тамплиеры, которых чаще всего считают жертвами темных интриг, скорее послушно осуществляли папскую политику подчинения мира? И за какую скандальную тайну они умерли?

Тем не менее одна загадка остается абсолютно неразрешимой: тамплиеры, по-прежнему считая себя христианами, отрекались от Иисуса. Почему?

Полностью считаясь с историческими источниками, Жан Маркаль старается прояснить эту жгучую тайну, отделяя бесспорные факты от гипотез, слишком часто выдвигаемых без всяких оснований.

Историческая библиотека

ISBN 978-5-8071-0265-2

9 785807 102652